литература и жизнь \ 2016 \ № 1–4 (30–34)

проталина

дух дышит, где хочет

Случайная встреча 9 мая в этом году. Завершалась подготовка к Параду Победы, и люди стекались к месту торжества. Человек в камуфляже шел не спеша, как бы своей дорогой, но оглядывался — кого поздравить...
Эта встреча позволила узнать еще одну военную судьбу солдата уже другого поколения. Анатолий, фамилии он не назвал, — из братства воинов-интернационалистов, прошедших афганский ад. Как и многие из тех, кто вернулся оттуда, он обрел неприкаянность, как бы выпал из внимания общества.

Совершенно неожиданно для нас в номере сошлись материалы, посвященные войнам в горячих точках. Видимо, пришло время осмыслить трагическую суть: искренний порыв защитить мир не исключает необходимости ответственно относиться к человеческим утратам и к тем, кто уцелел. На солдатской груди блестят награды, а сердце порой потаённо болит от мысли, что все должно бы совершаться как-то по-другому. Об этом свидетельствуют герои публикуемых материалов.

Этот номер осуществлен
при поддержке Администрации
муниципального образования
«город Екатеринбург».
Журнал реализует свой проект
«Доброе чтение во имя любви
к Родине, к своей истории
и к родному русскому Слову»

Подписка — 2017
по объединенному каталогу «Пресса России»

Подписной индекс «Проталины» 42333

Условия оформления подписки на журнал вы найдете в каждом отделении почтовой связи в объединенном каталоге «Пресса России» (1 том, зеленая обложка) на страницах, отмеченных в тематическом и алфавитном указателях

Подписка — 2017
в группе компаний «Урал-Пресс»

С помощью этой компании подписаться на журнал можно с любого месяца. Сформируйте заявку и отправьте ее в офис агентства «Урал-Пресс» (www.ural-press.ru) в вашем городе

Адрес журнала в Интернете: www.protalina.com
Там вы можете найти дополнительную информацию о нас

Культура тоже нуждается в защитнике

Журнал выходит в свет благодаря постоянной помощи наших спонсоров

«Проталина»

ООО «СВЕЙ»
г. Екатеринбург

Производство, проектирование, монтаж, наладка оборудования для энергетических и промышленных предприятий

www.aura-e.ru

содержание

долги наши

Елена Минакова
Солдат, который больше ничего не ждет
Случайная встреча 9 мая в этом году... Эта встреча позволила узнать еще одну военную судьбу солдата уже другого поколения. Анатолий, фамилии он не назвал, — из братства воинов-интернационалистов, прошедших афганский ад. Как и многие из тех, кто вернулся, этот человек обрел неприкаянную судьбу, как бы выпал из внимания общества.
6

Елена Минакова
Полынное лето в Готопутово
Людмила Григорьевна Ермолаева — вдова известного в свое время председателя колхоза «Родина» Александра Ермолаева. Именно он сделал этот колхоз миллионером. Людей он обеспечил и хорошим жильем, и работой, а сам с семьей остался в маленьком домишке, в котором по сей день и живет вдова.
96

узлы истории

Ирина Филатова
Поля забвения и славы
Новые, как всегда горячие, очерки Ирины Филатовой — это находки, открытия и стремление соединить звенья памяти о нашем великом и трагическом прошлом. По-прежнему непрерывна связь Филатовой с поисковыми группами из разных городов России. Они добровольно и бескорыстно в любых условиях ездят на поля бывших сражений. И в местах, заросших лесами, и из болотной топи они извлекают останки погибших. За этим следует длительный поиск потомков. Почти незаметная работа стала смыслом жизни поисковиков.
10

Ирина Филатова
Терпеливая вахта ожидания
Каждый год, благодаря работе поисковиков, возвращаются имена бойцов, павших в сражениях Великой Отечественной войны. Так возник еще один воинский мемориал в деревне Чудской Бор Тосненского района Ленинградской области, близ городка Любань. Начиная с 1989 года именно здесь ежегодно проходит поисковая экспедиция «Любань». За 27 лет работы экспедиции в районах ожесточенных боев подняты и захоронены останки свыше 10 тысяч воинов, установлены имена более тысячи солдат и офицеров. 10 мая 2016 года появились еще две плиты, на них 64 имени. Среди них есть сибиряки.
32

Юний Горбунов
Магнитное притяжение к тайнам забытых судеб
Тернии и лавры доктора Белоголового
Замеченный Петром и канувший в забвение, или Зигзаги судьбы майора Аничкова
Два очерка о людях, оставивших след в истории. Их имена до сих пор пребывают в вековом забвении. Автор-краевед из Екатеринбурга Юний Горбунов глубоко заинтересовался их судьбой и посвятил им очерки, при этом он решает свою задачу в жанре мифологии.
44

Александр Копырин
Где быль зарастает травой
Новые записки краеведа из города Асбеста, человека неугомонного в своих поисках... В поисковом азарте группа оказалась в поселке Золото. В далекие годы это был центр самых крупных разработок по добыче золота. Путь тот привел исследователей в почти неизвестную страну.
60

Юрий Мурашев
Записки простого советского человека
За основу автор взял собственный дневник, начатый еще в советскую пору. В нем запечатлены забытые теперь меты времени. Пересматривая страницы написанного, автор счел необходимым внести дополнения и уточнения. Он стал выверять по разным книжным источникам последовательность событий большой страны, в которые вплеталась его судьба. Многое осмыслялось уже по-новому.
76

Борис Галязимов
Сюжет для Голливуда. Из несостоявшейся книги
«Красные тени» — так должна была называться книга, куда автор включал историко-документальные рассказы и очерки, связанные во многом с Уралом, Сибирью и историей нашего Отечества. В память о талантливом писателе и краеведе, умевшем находить уникальные факты и удивительные судьбы, мы продолжаем публиковать очерки из несостоявшейся книги. Борис Галязимов родился 3 января 1940 года, ушел из жизни 27 марта 2009 года.
В наступающем 2017 году будет отмечаться дата — 100-летие со дня рождения знаменитого летчика Михаила Девятаева. Он сумел бежать из фашисткого плена на вражеском самолете, а Родина приняла его в колючие сети лагеря. В середине 1990-х годов сибиряк Владимир Шарпатов повторил девятаевский подвиг, сумев сбежать из талибского плена. Судьбам этих людей и посвящены страницы публикуемого очерка Бориса Галязимова.
180

Борис Пинаев
Прогулка без личного оружия. Посвящается всем, кто не вернулся с «локальных» войн
Это не просто воспоминая в письмах и не рассказ понаслышке. Это откровения живого участника событий в одной из горячих точек, которых видимо-невидимо на Земле. В таких, зачастую навязанных, войнах гибнут наши самые юные, безоглядно готовые послужить Родине. Борис Пинаев — участник боевых действий в Северном Йемене с 1962-го по 1963 год.
164

почтальон «проталины»

Наталья Никова
Позвали в дорогу Великие Луки
И в наше время продолжают звучать новые стихи о войне! Автор редакционной почты написала историю поиска могилы дяди-фронтовика Михаила Икрина, а также посвятила ему свои стихи.
38

фотография на память

Инесса Еренбург
У девочек почти сбывалась жизнь
У всего на свете есть своя история. Есть она и у этой уникальной, чудом сохранившейся фотографии, которой уже почти 100 лет! На снимке четыре девочки-гимназистки. Автору материала удалось проследить судьбы всех четырех. Любопытно, что одна из четырех, Агния Машарова, стала женой адъютанта адмирала Колчака.
70

мой письменный верный стол

От редакции журнала «Проталина»
Их сдружило море и связало слово
Они никогда не виделись, но дружба их, морская и мужская, крепла и продолжалась многие годы. Ко времени знакомства

«Проталина» — ощущение весны, обновления природы. Литературно-художественный и публицистический журнал под таким названием обрел прописку на Урале, в крае, богатом литературными традициями, и он наполнен голосами самобытных, порой малоизвестных, но, главное, честных авторов.

«Проталина» — внутренний мир неординарно мыслящего человека. Ему сегодня нелегко. Многие любители словесности замечают, что постепенно вымывается мудрое писательское Слово. На смену ему приходят коммерческие поделки, и всему царь — Рубль. Мы решили в какой-то мере помочь начинающим талантливым авторам и тем, кто отправляет свои рукописи в стол, пробить дорогу к сердцу читателя. Настало время говорить в открытую: когда культурные устои рушатся, должны появиться их защитники.

«Проталина» — добрый и мудрый собеседник. Не случайно родился девиз журнала «Дух дышит, где хочет», созвучный христианской мудрости. Дух мудр, всеведущ, и от него разрослась вся культура человечества. Разумеется, в этой культуре нет и не может быть понятия — провинция. Главный принцип издания: все определяет талант, его духовный и нравственный посыл.

Так что приглашаем вас в путь!

содержание

у каждого уже почти определился свой порт приписки. Писатель, киносценарист и капитан дальнего плавания Виктор Конецкий жил и работал в Ленинграде, а писатель, художник и тоже человек с большим опытом мореплавания Евгений Пинаев прибился к уральскому берегу — сухопутному Свердловску. Пока верстался номер, пришло горькое известие. Ушел из жизни Евгений Иванович Пинаев. Он до последнего дня был творчески связан с «Проталиной».

110

От редакции журнала «Проталина»
На вечном причале. Прощальное слово о Друге
Евгений Иванович Пинаев был в составе Общественного совета «Проталины». Он щедро отдавал сердечное тепло людям, отыскивая крупицы таланта, и рад был каждой такой находке. Его талант освещал многие страницы «Проталины». Ряд снимков из архива редакции — это разные моменты жизни Евгения Пинаева.

116

Сергей Перунов
Высокий свет земного беспокойства. Стихи
У него легкий слог, а сам он будто врос корнями в свою родную землю. Это ему дает вдохновение, а читателю открывает подлинную ценность жизни. Сергей живет в городе Шадринске, он следователь, но по настрою души он, прежде всего, поэт.

102

Борис Карташов
Через козни хмеля и бездушия
Четыре рассказа… Они относятся к одной из самых трагичных страниц современной России — так называемой Первой чеченской войне, которая в середине девяностых унесла сотни тысяч жизней. Борис Карташов, автор рассказов, определил свое отношение к теме коротко и ёмко — «правда о той войне».

158

терновый венец

Татьяна Осинцева
Ожившие голоса мертвых. Свидетельства трагедии Александро-Невского прихода и его прихожан
Документальный очерк, созданный на основе поднятых архивов спецхрана. Достоверно открывается картина злодеяний советской власти в период уничтожения православия на Урале. Беспредельный разгул репрессий коснулся всех слоев народа. В Свердловской области сталинский план перевыполнили. Невинных людей арестовывали, пытали, предъявляли им совершенно абсурдные обвинения. В подвалах НКВД на ул. Ленина, 17 в Свердловске только за неполные два года (1937–1938) расстреляли около 20 тысяч человек. Порой за одну ночь расстреливали до 400 человек.

124

гость русской чужбины

Валерий Костюков
Тяжесть балканских объятий
Автор рассказывает про то, как в поисках житейского рая он попал в переплет неожиданных происшествий и злоключений.

138

ветры ищут паруса

Игорь Зубов
Искренне Ваш Игорь Зубов
Так всегда он заканчивает свои письма. Каждое его послание — это и рассказ, и чувства, полные доверия. Одно такое письмо однажды пришло на адрес «Проталины». Было это несколько лет назад. Мы опубликовали тогда небольшой рассказ Игоря Зубова «Свет в окошке» и стихотворение. Теперь новая подборка.
В миниатюрах, не лишенных «особинки», показана сложность жизни человека, настроенного светло, даже оптимистично, в то же время обреченного на постоянную борьбу с недугом. В откровенных строчках автора постоянно мелькают лучики доброго юмора, но, конечно, есть и горькие нотки о том, что ему в общем-то не хватает человеческого тепла от окружающих, хотя запросы его скромны.
Публикуется также репродукция картины Галины Бойчук, члена Союза художников Украины, живущей в Монреале, в Канаде. Эту картину она написала на стихи Игоря, которые он послал художнице по Интернету.

150

неравнодушный взгляд

Елена Минакова
Ранний зов, долгий путь
Встреча с известным уральским художником, чьей кистью расписаны многие русские храмы. Николаю Шушалыкову принадлежат оформление духовно-просветительского центра «Патриаршее подворье» в Екатеринбурге и росписи алтаря придела Храма на Крови. Русская православная церковь вручила ему высокую награду — медаль Святых Царственных Страстотерпцев II степени. Вот уже несколько лет он приезжает на Афон для росписи церкви Святителя Николая Чудотворца.
Николай Шушалыков убежден, что сама Судьба его наставляет. Он пожизненно предан старому храму в своем родном селе, где почти не осталось жителей. Он его навещает и старается продлить ему жизнь.

184

память сердца

От редакции журнала «Проталина»
Встреча через годы и расстояния
Почти фантастические события, участники которых встретились, благодаря «Проталине», через много лет. А именно: через 73 года! Кинолог Ирина Самохвалова из Нижнего Новгорода примчалось в город своего детства — в Екатеринбург, где встретилась с давней подругой, журналисткой Светланой Марченко. Детство обеих прошло в одном дворе — в знаменитом Городке чекистов.

194

эхо наших публикаций

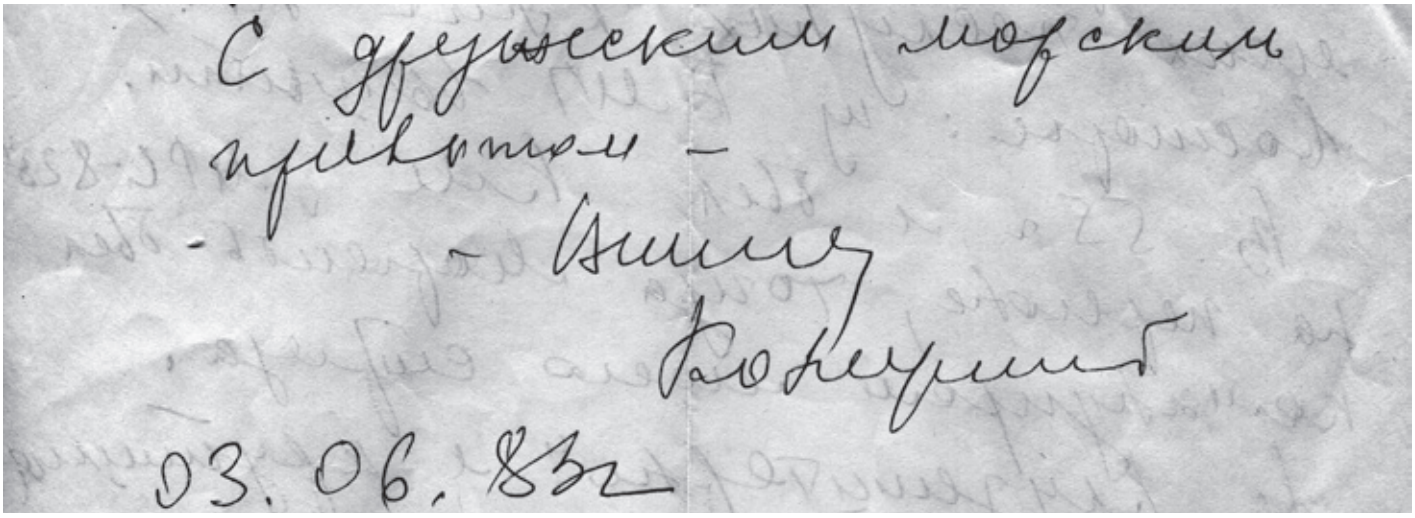
XV Всероссийский конкурс СМИ «Патриот России». Впечатления от встречи с Челябинском
28 июля 2016 года в Челябинске состоялась церемония награждения победителей очередного Всероссийского конкурса на лучшее освещение в СМИ темы патриотического воспитания «Патриот России-2016». Автору «Проталины» Борису Карташову вручен диплом лауреата в номинации «Служу Отечеству» за цикл рассказов «Отчаянное противостояние». Это уже восьмая награда нашему журналу от экспертного жюри конкурса.

202

смотрю и вижу

Фотовернисаж «Проталины»
Елена Минакова (Екатеринбург),
Сергей Мальгавко (Омская обл. Тара)
Андрей Павлычев (фото)

9, 109, 179

Автограф на память. Дружеский привет из далеких восьмидесятых звучит как доброе эхо, дошедшее до нас в августе 2016 года. Писательские архивы не горят и порой неожиданно становятся живыми отголосками воспоминаний. Об этом мы рассказываем на страницах нового номера «Проталины». Два писателя, влюбленные в море, однажды подружились по переписке. Это известный ленинградский писатель-капитан Виктор Конецкий и «боцман-дракон», уральский писатель и художник Евгений Пинаев. Мы открываем страницы писем и ощущаем неразрывную связь человека со временем.

проталина

Литературно-художественный и публицистический журнал
Ежеквартальник
Издается с апреля 2008 года в Екатеринбурге
№ 1–4 (30–34), 2016

Победитель Всероссийского конкурса СМИ «Патриот России» в номинациях «Николай Карамзин» (2009), «Павел Бажов» (2009), «С чего начинается Родина» (2013).
Лауреат Всероссийского конкурса СМИ «Патриот России» в номинациях «Наследники Победы» (2010), «Мгновения истории / Моя Россия» (2012), «Моя Россия» (2014), «Мы — Россияне» (2015), «Служу Отечеству« (2016).
Лауреат тюменского регионального конкурса «Книга года» в номинациях «Журнал года» (2008), «Редактор года — приз имени Панкратия Сумарокова» (2009), «Лучшее журнальное издание» (2011, 2013).

учредитель и издатель:
Автономная некоммерческая организация «Редакция журнала «Проталина». Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (Москва). Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-66395 от 14 июля 2016 г.

главный редактор Елена Минакова-Чернова

редакция:
зам. главного редактора по литературным вопросам Светлана Марченко,
художественный редактор Николай Пискулин,
технический редактор Игорь Подвысоцкий,
специальный корреспондент Тимофей Николайцев (Новосибирск),
корректор Галина Гломоздова

общественный совет:
Людмила Гришина-Гривачевская, старший преподаватель кафедры фонетики и грамматики славянских языков Киевского национального лингвистического университета (Киев),
Евгений Пинаев, писатель, художник (Екатеринбург)

группа поиска:
Михаил Захаров (Тюмень)
Ирина Филатова (Калачинск)

адрес редакции:
620026, Свердловская область,
г. Екатеринбург,
ул. Луначарского, д. 240,
корп. 1, оф. 7
www.protalina.com
E-mail:
post@protalina.com;
protalina-tmn@yandex.ru
Контактный телефон:
8–922–266–66–12
(Екатеринбург)

отпечатано
с готового оригинал-макета в типографии Форт Диалог-Исеть,
г. Екатеринбург,
ул. Монтерская, 3
Тел.: (343) 228–02–32
Тираж этого номера ограничен — 300 экз.
Подписано в печать 10.12.2016 г.
Формат 60x84/8.
Печать офсетная
Бумага мелованная матовая 80 г/м²
Заказ № 4020
Цена свободная

Редакция не рецензирует рукописи и не возвращает их авторам. Журнал размещает рекламу, приглашает к сотрудничеству спонсоров, за содержание рекламных материалов ответственности не несет. Все финансовые поступления направляются на развитие журнала. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов. По вопросам распространения обращаться в редакцию.
Подписку на журнал можно оформить следующим образом:
— Через каталог «Пресса России» во всех отделениях почтовой связи. Подписной индекс — 42333.
— Через интернет-каталог «Пресса России» (www.arpk.org).
— В группе компаний «Урал-Пресс» во всех федеральных округах России. Телефон отдела заказов и подписки в филиале агентства в Екатеринбурге: 8 (343) 379–05–02

елена минакова

солдат, который больше ничего не ждет

(фото автора)

Это было светлое, свежее, прозрачное утро. Небо цвета бирюзы казалось величественным и спокойным. Не по-будничному шуршали шинами проезжающие мимо машины. Грузно покачивались на колесах, притормаживая у лежачего полицейского, автобусы. Припекало солнце. Под его лучами сильный и стылый ветерок уже не сковывал, а будто даже бодрил и чуточку обжигал.

Начинался день 9 мая. Мы с Ричардом вышли на прогулку, он жадно нюхал воздух. Настроение было по погоде, чувствовался какой-то подъем. Близко ощущалось, что на Центральной площади города подходила к концу подготовка к празднику. Завершались репетиции — вот-вот начнется Парад Победы. Туда уже ручейками стекались люди со всех улиц и переулков.

И вот под этим небом, на этом бойком ветерке, обдувающем перекресток улиц Мира и Ленинградской в Тюмени, мы стояли с псом. И будто бы из ниоткуда прозвучало приветливое: «С праздником!» Располагающий, без наужелюбный баритон. Открытое лицо. Добрый прищур. Улыбаясь в седые усы, пришелец обнажил беззубый рот. Один глаз у него был невидящим.

Передо мной стоял невысокого роста человек без возраста в куртке, надетой на «зелёнку». Из-под воротника проглядывал уголок тельняшки. Не то летчик, не то моряк. К правой стороне своей камуфляжки он приколол юбилейные значки российской авиации — на одном я разглядела надпись «Аэрофлот — Ил-76». Со стороны сердца подрагивал лепесток Георгиевской ленты.

Подошедший представился Анатолием. Чем-то он меня заинтересовал, мы познакомились. Хотелось знать, идет ли он на парад, как жизнь, как настроение... Все-таки был праздник, который объединяет всех.

— Эх, Лена... — начал по-простому Анатолий, — я, как офицер... спирт взял.

Он что-то поискал в кармане, извлек и трогательно пояснил:

— 95 граммов.

Это был размером с ладонь фанфурик. Тело пузырька укутывала этикетка с мелким текстом. Не без труда удалось разобрать: «Косметический лосьон «Свежесть».

— Служил я в Афгане! — неожиданно отчетливо и как-то значительно произнес Анатолий. — Из Афгана пришел, а дом мой сгорел. Подожгли, возможно. Там бомжей было до фига...

Говорил он отрывисто, но не резко. Чувствовалось, что в нем теснятся воспоминания о далеких суровых днях и давних больших потерях, но пережитое его не отпустило, а раны не зарубцевались. От невысказанного срывался голос, дрожали губы, видно было, как волнуется его душа.

— Когда я после войны пришел, — продолжал Анатолий, — то уже никого не было. Кто повесился, кто застрелился, в общем — ни-ко-го. Раньше-то ведь у нас телефонов не было, в советское время переписывались, обо всем узнавали из писем. Я тогда многого даже и не знал... Да, Афган — это тяжело... — неожиданно заключил он и вздохнул.

Я не находила, что сказать. В голове крутились всего два слова: братья-афганцы... Неслучайно эти два слова породнились. Ребят, которые прошли афганскую мясорубку длиною в десятилетие, было очень много, и они стали как побратимы, они делили одну общую судьбу.

— Вы по призыву попали в Афганистан? — спросила я Анатолия.

Он стесненно улыбнулся:

— Так ведь мне уже много лет, Лена! Я родился в сорок седьмом... Я ведь еще кадетский корпус закончил! Пять с половиной лет после этого учился в летном училище. Звание мне там дали — лейтенантом стал. Сколько потом лет еще прошло, я не помню. Меня отправили на Балтику, с Балтики — в Германию, из Германии — в Северный Вьетнам, потом — на Карибы, оттуда — в Афган. Мама меня не дождалась. Отец в свои семьдесят умер. Эх! — Он снова вздохнул. — Судьба моя военная!..

Но тут что-то произошло. Лицо Анатолия напряглось, стало торжественным. Сам он резко вытянулся — по-военному приветствовал прохожего.

Мимо шел бравый человек, одетый в парадный костюм. Он явно спешил. Китель его был сплошь увешан наградными знаками.

— С днем Победы! — громко отчеканил Анатолий.

— Взаимно, — послышалось в ответ.

Анатолий заулыбался:

— Счастья, здоровья!

— И вам тоже!

Прохожий, не теряя шага, ответно отдал честь и вскоре скрылся из вида.

Напряжение спало, и мой знакомец снова стал прежним, задумчивым, предался невеселым воспоминаниям. Снова вращал он калейдоскоп памяти.

— Офицер вот прошел сейчас... А у меня дом когда сгорел, то все награды отца сгорели. Отец мой до Берлина немцев гнал — бандеровцев особенно. В Белоруссии отец был командиром отряда партизан. Он, знаете, многое мне рассказывал, всё рассказывал...

— А сейчас, Анатолий, где живете?

Рукой махнул:

—Я живу в городе...

— Пенсию платят?

— Две тыщи — за Афган, и еще 12 тыщ — это моя основная пенсия, — сказал и строго нахмурился: — Ох, правительство у нас... шикарное...

Мне отчего-то подумалось, что за эти годы мы пережили уже не одну войну.

— Ну а какие у вас отношения с теми, кто Чечню прошел?

— Был друг, но сидит. Сидит друг мой в тюрьме... — и он снова вздохнул, а после добавил: — Вот судьба — мое время...

— А на встречи в школах приглашают?

— Да приглашают! — как-то с досадой отмахнулся. — Я не хожу. Зачем?

— Больно вспоминать?

Анатолий тихо пояснил:

— У меня даже слезы выступают от этих мыслей...

Мы немного помолчали. Но, видно было, Анатолия бередила память. И он снова заговорил:

— Случай был... «Дух» от меня бежит — лет 18 или 20 ему. Забёг в свой кишлак, бросает автомат прямо в ноги мне: «Шурави, не стреляй!» Я ему: «По-русски заговорил?!» «Да, — бормочет, — я в России жил». Я взял автомат. А он в крик: «Мать!..» Да, действительно, смотрю: мать, отец, братья — все рядом. Опять кричит: «Не стреляй!» Я ему: «А кто отправил вас воевать?» Слышу: «Нам приказали боевые командиры, чтобы мы воевали против русских, потому что вы оккупанты. А мы что сделаем?» Я-то, Лена, за Родину боролся! Повесил я тогда автомат на плечо и вышел. Подумал, что в спину выстрелит. Нет, не выстрелил! А бывало такое — убивали. Нет, он не выстрелил, он даже рукой мне помахал: «Шурави, до свидания!» Как сейчас вижу — смеется. Я ему: «Больше не будешь воевать?» — «Не-ет, никогда!» Боевики гнали их воевать насильно. Но знаете, что они делали с нашими? Если офицер попадется — ухо ему отрежут, потом другое, по 1000 долларов получат за это. Ну а если это рядовой десантник, то по 500 долларов...

Вот уже, поистине, наше время — это непредсказуемая каша.

Пес тянул поводок, и я подумала, что пора! Да, пора было разбегаться. Анатолий сделал строгое лицо:

— Ричард, приказ командира «Встать!»

И мы с Анатолием рассмеялись.

— Здоровья, терпения, мирного неба! — пожелала я своему случайному собеседнику, герою далекой войны, которая для него уже никогда не закончится.

Он выслушал и прочувствованно ответил:

— Так точно, светлого неба!

© елена минакова (фото)

Попутный снимок. Автограф на мусорном контейнере

ирина филатова

поля забвения и славы

Они без всяких лишних слов утверждают свои патриотические чувства. Они противостоят забвению, равнодушию. На страницах «Проталины» можно увидеть лица этих ребят в моменты их нескончаемой работы на полях великой войны. Поля войны до сих пор призывают нашу память. Земля хранит много тайн и свидетельств всё еще не до конца осознанной величайшей трагедии нашего народа.

Имена и труд поисковиков часто остаются в тени. Мало кто понимает, чего стоит каждый их шаг. Они идут сквозь любую погоду. Почти все участники этого движения — юные, можно сказать, дети.

Интересно, что одна из самых активных поисковых групп под названием «Фронт» родилась в 2001 году на Урале, в Кирове. «Фронт» и еще десять таких же отрядов добровольцев входят в состав Кировской областной общественной молодежной поисковой организации «Долг». Собранные ими экспедиции работают на территориях Новгородской, Ленинградской, Воронежской, Калужской, Смоленской, Тверской областей, Крыма и Республики Карелия.

Ребята из Кирова взаимодействуют с добровольцами из разных мест. В Великом Новгороде активно работает поисковик Александр Кисляк. В маленьком городе Калачинске Омской области организовала целый штаб Ирина Филатова, наш постоянный автор. За свое подвижничество она получила благодарственное письмо от кировчан из организации «Долг». Многолетняя кропотливая и упорная работа этих людей практически никогда не прерывается. Они не просто возвращают имена — их цель искать родственников погибших, детей, внуков и правнуков. По существу, это живая связь поколений.

О последних находках поисковиков рассказывает Ирина Филатова. Она прислала и большую подборку фотографий, в которых достоверно представлены сложности, горечь и радость поисковой удачи.

«Проталина»

Фёдор Бессмертный. Довоенное фото

ДОЛГИЙ ПУТЬ ГИЛЬЗЫ

20 февраля 1975 года близ станции Иловля Ольховского района Волгоградской области была найдена гильза, а в ней — записка. Это было послание из боя Великой Отечественной войны:

«Наступаем на Чугуев. Ожесточенный бой с фашистскими эсэсовскими отборными частями. Нас мало. Товарища убило. Остался один. Но мы убили 4 фрица, а товарища убило насмерть. Я беру его оружие и сразил еще 3 фашиста. Миша, мой друг, я за тебя убил двух фашистов и за себя одного. Но я пока жив. Я еще и за тебя, и за себя отомщу. Когда я отходил, еще двух фашистов уничтожил. На этом и кончен наш бой. Прошу того, кто найдет патрон, пожалуйста, сообщите по адресу: Калачинский райвоенкомат Омской области. Бессмертный Фёдор Маркович. 19 марта 1943 г. Чугуев. Родина не забудет нас».

События эти происходили на украинской земле в Харьковской области весной 1943 года в районе станции Чугуев.

Гильзу нашли рабочие ремонтной бригады Приволжской железной дороги. Волею судьбы фронтовая гильза сохранилась до наших дней. Как она преодолела путь между Чугуевым и Волгоградом, долго оставалось тайной. Гильза была передана юным краеведам в гусевскую сельскую школу того же Ольховского района Волгоградской области. С юными краеведами работал учитель истории Сергей Михайлович Иващенко. Было решено написать в Калачинский военкомат — на родину солдата.

Калачинск — небольшой городок в Омской области, в нем сегодня проживает 30 тысяч человек. Во время войны на фронт отсюда ушли 11 тысяч. Вернулись чуть больше 5 тысяч.

Получив письмо волжских краеведов, Калачинский военкомат обратился к спискам вернувшихся с фронта. Оказалось среди них и имя Бессмертного. Он уцелел, но путь его домой был долгим.

И вот в апреле 1975 года в дом Бессмертных пришла солидная делегация — представители районного, областного военкоматов, сотрудники милиции и кое-кто из общественников. Не к каждому ветерану приходит сразу столько гостей! Пришедшие буквально засыпали его вопросами и ловили каждое слово. А потом ветерана просто огорошили. Гости объявили ему о бесценной находке и о том, что его разыскивает учитель-краевед Иващенко из Волгоградской области.

Фёдор Маркович, не откладывая, написал Сергею Михайловичу письмо. Завязалась переписка. Ветеран поведал подробности того мартовского дня 1943-го, когда он вкладывал записку в гильзу. Одно оставалось непонятно Бессмертному: как гильза из-под Харькова оказалась в районе станции Иловля Волгоградской области?

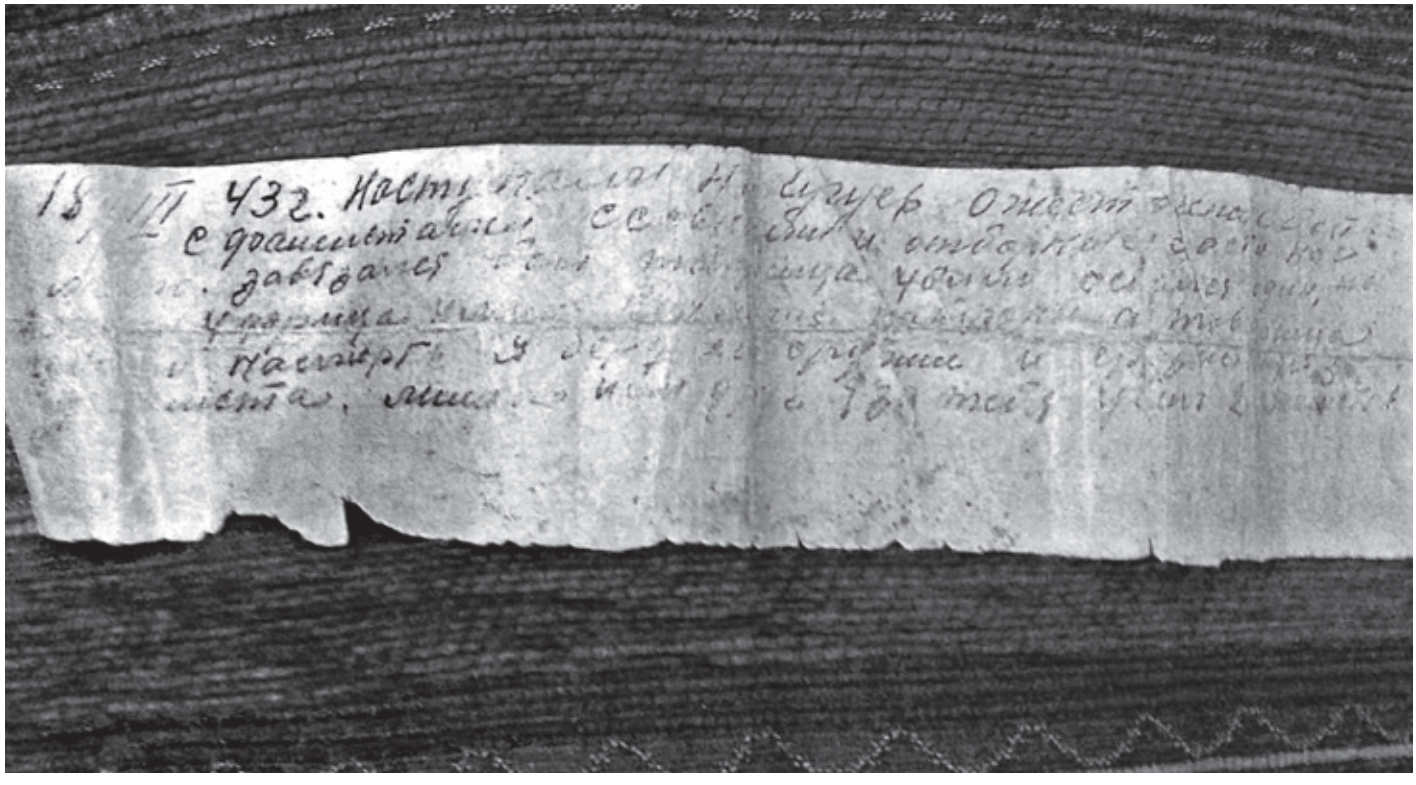
Шли годы. 7 марта 1993 года не стало Фёдора Марковича Бессмертного. Ушел из жизни и Сергей Михайлович Иващенко. В его семье всегда хранились письма из Калачинска. И только через сорок с лишним лет, весной 2015 года, в канун 70-летия Победы родственники Иващенко решились расстаться с дорогими их семье реликвиями. Письма и гильзу с запиской было решено передать в Калачинск. Но прежде надо было уточнить, как найти родственников.

Родные Иващенко обратились к журналистам на Первый Волгоградский канал. Те в свою очередь связались с коллегами — корреспондентами телеканала «Омь» в Калачинске. И начался поисков адресов.

Я как раз работала на телеканале «Омь», и эта история всколыхнула меня, я полностью включилась в поиск, мне захотелось восстановить подробности боевого пути солдата. Калачинск и моя Родина, мне дорого все, что здесь происходит.

Фёдор Бессмертный с другом (на снимке справа). Во время службы на Дальнем Востоке, 1938 год

Записка, найденная в гильзе

9 мая 1988 года. Первый ряд: Нина, Мария Никитична и Фёдор Маркович, Валентина, внук Вова. Второй ряд: Наталья и зять Василий

Первое, удалось установить, что в Калачинске живут потомки братьев Фёдора — Петра и Алексея. Но это поколение мало что могло рассказать. А нужны были конкретные документы, которые позволили бы проследить путь Фёдора Бессмертного. Удалось узнать, что у ветерана было пятеро детей — сын и четыре дочери. Потом уже узнала, что двое умерли, остальных судьба разбросала по разным городам.

В городе Ишиме Тюменской области живет старшая из дочерей — Нина Фёдоровна. Я позвонила ей. Едва узнав тему разговора, женщина заволновалась и согласилась приехать в Калачинск. Мы встретились на Мемориале славы.

Нина Фёдоровна, не в силах сдерживать слезы, вспоминала, как еще маленькой девочкой видела любящие, заботливые и требовательные глаза отца. Дочери всегда были радостью отца. О дорогах войны говорила сбивчиво, но случай с запиской она пронесла в сердце через все годы.

О подробностях боя Фёдор Маркович в свое время написал волгоградским краеведам. Рассказал все, как было: «Тяжелой была битва. Враг окружал, наседал. Меня и еще двух солдат, фамилии которых я не помню теперь, одного звали Михаилом, командир отправил занять оборону за оврагом...»

Постепенно, по разным данным, четко вырисовывалась картина того жестокого боя.

Атаки накатывались, как волны. Разорвалась мина. В живых остались только Фёдор и Михаил. Стали пробираться к оврагу. И вдруг увидели колонну немцев. Впереди с отрывом ехали три мотоцикла — по два человека в каждом. Фёдор и Михаил их пропустили. Когда появился грузовик с эсэсовцами, Фёдор кинул противотанковую гранату. Взрывом машину сбросило в овраг, и она загорелась. «Жарьтесь, фашисты! Мы вам за все отомстим», — крикнул Михаил, и они с Фёдором побежали к постройкам. Там за пустыми полуразрушенными домами заняли оборону. Им удалось автоматным огнем прошить четырех немцев. Они тут же сменили позицию. При перебежке Михаила смертельно ранило. Втащив мертвого друга в избу, Фёдор забрал его диски с патронами и ручные гранаты. Он открыл стрельбу по фашистам, перебегая от окна к окну, чтобы враг не понял, что он один.

В момент затишья решил Фёдор написать прощальную записку. В поисках клочка бумаги и карандаша метнулся по комнатам. Вдруг увидел: в углу в длинной холщовой рубахе, подпоясанной ремешком, старик. Борода седая, сам седой. «Здравствуй, дедушка!» — сгоряча крикнул Фёдор на бегу. И вдруг его ударило — откуда здесь может быть старик? Зажмурился, а когда открыл глаза, ничего в этом углу не было. Наверняка привиделось. И тут

случилось чудо: он нашел клочок бумаги! И написал о себе.

А тут снова фрицы. Фёдор схватил с пола гильзу, затолкал в нее записку и успел бросить в стоящий в углу сундук, на дне которого виднелась кучка кукурузных зерен. Дальше он действовал, не задумываясь о своей жизни: взял гранату и стал ждать, чтобы взорвать себя вместе с врагами. Но немцы чудесным образом прошли мимо.

Под покровом ночи Фёдор покинул убежище. Пробрался в расположение своих, но живых там уже никого не было. Собрав автоматные диски и гранаты, прячась за постройками, бежал вперед. Под вихрем пуль и вражеских снарядов Фёдор метал гранаты. А когда прямо на него выскочил немец, сходу прошил его автоматной очередью.

На берегу Северского Донца в одном из окопов подобрал крупнокалиберный пулемет и стал поливать врага уже из пулемета. И тут его накрыло. Осколки нашпиговали тело: голову, грудь, руку, ногу...

Он лежал среди убитых, но, к счастью, был замечен санитаром. Это тоже было почти чудом.

Дальше Фёдора ждал долгий госпитальный путь: Сызрань, Иркутск, Новосибирск. Сильная контузия и тяжелое ранение в голову повлекли за собой потерю памяти. Он почти не мог самостоятельно двигаться. В Новосибирском госпитале его разыскала жена Мария Никитична. Выбиваясь из сил, она с огромным трудом добралась со своим израненным мужем до дома.

Сколько лет она в одиночку тянула лямку солдатки! Молодой впрягалась в работу на комбайне, затем на элеваторе. Бралась за любой тяжелый труд, поскольку мужиков не было. Вернется, бывало, домой, а сынишка на холодном подоконнике сидит, ждет. Вытряхнет мать из сапога тайно припасенные зернышки, потолчет в ступке и сварит малышу болтушку. Тот ручонками тянет кашицу в беззубый рот, потом заходится слезами от боли в желудке. Но сдюжил сынок, дождался папку с фронта!

Вернулся Фёдор инвалидом 2-й группы, его левая рука висела, а тело держалось на костылях. Пришлось ходить так два года. Слава Богу, что жена у него была настоящей опорой и поддержкой.

Его дальнейшая жизнь — цепочка преодолений. Когда почувствовал себя лучше, стал искать работу, но инвалидов и контуженных брали неохотно. Устроился сторожем на почту. Сезонно подрабатывал в лесничестве, высаживал лесополосы из сосенок. Ряд елочек, обрамляющий мемориальный комплекс, как раз был посажен его руками. За это ему периодически выделяли участок под сенокос и немного доплачивали. Выручало хозяйство: овцы, куры, корова. Овец стригли, из шерсти катали валенки. Изнуренному таким трудом Фёдору требовалась передышка. Одолевали его судороги, напоминала о себе контузия — часто болела голова. Дважды в год он ложился в военный госпиталь в Омске. Врачи настойчиво предлагали сделать трепанацию черепа и удалить осколки, но Фёдор не соглашался. Так и носил в себе эти осколки до самой смерти.

Потомки Фёдора Марковича не теряют связи с малой родиной. Из Краснодарского края, Тюменской и Московской областей они съезжаются в Калачинск в канун Дня Победы. Помнятся слова Нины Фёдоровны: «Чтим традицию. Приезжаем в папин праздник, пока есть силы. Это наша память, наша родина». В ту нашу встречу вместе с дочерью ветерана мы поехали к дому, откуда Фёдор Маркович уходил на войну. Теперь в нем живут другие люди, но ель, посаженная прежним заботливым хозяином, исполином стоит в крохотном палисаднике.

Каждая из дочерей вспоминает что-то свое. Младшая дочь Ольга вспоминает: «Папа был очень аккуратным, в огороде и во дворе поддерживал идеальный порядок». Средняя дочь Наталья рассказала, что после смерти матери они с отцом каждый день ходили на кладбище, и отец всегда нес полевые цветы, хотя при жизни такого за ним не водилось. А прожили они вместе до золотой свадьбы! И еще вспомнилось: с собой на фронт отец взял ложку, сделанную из куска алюминия, на которой сам вырезал «Мария, Виктор». Виктор, первенец, родился в 1941-м. Это были родные имена, они и прибавляли силы. Ложка была с солдатом всю войну и вернулась домой. Наталья потом отнесла ее в музей.

От Натальи я получила семейные фотографии, а ей отправила найденные в архиве военкомата документы. Какие-то моменты фронтовой судьбы отца стали открытием, ведь он детям почти не рассказывал о войне.

В документах был обнаружен выписной эпикриз Фёдора Бессмертного из госпиталя № 976. Оказалось, боец шел на задание со сквозным пулевым ранением в лучезапястный сустав левой руки. Он получил его еще 13 марта 1943 года и неделю превозмогал боль, но не бросил оружия. Первую помощь ему оказали в медсанбате лишь 19 марта, когда его подобрал санитар.

Нераскрытой тайной остается, как гильза с запиской оказалась далеко от места боя, где ее оставил Бессмертный? Одно из предположений волжан: при строительстве железной дороги гильза могла находиться среди щебня, который завозили из Украины. Но в чьи руки попала она из сундука с кукурузными зернами? Видимо, это путешествие было угодно высшим силам. Удивительно, как в этой истории размыта грань между реальностью, чудом и мистикой.

Кем был тот старец, привидевшийся Фёдору в углу? Жена совершенно серьезно рассудила: «Здоровье дедушке пожелал, потому и жив остался». Но

Станция Чугуев в 1941—1943 гг. На здании вокзала немецкая вывеска

Фёдор Бессмертный (стоит крайний справа) в кругу друзей

Мост в Чугуеве, где держал оборону Фёдор Бессмертный

Семья Бессмертных. Фото 9 мая 1978 года

Жена героя публикации Мария Никитична (в первом ряду в центре) на курсах комбайнеров

факт, что герой наш остался живым в самых, казалось бы, немыслимых обстоятельствах.

Фёдор Маркович Бессмертный, гвардии сержант 1-й гвардейской мотострелковой бригады, награжден орденом Отечественной войны и медалью «За отвагу». А потом к наградам присоединилась и медаль «За трудовое отличие». О таких, как он, метко сказал Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский: «Лучше воинов, чем Сибиряк и Уралец, бесспорно, мало в мире. Поэтому рука невольно пишет эти два слова с большой буквы».

У нас в Калачинском районе живут сейчас всего 28 ветеранов. Растут новые поколения, которые будут знать о войне только по рассказам и книгам. У Фёдора Марковича остались на земле 7 внуков и 11 правнуков. Это им нести в сердцах подвиг их деда. Вот через эту память и будут идти в бессмертие герои — такие, как Фёдор Маркович Бессмертный. Даже фамилия его утверждает эту историческую справедливость.

нож оставил имя

В числе моих друзей есть поисковики из разных регионов. И эта связь нерасторжима, потому что ни на час, ни на минуту не прерывается наша работа, можно сказать, дело нашей жизни.

Бесконечно скорбные находки на Новгородчине сблизили меня с ребятами из кировского поискового отряда «Фронт». Уже несколько лет они выезжают в Новгородскую область. Там на месте тяжелых боев были огромные потери наших войск. Сколько бы там ни копали, ни исследовали, из года в год находят всё новые свидетельства.

Весной 2013 года поисковиками «Фронта» при раскопках были извлечены останки Алексея Григорьевича Дука. Он погиб в бою за деревню Сутоки — ныне это урочище под Старой Руссой. Предполагалось, что солдат, скорее всего, подорвался на мине-лягушке: кости мелко раздроблены, разбросаны на большом расстоянии. Рядом нашли три хвостовика от немецких минометных мин. Это говорит о том, что обложили наших со всех сторон. Среди костей лежали зубная щетка и круглое зеркало, фрагменты одежды и обуви 43-го размера. Удалось установить, что солдат родом из города Калачинска.

Заместитель командира отряда Игорь Груздев обратился к нам в Калачинск с просьбой отыскать родственников Дука. След уводил далеко за пределы нашего района — выяснилось, что еще до войны семья переехала в Казахстан. Вскоре Игорь сообщил, что у него тоже есть новости. На поиск из Кривого Рога откликнулся сын погибшего Виктор Алексеевич. Он рассказал о семье, поблагодарил и выслал сохранившуюся фотографию отца.

И вот опять находка! И то самое место — урочище Сутоки! 2 мая 2015 года Анна Потемкина и Данил Павлов из отряда «Фронт» извлекли из воронки человеческие останки. «Лейтенант», — определили ребята по зеленому лейтенантскому «кубарю» — петличному знаку офицерского состава Красной Армии того времени. Вскоре установили и имя. «Михайлов Николай Д. 1923.» — прочитали поисковики на найденном тут же складном перочинном ножике. Надо ли объяснять радость, охватившую ребят? Удача редкостная: коли нет смертного медальона, то любая личная вещь с инициалами может помочь. А тут — готовые данные!

Здесь шли самые кровопролитные бои на Новгородчине — исторический «Рамушевский коридор». В течение трех лет, с августа 1941-го по февраль 1944-го на этом участке фронта шли бои, изнурительные, безуспешные. В сутки потери наших войск доходили до полутора тысяч человек убитыми и пропавшими без вести. 17 июля 1942 года скорбный список пополнило еще одно имя. Погиб Николай Дементьевич Михайлов — младший лейтенант, командир взвода 1024-го стрелкового полка 391-й стрелковой дивизии. Пехотинцу было всего 19 лет. Это его останки 2 мая 2015 года нашли поисковики из отряда «Фронт».

Земля сохранила свидетельства: солдатскую каску, пряжки от ремня, индивидуальный перевязочный пакет, сапоги без голенищ, грифель от карандаша, причем четко оставивший след на противогазе. Поисковики бережно извлекли каждую деталь. На месте гибели установили крест с табличкой. Сразу после раскопок Игорь Груздев, с которым мы не прерывали переписку, опять попросил поискать родственников бойца. Оказалось, что лейтенант Михайлов тоже из Калачинска.

Об этом человеке удалось узнать многое.

Уже 5 мая я нашла племянников Николая Михайлова, проживающих в Кемеровской области. Время поджимало, расстояние до Великого Новгорода неблизкое, люди опаздывали к захоронению. 7 мая в числе 393 бойцов Красной Армии, найденных экспедицией, младший лейтенант Михайлов был захоронен с отданием воинских и духовных почестей в братской могиле военного мемориала деревни Давыдово Старорусского района. Его приняла новгородская земля, которую он защищал.

Нельзя не рассказать обо всем том, что мне открыли поиски. Каким был этот совсем молодой командир, почти мальчик, поднимавший взвод в атаку?

Слава Богу, живет в русских людях память о войне, живет с неутихающей болью. Это я поняла, встретив Нину Филипповну Сметанину — старшую из племянников бойца. Ее я нашла в Омске, но уже

Алексей Григорьевич Дук с женой Татьяной Ивановной

Сыновья Алексея Дука — Виктор и Анатолий

после захоронения дяди. Она сетовала, что не может двигаться (инвалид с детства), иначе бы обязательно поехала на захоронение. Поисковик Данил Павлов решил встретиться с Ниной Филипповной. Данил — прапорщик Российской Армии. Выкроив от службы пару выходных дней и не считаясь с дорожными тратами, молодой человек привез в Омск вещи бойца, найденные в воронке. Женщина распорядилась передать их в историко-краеведческий музей, чтобы частичка солдата осталась на малой родине — в Калачинске. На встречу с Данилом пришли неравнодушные люди, чтобы почтить память земляка и прикоснуться к живой истории. Были и представители местной власти.

Всякий раз, когда в этом музее провожу встречи со школьниками, я показываю им поисковые находки. Это заставляет ребят задуматься, какой ценой досталась Победа.

В отчем доме Николая Михайлова царил лад. Союз родителей — Аграфены и Дементия, был прочным. Дети Дима, Дуся и Коля росли, не зная нужды. Но беда пришла к порогу: ушел из жизни кормилец. В свои 30 лет Аграфена стала вдовой, а под сердцем был уже четвертый ребенок. Первая мысль пришла — избавиться от него. Убедил врач: «Оставь, может, это твой кормилец растет». Так родился Виктор. Когда старшие сыновья разлетелись, сбылось пророчество врача. Виктор окончил курсы трактористов, рано начал работать.

Летом 1943-го Аграфене Ивановне сообщили: сын Николай пропал без вести, ее Коленька. Тогда же и дочь вызвали в военкомат, но мать Евдокию отстояла, не пустила на фронт. Младшего отговорить не удалось. Он увеличил возраст и ушел добровольцем мстить за смерть брата. В Югославии Виктор Михайлов получил тяжелое ранение в грудь, почти год провел в госпиталях и был комиссован по состоянию здоровья. Вернулся с фронта и старший Дмитрий.

Кончилось военное лихолетье, а Аграфена Ивановна все продолжала оплакивать сына. Всякий раз, получая за него государственное денежное пособие, говорила: «Коли нет, а и он меня кормит».

Нина Сметанина была всей душой привязана к бабушке Аграфене. Она запомнила ее рассказы, сберегла альбом со старинными фотоснимками. Правда, всякий раз после отъезда сестер замечает, что фотографии потихоньку убывают. Хранила она тетрадь Николая с его стихами, но та тоже исчезла. «Если бы не война, он, наверное, был бы поэтом. Такие стихи писал — заслушаешься!» — вспоминает Нина Филипповна.

Нет, не пропало все это, не исчезло. Где-то сейчас хранятся и тетрадь со стихами, и фотографии, тайком взятые из альбома. Так и продолжает жить память о дорогих людях. И это прекрасно!

На фотографии Данил Павлов у памятника младшему лейтенанту Николаю Дементьевичу Михайлову в урочище Сутоки под Старой Руссой в Новгородской области. Он и его товарищи из отряда «Фронт» по христианской традиции на место захоронения бойца всегда ставят крест. Деревянные кресты недолговечны – древесина не выдерживает почвенной влаги. Возникла идея делать надгробия из металла. Финансовые затраты поисковики берут на себя.

Место гибели младшего лейтенанта Михайлова отличается особой влажностью — вода стоит практически постоянно, и деревянный крест вряд ли бы долго выдержал. Данил Павлов решил, что нужен памятник понадежнее, и озвучил эту идею в кругу друзей-поисковиков. Ее подхватил Денис Кошурников и сварил из металлических прутьев подобие обелиска. В весеннюю «Вахту Памяти-2016» Данил вместе с Алексеем Михалицыным установили этот памятник на месте гибели бойца, посадили на холмике кустик ветреницы дубравной, распространенной в местных лесах.

Добираться ребятам пришлось сначала на перекладных. Потом они четыре километра шли пешком в лес. «Лес тот какой-то особенный, сплошь в крестах, — вспоминает Данил, — вот тех бойцов мы в 2012 году поднимали, сержанта Золотарёва — годом раньше. Там вон кресты еще с 2005 года, недавно обновляли. Жалко, нет фотографий, одни фамилии. Вон в двадцати метрах от Михайлова памятник гранитный стоит сержанту Пчелову, еще в конце двухтысячных ребята из Сыктывкара в окопе останки нашли. И весь лес, как кладбище...»

Поисковик порадовался, что цикл поиска завершен: обнародовано имя бойца, найдены родственники, установлен памятник.

Мать бойца Аграфена Ивановна Михайлова

Младший лейтенант Николай Дементьевич Михайлов

На общей фотографии отряда «Фронт»: в военной форме — командир отряда Денис Прощин, в тельняшке — заместитель командира Игорь Груздев, крайний справа — Андрей Мальцев, он нашел останки Алексея Дука. Через одного, в белой футболке — Данил Павлов, вместе с Анной Потемкиной они нашли останки Николая Михайлова

Поисковик Данил Павлов

Лейтенантский кубарь Михайлова. Найден Данилом Павловым

Фрагмент найденных сапог Михайлова

Момент раскопа. Появилась каска Николая Михайлова

Кубарь и нож младшего лейтенанта Михайлова, теперь хранятся в музее

Слева направо: поисковики Андрей Мальцев и Денис Прощин на месте гибели Алексея Дука

Денис Прощин читает медальон бойца Алексея Дука

Поисковики отряда «Фронт», участвовавшие в подъеме останков Николая Михайлова. Слева направо: Ольга Грухина, Анна Потёмкина, Татьяна Кошурникова, Данил Павлов

Данил Павлов передает найденные предметы в Калачинский историко-краеведческий музей.

стоит могила у хаты

Когда Марусе Усольцевой не было и года, ее отец ушел на войну. И девочка, конечно, не могла запомнить ни голоса, ни внешности. Образ отца сохранила только фотография.

Вглядываясь в родные черты, девочка росла с мечтой все-таки узнать о судьбе отца. С годами ее душевное притяжение не уменьшалось, ей не давала покоя мысль: где отец похоронен, как случилось, что никто ничего о нем не знает?

Этой тоской пронизано и ее творчество. Целый цикл стихов Марии Богоявленской (Усольцевой) посвящен без вести пропавшим. На ее стихи уже есть песни. Эти песни дороги родным и друзьям. Мария Андреевна давно бабушка, именно в честь ее отца Андрея Степановича Усольцева назван внук, а думы об отце не ослабевают. Крепнет желание поклониться родному праху, цветы на могилу положить, а где же эта могила?

«Доченька, я вам верю, вы найдете», — так обратилась ко мне Мария Андреевна с просьбой заняться поисками места захоронения ее отца.

До этого она предпринимала попытки самостоятельно установить его военную судьбу и сделала запрос в Тюкалинский военкомат Омской области, откуда призывался солдат на войну. Из ответа узнала, что отец воевал в 238-м отдельном саперном батальоне и 10 сентября 1941 года пропал без вести, это отражено в списке безвозвратных потерь саперного батальона. Никакой другой информации Мария Андреевна не получила. В воспоминаниях остался рассказ матери. Анна Дмитриевна еще во время войны получила письмо от какой-то женщины из села Высокое (из какой области, дочь не запомнила). Женщина писала, как выхаживала раненого солдата, и тот умер у нее на руках. «Я похоронила вашего мужа возле дома», — заверила женщина Анну Дмитриевну, жену солдата. Эту фразу Мария Андреевна помнит до сих пор. Незнакомка упоминала деревню, откуда доставили Усольцева. Но эта деталь тоже ушла из памяти: Хутонка, Хатанка, Хотанка — которая из них?

Дочь тщательно искала эти названия на географической карте. Нашла идентичные названия деревень в Тверской, Могилёвской, Гомельской, Воронежской, Псковской областях — так где же все-таки точно это место?

Мария Андреевна проштудировала Книгу Памяти, нашла двух сослуживцев отца, пропавших без вести в тот же день, но и эта информация не продвинула ее к цели.

Поиск — дело нелегкое, это я давно знаю, тем не менее факты боевого пути Усольцева удалось установить благодаря открытым интернет-источникам. Он

Андрей Усольцев

защищал новгородскую землю, воевал под Старой Руссой. Признаюсь, одна не смогла бы добиться такого успеха, но у меня есть верный соратник, коллега и просто друг Александр Кисляк. Он живет в Великом Новгороде, где как раз и воевал Усольцев.

...1941-й. Бешеный натиск врага на западном направлении прорвал оборону войск Северо-Западного фронта в районе Демянска—Старой Руссы. В котел попали силы 34-й армии Северо-Западного фронта, куда входил 238-й отдельный саперный батальон, в котором служил Андрей Усольцев. Боевая обстановка к началу осени была тяжелой. Сказывались однообразие оперативных замыслов, разобщенность в решениях со стороны командования фронта и армий, отсутствие устойчивой связи с полевыми командирами, которую по полтора часа приходилось ждать из-за смены позывных. За это время, как подтверждают документы, менялась картина боя.

9 сентября к 16 часам 55 минутам враг выдвинул колонну из 50 танков. Саперы получили приказ не допустить их к железнодорожной станции и льняному заводу, заминировать объекты. 10 сентября

Андрей Степанович Усольцев (справа) с женой Анной Дмитриевной

командир взвода Серяков повел группу, но близ Демянска попали в плен. Оставшаяся часть батальона со старшиной Колмаковым и Усольцевым прорывалась из окружения. В Хутынке враг пошел в атаку. Сдерживая прорыв, красноармейцы отходили к селу Высокое. От разрывов мин погиб Степан Дегодьев и тяжело ранило Андрея Усольцева. В это время враг выдвинул еще 24 танка.

В списках безвозвратных потерь 34-й армии за 10 сентября 1941 года пропавшим без вести значится практически весь саперный батальон, 43 человека. Общая численность погибшего личного состава армии за 5 дней сентября составила почти 9 тысяч человек.

Мы нашли немало документов, характеризующих яростные бои. Нашли еще один, который подтвердил письмо новгородской женщины: тяжелораненых отправляли в тыл на попутных машинах, даже если это был транспорт высшего командного состава. Усольцева доставили в одну из крестьянских изб, где его пыталась выходить хозяйка дома, позже написавшая письмо.

Потери советских войск за освобождение Демянска составили около 280 тысяч человек, а 34-я армия, численность которой на 10 августа была 54 912 человек, к 26 сентября просела до 22 043 человек. Потеряно 84 процента боевого орудия и техники. За две недели!

И вот кое-что еще о фактах того периода, несомненно, повлиявших на судьбы простых солдат. Из приказа по войскам Северо-Западного фронта от 12 сентября 1941 года:

«...За проявленную трусость и уход с поля боя в тыл, за невыполнение приказа фронта о выходе на помощь наступающим с запада частям, за непринятие мер для спасения материальной части артиллерии, за потерю воинского облика и двухдневное пьянство в период боев армии генерал-майора артиллерии Гончарова, на основании приказа Ставки ВГК № 270, расстрелять публично перед строем начсостава армии».

Приказ был приведен в исполнение. За освобождение нашей страны сложили головы 27 миллионов бойцов. Задумайтесь, почему эта трагическая цифра утрат все еще растет. Сколько еще таких, как Усольцев, ждут своего часа быть найденными, узнанными и достойно вписанными в историю войны? Их имена должны быть известны и нам, и нашим потомкам.

Мария Андреевна по-прежнему говорит с отцом строчками из своих стихов. Недавно прошла презентация нового сборника Марии Богоявленской. Целый цикл назван «Поклонись им, Россия!»

Отцовским поколением горжусь,
Хотя отца ни разу не видала.
Я за себя и за него тружусь,
А по-хорошему, мне кажется, что мало.

Отец, родной мой, где ты, отзовись!
Дай наставленье внуку на прощанье.
Хоть на плите могильной, но найдись!
Мне в тягость твое долгое молчанье.

Могильную плиту у дома № 10 в селе Высоком мой друг Александр Кисляк нашел сразу. Он поехал в это село, чтобы лично пообщаться с местными жителями. Хозяева дома подтвердили, что первоначально здесь были захоронены солдаты, убитые летом-осенью 1941 года, а в 1950-х годах подзахоронили еще нескольких бойцов, чьи останки были обнаружены в земле этих мест.

Наконец наши встречные поиски подошли к завершению. Дело оставалось за увековечением имени солдата. Здесь спасибо должностным лицам Новгородской области — им были направлены соответствующие письма-запросы. В феврале 2016 года пришло письмо: «...в настоящее время имя

Дуброво
Любыни
Новоселье
Правдуха
Взглядово
Явзина
Горицы
Городцы
Хотигощь
Сухарево
Хотяжи
Волот
Подсосоны
Кленовец
Дергилец
Б. Остров
Никулино
Выдра
Кованцы
Гаврилково
Старое
Снежка
Конопле
Райцы
Заря
Отока
Панютино
Деревик
Фомино
Камень
Евахново
Евланово
Ракитно
Микшицы
Ратицы
Тулебля
Заболотье
Ст. Русса
Рно
Речные Котцы
Ручьевые
Личино
Чудиново
Белоусов Бор
Пашиково
Мелочево
Петрухново
Верехново
Корчевка
Запольсье
Маньково
Перетерка
Вересково
Подтеремье
Бакочино
Хутынка
Ст. Птушкогорское
Заболотье
Сусолово
Нирикова
Ямищево
Ивашкино
Чеченево
Сычево
Головино
Мавриково
Бородино
Трухово
Сокалово
Взглядье
Лосятина
Черный
Перемово
Любятово
Ст. Рно
Подберовка
Чертицо
Мирогощи
Жилой Чернец
Отвидино
Долгиха
Мелвино
Липовец
Сев.
Соловско
Борисово
Ст. Шимск
Ст. Струги Красные
Ст. Дно
Ст. Новосокольники
Ст. Сонково
Ст. Бологое
Ст. Торопец
Ст. Ржев
Ст. Великие Луки
Ст. Невель
Ст. Дретунь
Ст. Полоцк
Ст. Молодечно
Ст. Барановичи
Ст. Лунинец
Ст. Сарны
Ст. Ковель
Ст. Ровно
Ст. Шепетовка
Ст. Здолбунов
Ст. Сарны
Ст. Коростень
Ст. Житомир
Ст. Фастов
Ст. Киев
Ст. Гомель
Ст. Унеча
Ст. Брянск
Ст. Орел
Ст. Курск
Ст. Белгород
Ст. Харьков
Ст. Полтава
Ст. Кременчуг
Ст. Днепропетровск
Ст. Запорожье
Ст. Мелитополь
Ст. Джанкой
Ст. Симферополь
Ст. Севастополь
Ст. Керчь
Ст. Феодосия
Ст. Евпатория
Ст. Ялта
Ст. Алушта
Ст. Судак
Ст. Коктебель
Ст. Старый Крым
Ст. Белогорск
Ст. Джанкой
Ст. Армянск
Ст. Перекоп
Ст. Чаплинка
Ст. Каховка
Ст. Новая Каховка
Ст. Херсон
Ст. Николаев
Ст. Одесса
Ст. Белгород-Днестровский
Ст. Измаил
Ст. Рени
Ст. Кагул
Ст. Леово
Ст. Кишинев
Ст. Бендеры
Ст. Тирасполь
Ст. Рыбница
Ст. Окница
Ст. Дондюшаны
Ст. Сороки
Ст. Бельцы
Ст. Фалешты
Ст. Единцы
Ст. Окница
Ст. Хотин
Ст. Черновцы
Ст. Сторожинец
Ст. Вашковцы
Ст. Кицмань
Ст. Заставна
Ст. Новоселица
Ст. Сокиряны

Андрей Усольцев (справа)

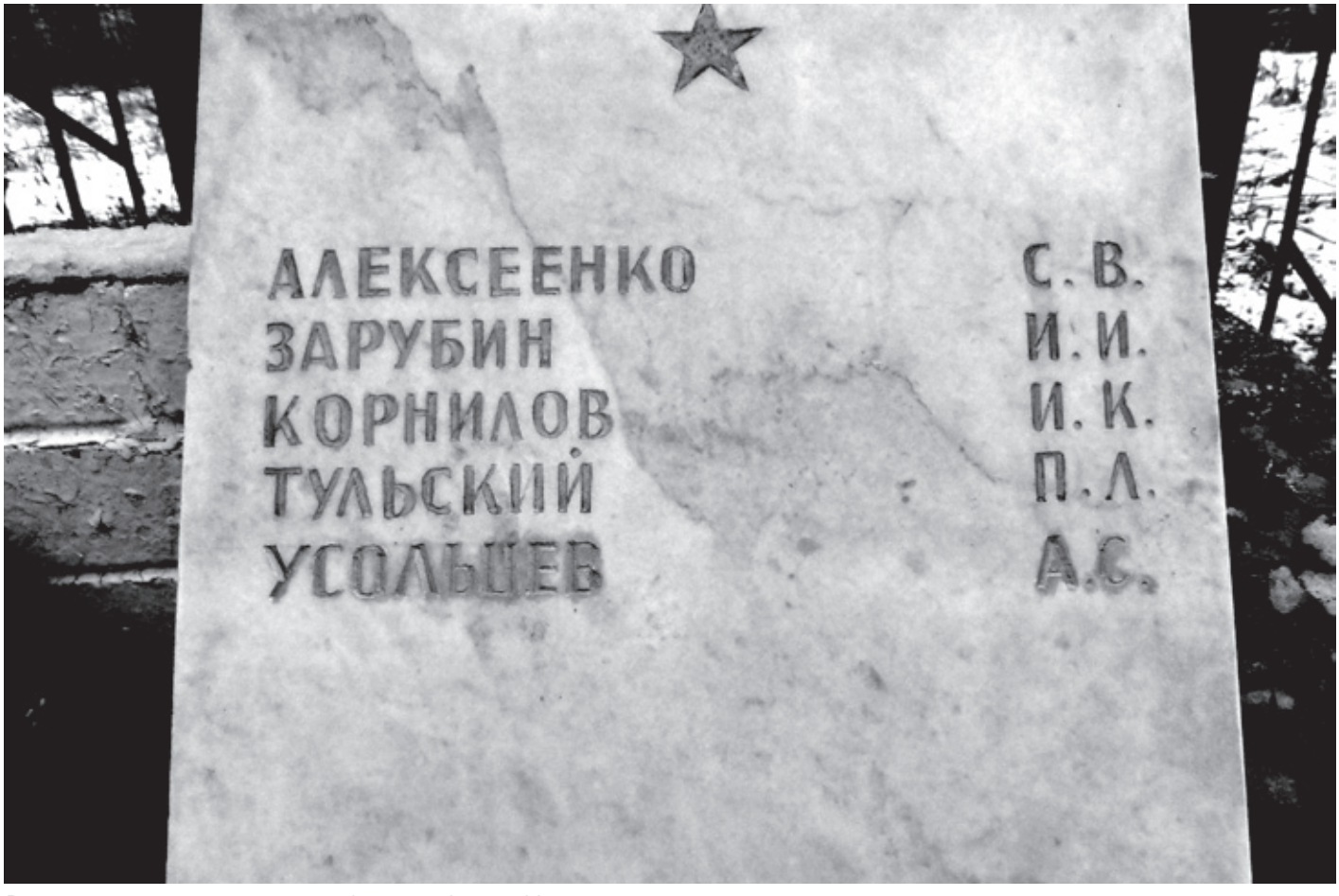
Воинское захоронение напротив дома

Дорога на Высокое

Поля войны до сих пор призывают нашу память

В 2016 году на плите появилась фамилия Андрея Усольцева

Мария Андреевна Богоявленская (слева), дочь солдата Андрея Усольцева

Андрея Степановича Усольцева увековечено внесением в список захороненных в братской могиле...». Это был ответ военкома города Старая Русса Новгородской области и наша маленькая победа! В 2016 году на могильной плите появилась фамилия Андрея Усольцева.

Осуществилась мечта Марии Андреевны, и, наконец, она собирается в дорогу...

Моя родная калачинская земля по праву гордится своими сынами. Шесть человек стали Героями Советского Союза. Внуки и правнуки берегут честь и память героев.

Курсанты Смоленской академии ПВО им. А.М. Василевского Игорь и Алексей Мединцевы пошли по пути прадеда Фёдора Марковича Бессмертного. Его правнучка Лера Юшицына несла в День Победы портрет прадеда в строю Бессмертного полка. Соня Богоявленская, правнучка Усольцева, в этот день также влилась в людской поток. Фото Николая Михайлова, героя моей публикации, несла я — в другой руке были снимки моего отца и деда.

В России миллионы тех, в ком звенит натянутый нерв памяти. Я подошла к Вечному огню. На стеклах портретов заиграли блики пламени, и казалось, что в них отразилась обожженная войной молодость предков.

ирина филатова

терпеливая вахта ожидания

Мы продолжаем рассказывать о тех без вести пропавших, имена которых удалось узнать

Каждый год, благодаря нескончаемой работе поисковиков, возвращаются имена бойцов, павших в сражениях Великой Отечественной войны. Так возник еще один воинский мемориал в деревне Чудской Бор Тосненского района Ленинградской области, близ городка Любань.

Начиная с 1989 года именно здесь, в этих местах, ежегодно проходит Межрегиональная поисковая экспедиция «Любань». За 27 лет работы экспедиции в районах ожесточенных боев подняты и торжественно захоронены останки свыше 10 тысяч воинов, установлены имена более тысячи солдат и офицеров. Цифры растут с каждым годом, открываются новые факты.

10 мая 2016 года появились еще две плиты, на них имена 64 воинов РККА, персоналии которых идентифицированы в ходе поисковых работ в прошлые годы.

Есть теперь среди братских могил и плита с именами летчиков. Здесь похоронен экипаж 116-й отдельной разведывательной армейской авиационной эскадрильи: командир экипажа лейтенант Леонид Васильевич Лихачёв, штурман старший лейтенант Степан Петрович Кузнецов и стрелок-радист старший сержант Анатолий Николаевич Дианов. На открытии этой плиты присутствовала внучка командира экипажа Светлана Леонидовна Лихачёва. Она рассказала, что ее бабушка пять лет не дожила до того дня, когда стало известно место гибели ее мужа, Светланиного дедушки. Они поженились в юном возрасте, но через полгода их разлучила война — молодой летчик пропал без вести.

Еще в 1994 году поисковики из новгородского отряда «Сокол» нашли место гибели экипажа. О падении самолета в болото Туминский Мох на границе Ленинградской и Новгородской областей отряду стало известно от местных охотников. Место здесь комариное, болото топкое. Работать в таких условиях означало подвергать жизнь опасности, но это не остановило поисковиков. Игорь Кун, Виктор Глотов, Борис Кисляк с сыном Александром добрались сюда лишь с первыми морозами. Вручную отдирали мерзлые кочки, пробивали мох, прежде чем на поверхности земли показались масляные пятна. За короткий световой день удавалось проделать небольшой объем работы. Несколько раз за зиму, в свободное от основной работы

время, группа добровольцев ездила на место раскопок. Работали в любую погоду при сильном ветре. Мерзли сами, замерзала болотная вода на рукавицах, одежде, на штоках крючьев. Дело продвигалось медленно, но желание узнать, чей это самолет, не отпускало.

Наконец были подняты на поверхность детали самолета, брезентовый мешок с документацией к радиостанции, записка с расчетом топлива по полету и несколько клочков карт северо-западной части СССР, Эстонии и Финляндии. Процесс поднятия самолета занял несколько зим. Были обнаружены останки трех летчиков. На руках у одного были кожаные летные перчатки. Вне сомнения, это был стрелок-радист, потому что стрелять можно только в перчатках, а не в крагах. Следом — извлечены лоскутья синих ватных штанов и ноги, обутые в меховые унты. Вид останков повергал в шок даже бывалых поисковиков.

Все это выглядело так, как будто самолет разбился только вчера!

Летчиков временно захоронили в селе Радофинниково, недалеко от болота, а документы поисковики передали в музей боевой и трудовой славы одного из предприятий города. Удалось узнать и имена погибших. Тут же последовал поиск их родственников.

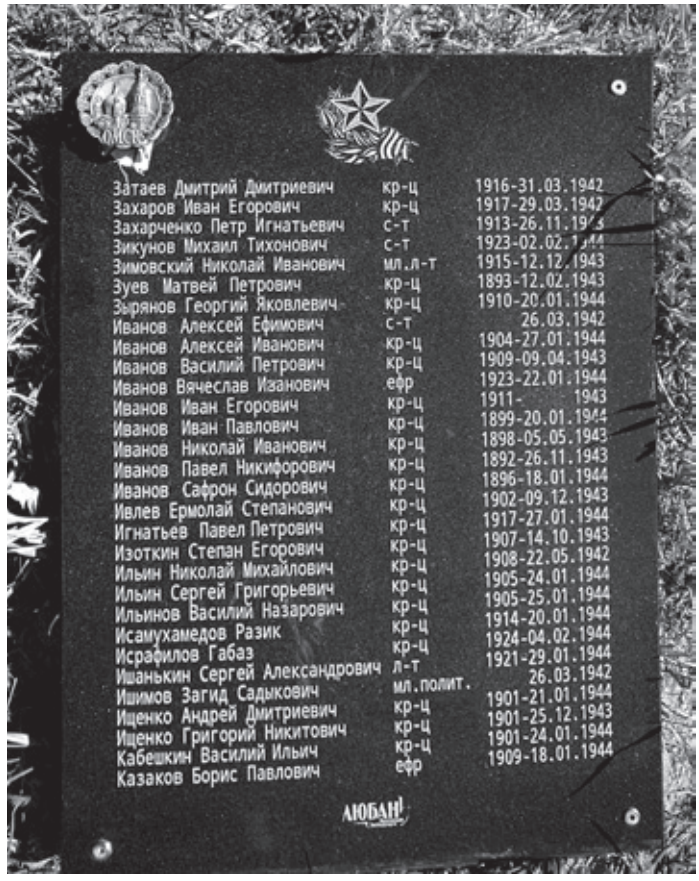
Только в 2005 году нашлась дочь лейтенанта Лихачёва. В 2013 году были найдены сестры и дочь старшего сержанта Дианова. Найти их помогли поисковики Валерий Валяев и Максим Елезов.

Было решено перезахоронить останки экипажа на воинском мемориале в Чудском Бору. Шел уже 2014 год. На церемонию захоронения 10 мая приехали родные стрелка-радиста Дианова: дочь Валентина Анатольевна Григорьева, сестра Светлана Николаевна Симутенко, племянник Игорь Симутенко и правнучка Лиза Пушкова. Поисковик Александр Кисляк рассказал родственникам, как погиб Дианов.

Случилось это 8 января 1942 года, когда экипаж возвращался после выполнения боевого задания. В схватке с немецким истребителем самолет был подбит, загорелся, вошел в штопор и на скорости врезался в замерзшее болото. Воздушный бой был скоротечен, все решили секунды. Экипаж не успел спастись (об этом было рассказано в материале «Суровая страда поисковых отрядов» № 3-4/2014 — авт. *И.Ф.*).

Прошли еще два года. Только 10 мая 2016 года установили мемориальные плиты с именами захороненных. Это было сделано силами региональной общественной молодежной организации Объединение «Отечество» Республики Татарстан, по существу, на средства поисковиков. Выполняло работы государственное унитарное предприятие «Ритуал» из Казани. Со стороны органов местного самоуправления Тосненского района Ленинградской области, отвечающих за вопросы увековечения памяти погибших при защите Отечества, к сожалению, помощи не было. Но нашлись добрые люди: глава Трубникоборского сельского поселения того же Тосненского района Сейфулла Агабалаевич Шейдаев помог с досками, цементом и песком.

Чистили и облагораживали воинское кладбище сами поисковики, работа кипела в течение двух дней. Табличка «Объект культурного наследия», самым бескультурным образов прибитая к живому дереву, красноречивее всего говорит о фактическом участии властей в общем добром деле.

Одна из плит, установленных поисковиками в мае 2016 года

P.S. Когда верстался номер, дошла печальная весть: ушла из жизни Валентина Анатольевна Григорьева (дочь стрелка-радиста А.Н. Дианова). Из-за болезни она уже не могла присутствовать на церемонии открытия мемориальной плиты в мае 2016-го. Теперь в Чудской Бор собирается приехать правнучка Дианова Лиза Пушкова.

Вахта ожидания продолжается. Родные по-прежнему верят, что вернутся в строй памяти имена без вести пропавших.

Именные мемориальные плиты. 10 мая 2016 года

Так выглядела братская могила экипажа в мае 2014 года

Открытие мемориальной плиты летчикам. В белой блузке внучка лейтенанта Л.В. Лихачёва — Светлана Леонидовна Лихачёва

Летом 2014 года могила летчиков тонула в бурьяне

Поисковик Александр Кисляк, поднимавший останки летчиков. Май 2016 года

Воинский мемориал у деревни Чудской Бор в Ленинградской области — объект культурного наследия

Здесь покоится экипаж самолета Пе-2

Работы поисковикам здесь еще непочатый край

Здесь покоятся останки воинов, поднятых на полях великих сражений

почтальон «проталины» позвали в дорогу великие луки

И в наше время продолжают звучать новые стихи о войне

9 мая в День Победы в почту «Проталины» пришло письмо из местечка Верхнее Дуброво Белоярского района Свердловской области. В письме было стихотворение.

Наталья Никова рассказала, что написанное она посвятила своему дяде, погибшему во время Великой Отечественной войны. Письмо не содержало подробностей, только строки стихов выдавали неподдельное глубокое чувство. Звучали они как натянутая струна.

Мы связались с автором, чтобы узнать поподробнее о судьбе человека, о котором написано. Наталья призналась, что только недавно она по-настоящему прониклась судьбой дяди, о котором долго ничего не было известно. Она посчитала самым главным постараться найти, где и как погиб Михаил Икрин. Наталья выслала нам фотографию дяди, рассказала, каким был путь ее поиска.

Удивительно то, что здесь присутствует большая временная дистанция! Наталья родилась намного позже войны, но скорбная семейная память о погибшем юном человеке пролилась в ее сердце и стала ее личной живой болью. Она уже не могла успокоиться и начала искать своего дядю. Хотя у нее была только его старая фотография.

Наталья Никова у обелиска. Она привезла горсть земли с могилы матери Михаила

наталья никова

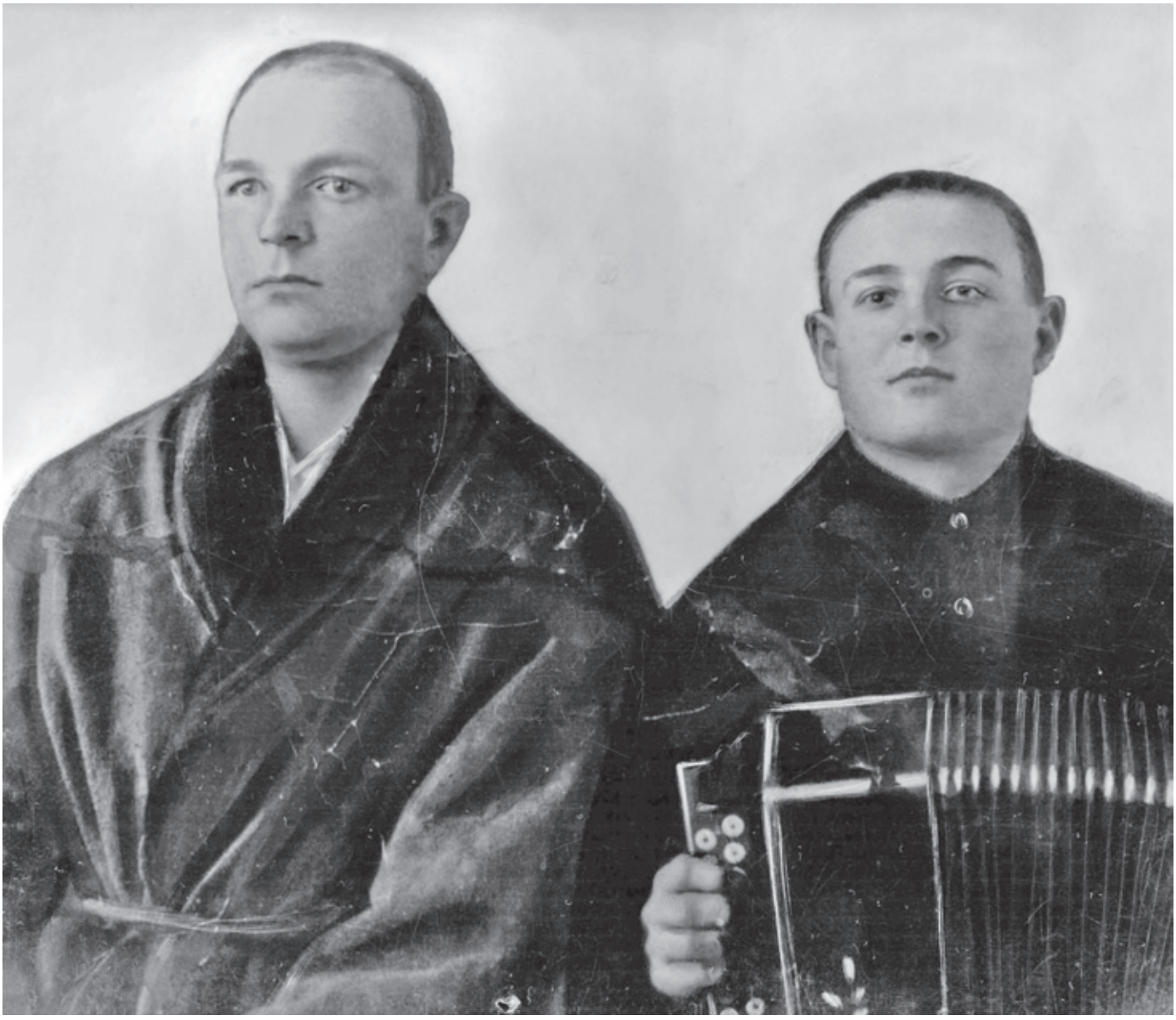
***

Памяти моего дяди
Михаила Николаевича Икрина

Весна, отчего лес молчит так зловеще,
Ни свиристель и ни зяблик не свищет?
И, оглушённая мёртвым безмолвьем,
Я тихо по лесу брожу Подмосковья.
Здесь пахнет лесною ольхой прелый лист,
Здесь рвался к Москве озверевший фашист.
Ржавеет земля, орошённая кровью,
Здесь каждый мой шаг отзывается болью.

...Лет девятнадцать исполнилось с лишним
Уральскому парню по имени Мишка.
Оставив сестрёнку, братишек и мать,
Ушёл в сорок первом Москву защищать.
Таял декабрьский покров под обстрелом,
Чернело земли обнажённое тело.
Приказ отдаётся: «Ни шагу назад!»,
И яростно бьётся в руках автомат.
Глаза ослепила последняя вспышка,
И падает в вечность вихрастый мальчишка,
Успев уничтожить с десяток фашистов.
...В стылой избе плач грудного ребёнка.
Белым пятном на столе похоронка.
Встали, насупившись, братья в сторонке,
В страхе застыла малышка-сестрёнка,
Ей, малолетке, никак не понять,
Рыдает о чём, обезумевши, мать.

Выстрелом хрустнул вдруг старый валежник,
Робко склонился весенний подснежник,
Майское небо над тонкой берёзой
Скупо роняет прозрачные слёзы.
Давно уже нет дяди Миши на свете,
Только смеются глаза на портрете.

Михаил Николаевич Икрин (с гармошкой) в госпитале города Рыбинска. Июль-август 1942 года. После выздоровления снова поехал на фронт, а уже в декабре был убит

из воспоминаний натальи никовой

По образованию я искусствовед, художник, сейчас на пенсии. Кем только ни работала, особенно в 1990-е: радист-метеоролог на Севере, продавец, сторож, учитель рисования, давала уроки по мировой художественной культуре, истории искусств.

Сейчас я пишу стихи, размещаю их в Интернете. Меня интересует также моя родословная.

Я бы ничего не узнала о моем дяде Михаиле Николаевиче Икрине, которому посвящено стихотворение, если бы не познакомилась с родоведами Лидой Бояровой (тоже из рода Икриных) и Николаем Гавриловичем Икриным. Дело в том, что мои родители развелись, я долгое время не общалась с родственниками и мало что знала. Когда я увидела свою ветку, идущую с XVIII века, моему восторгу не было конца — я не одна!

Михаил родился в 1922 году в деревне Исакова Байкаловского (Краснополянского) района Свердловской области. Точную дату рождения установить не удалось, знаем только год. Родители Николай Сергеевич и Анна Васильевна Икрины были из крепких крестьянских семей и испытали все тяготы тогдашнего времени. Первенца Николай Сергеевич назвал в честь своего старшего брата Михаила, который был участником революционных событий 1917 года — в 1920 году он по делам приехал в Екатеринбург и умер здесь от испанки. Миша рос под-

НКО—СССР
КРАСНОПОЛЯНСКИЙ
РАЙОННЫЙ
ВОЕННЫЙ КОМИССАРИАТ
Свердловской области
Часть 4 К
«11» Января 1946 г.
№
с. Байкалово, Свердловской обл.

Форма № 5/БП
[redacted]
Экз. №

ИЗВЕЩЕНИЕ

Прошу известить гр. Потапенко Надежду
(Фамилия, имя, отчество жены, отца, сына, брата)
Прокопьевну проживающую в Краснополянском
р-не Любинский? с/с. д. Исакова
(Точный адрес семьи погибшего)
о том, что ее (его) Муж Лейтенант Икран Михаил
(муж, сын, отец, брат, должность, звание, фамилия,
Николаевич. в бою за социалистическую Родину, верный воинской
имя и отчество)
присяге, проявив геройство и мужество погиб 26 Декабря 1942 г.
(число, месяц, год)
Похоронен с отданием воинских почестей —
(Точный адрес и место погребения)

Место печати
314—44

Районный военный комиссар [подпись]
Начальник 4-й части [подпись]

Извещение о гибели

вижным, закончил 7 классов байкаловской школы и по тем временам считался образованным человеком. Был активным комсомольцем. Хорошо играл на балалайке, гитаре, гармошке.

В один из дней июня 1941 года в деревне Исакова провожали на фронт молодых ребят Григория Тимофеевича Михайлищева, Павла Семёновича Икрина и Михаила Николаевича Икрина. Земляки воевали в 366-й стрелковой дивизии. Михаил был направлен на 6-месячные курсы лейтенантов при полковой школе. 21 июля 1942 года был ранен на Волховском фронте, поступил в передвижной полевой госпиталь № 1160 в населенном пункте Ширино Ленинградской области, затем лечился в госпитале города Рыбинска Ярославской области. 18 сентября 1942 года ему было присвоено звание гвардии лейтенанта.

Сохранилась только одна фотография, где Михаил в госпитале рядом с другим раненым играет на гармошке. Оба в толстых больничных халатах.

Калуг Цен№22705
Ван№2411
18.3.43

Шаторов.

СЕКРЕТНО.
Экз.№ 1

57

ПРИКАЗ

19 ГВАРДЕЙСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

30 декабря 1942г. № 0108 Действующая Армия.

От Имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за проявленные отвагу и мужество в борьбе с немецкими оккупантами НАГРАЖДАЮ:

По 54 Гвард.стрелк.полку.

ОРДЕНОМ КРАСНАЯ ЗВЕЗДА.

1. Гвардии красноармейца ГАНЮШКИНА Александра ~~Александровича~~ Алексеевича – стрелка 2 батальона.
2. Гвардии мл.лейтенанта УЛЬЯНОВА Павла Федоровича – командира роты 1 батальона.
3. Гвардии красноармейца ШАПИРИНА Владимира Петровича – стрелка 2 батальона.

МЕДАЛЬЮ "ЗА ОТВАГУ".

1. Гвардии замполитрука БЕРДЮГИНА Николая Ивановича – зам.ком. роты по политчасти.
2. Гвардии ст.лейтенанта ВОЛЬКО Дмитрия Павловича – командира 2 минроты.
3. Гвардии красноармейца ГУРЕЕВА Михаила Лукьяновича – командира отделенияавтоматчиков.
4. Гвардии военфельдшера ДУБИНА Андрея Кузьмича – командира санвзвода.
5. Гвардии лейтенанта ЗАРУБИНА Василия Степановича – командира комендантского взвода.
6. Гвардии мл.лейтенанта КУРНОСОВА Сергея Акимовича – командира взвода автоматчиков.
7. Гвардии ст.лейтенанта ПОДГОРНОГО Алексея Васильевича – командира роты ПТР.
8. Гвардии мл.политрука ТКАЧУК Адама Савовича – отсекра бюро ВЛКСМ.

МЕДАЛЬЮ "ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ"

1. Гвардии ст.лейтенанта ДОЛГИХ Николая Яковлевича – командира роты автоматчиков.
2. Гвардии капитана ПОЗДЕЕВА Николая Васильевича – командира роты связи.
3. Гвардии сержанта РЫЖКОВА Михаила Семеновича – командира взвода автоматчиков.

По 56 Гвард.стрелков.полку.

ОРДЕНОМ КРАСНАЯ ЗВЕЗДА.

1. Гвардии лейтенанта БОРОДИНОВА Сергея Ивановича – командира минометного взвода.
2. Гвардии лейтенанта ИКРИНА Михаила Николаевича – командира взвода автоматчиков.

Наградной лист, в котором дана реальная картина гибели героя

Михаил по описаниям был невысоким, плотным, с темными густыми волосами. Все документы, фотографии сгорели с домом в 1990-е годы. Валя, младшая сестра Михаила, помнит, что много его писем и фотографий было у его невесты Надежды. Она была из соседней деревни Сергина, расписаться молодые не успели, но Миша считал ее своей женой. У них родилась дочь, но вскоре девочка умерла. После войны Надежда вышла замуж за приезжего фронтовика Потапенко, у них была дочь Эльвира... Выйти на внуков Надежды пока не удалось, ведь на поездки, письма, телефонные разговоры нужны деньги.

Тетя Валя запомнила строчки из письма Михаила, где он рассказывал, как на его глазах погиб друг и родственник Павел Семёнович Икрин — в него попал снаряд. «Остались мне от Павла кружка и ложка», — писал Михаил. А по документам вышло, что Павел пропал без вести.

17 марта 1942 года 366-я стрелковая дивизия за боевые заслуги была преобразована в 19-ю гвардейскую стрелковую дивизию, вела бои на Калининском фронте. Михаил служил в 56-м гвардейском стрелковом полку командиром взвода автоматчиков. Был награжден медалями «За отвагу», «За боевые заслуги».

Гвардии лейтенант Икрин Михаил Николаевич геройски погиб в декабре 1942 года у деревни Громово Тверской (Калининской) области и был посмертно награжден орденом Красной Звезды.

После войны отдельные могилы стали объединять в братские захоронения. С тех пор и по сегодняшний день по местам боев ведутся поисковые работы. В 2014 году поисковики из отряда «Сварог» сообщили нам, что останки Михаила Икрина покоятся на братском кладбище под Великими Луками в районе местечка Платоново сельского поселения «Купуйская волость» Псковской области. Если бы не эти добровольцы, то сколько бы еще безымянных останков было в земле!

История Родины лучше понимается через судьбы родных людей. Моя бабушка Анна Васильевна Икрина не плакала над могилой своего старшенького. И никто из родственников не был на могиле Михаила. Я понимала, что ехать в Великие Луки нужно, пока есть силы. Поэтому все, что я накопила, потратила на поездку.

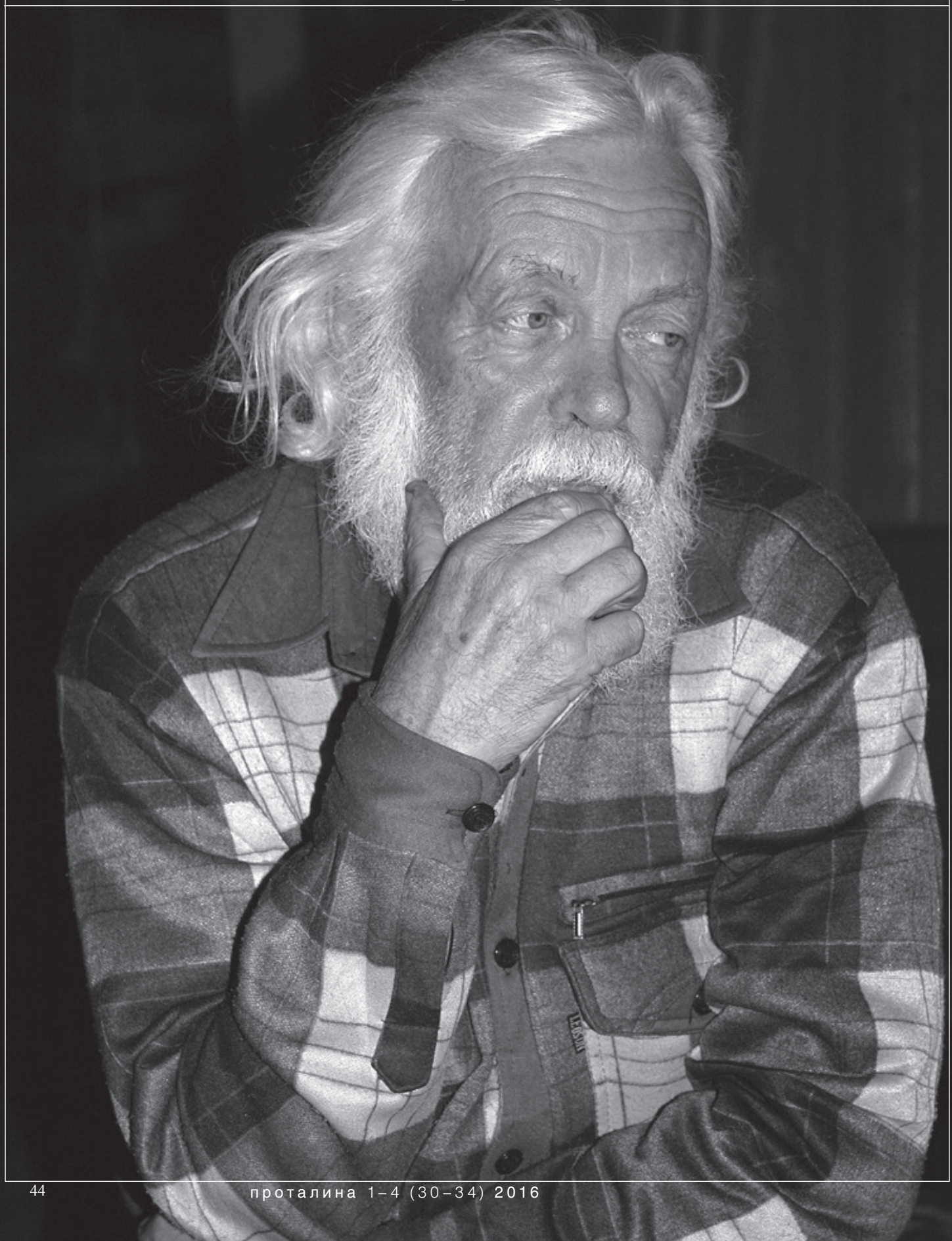
21 марта 2014 года я была в Москве проездом, зашла в Центральный дом литераторов, затем в Санкт-Петербурге повидалась с тетей Валей, потом поехала в Платоново. В Великих Луках меня встретил водитель из администрации поселка Платоново Сергей Михайлович, сама бы я кладбище не нашла. Мы приехали в похоронное бюро, слезы душили меня, и Сергей Михайлович сам объяснил, кому нужен венок. Девушка в бюро подписала ленту и денег не взяла. В этом маленьком чистом городе все знают и помнят, какие тут шли бои. Сергей Михайлович старался отвлечь меня разговорами. У нас на Урале еще лежал снег, а здесь в марте он уже растаял, земля здесь красноватого оттенка. Кругом холмики и похожие на большие лужи озерца.

В 2014 году в братском захоронении нашли покой 1790 человек, но в окрестностях до сих пор находят останки погибших, и кладбище растет. Администрация мечтает поставить новый памятник, но денег не хватает.

Лида Боярова предложила мне написать о своей поездке. Я согласилась, и то, что рассказала, напечатали в газете села Байкалово.

Мужчины из семьи Икриных воевали также в Белоруссии, в Сталинграде, под Ленинградом, под Москвой.

юний горбунов

магнитное притяжение к тайнам забытых судеб

Как говорит сам автор, жанр, в котором написаны эти очерки, рискованный, необычный, то и дело просящий оговорок, чтобы читатель не подумал, что все рассказанное есть фактологическая достоверность. В то же время страницы очерков — итог бесконечных многолетних поисков автора, его наблюдений и даже личных догадок.

Публикуются главы из будущей книги Юния Горбунова, которой пока дано условное название «Лики Петербурга». Неординарные личности могут быть из разных краев России, но так или иначе их судьбы неразрывно связаны с великим городом Санкт-Петербургом. Так судьба крепко связала с городом на Неве и врачевателя из Сибири Николая Белоголового. Автор очерков проникся к этому своему герою горячим интересом, узнав о нем из архива известного русского издателя и просветителя Флорентия Фёдоровича Павленкова. Привлекло то, что такие люди, оставаясь малоизвестными, являли собой яркие примеры великого служения обществу.

Сталкиваясь с пробелами в биографиях героев, автор решил работать в жанре «были-небыли», позволяющем произвольно дорисовать выбранный документальный сюжет. Этакая, по словам автора, современная мифология. Вот правда-легенда еще об одном герое далекой поры русской жизни. Известно было, что «некий майор Аничков на заре Петербурга построил на Фонтанке слободу, а потом и первый навесной мост». Это все, что осталось в исторических документах об этом человеке! Автору пришлось погрузиться в давний временной момент судьбы Аничкова, чтобы представить, как всё было.

Юний Горбунов — известный екатеринбургский краевед-историк. Родом он из Рязанской области, детство и большую часть взрослой жизни провел в уральском городе Серове. Там он работал на металлургическом заводе. Потом служил в армии, окончил УрГУ и снова пошел на завод. Потом были газеты «Серовский рабочий», «Уральский рабочий» (собкор по северу области), журналы «Урал» и «Уральский следопыт».

Его публикации связаны с историей Урала и России. Особое место в его творческих трудах занимает биографическая книга о Флорентии Павленкове (Челябинск, 1999) и о людях, его окружавших. Продолжают выходить очерки о них и вот — главы будущей книги «Лики Петербурга» (на эту работу автора вдохновило многолетнее общение, почти дружба с наследием Павленкова).

Историк и писатель Горбунов является также инициатором создания и первым руководителем Всероссийской общественной организации «Содружество павленковских библиотек» (под эгидой ЮНЕСКО).

«Проталина»

тернии и лавры доктора белоголового

Судьба этого сибиряка тесно переплелась с острыми событиями XIX века. Начиналась она почти два века назад в 1834 году. В том же году Николай I утвердил текст Государственного гимна Российской империи «Боже, царя храни».

Николай Андреевич Белоголовый рано почувствовал, что главное дело его жизни — врачевание. Это было как раз время открытий в области медицины. Имя и судьба врача, публициста и мемуариста Белоголового сейчас, к сожалению, мало известны, хотя многие годы он работал в тесном союзе с известным светилом медицины С.П. Боткиным. Доктора дополняли друг друга. Практика Белоголового росла и развивалась на почве научной школы Сергея Петровича Боткина...

Фамилия Боткина запечатлена и в трагических событиях российской истории. В 1918 году его сын — Евгений Сергеевич Боткин, лейб-медик императора Николая I, был расстрелян вместе с царской семьей в Екатеринбурге в подвале Ипатьевского особняка.

Вот так переплетались судьбы людей с судьбой страны.

Родом Белоголовый из Сибири, родился он в Иркутске. Именно здесь он узнал историю декабристов и окунулся в сложившуюся атмосферу общественно-культурной жизни, которую принесли с собой декабристы. В свои юные годы Николай с двумя братьями жил под покровительством трех просвещенных каторжан — Алексея Юшневского, Петра Борисова и, особенно плодотворно, Александра Поджио, с коим был потом дружен и сообщителен до конца его жизни.

Декабристы в Сибири — тема вечная и всегда недосказанная. Выходцы, как правило, из семей высокородных, достойнейшие из них осознали свою вину в безоглядном протесте на Сенатской площади Санкт-Петербурга и искуплением этого невольного греха стало их человеколюбивое просветительство. В этом осознании и искуплении — истоки бесконечного альтруизма декабристов, пленников Сибири. Никто, как они, не переносил так стоически и естественно великие испытания каторги и поселения. Никто, как они, не оставил такого культурно-нравственного следа в нескольких поколениях сибиряков.

Юное сердце Николая Белоголового навсегда запечатлело жизненное кредо своих учителей: протестовать, просвещая, и просвещать, протестуя. И то сказать: на 20 тысяч иркутян в пору детства Белоголового в городе приходилось 15, а то и 20 высокообразованных каторжников. Не мудрено, что в конце 40-х годов XIX века, в такое глухое для страны время, именно из Иркутска потянулись первые юноши-сибиряки в столичные учебные заведения.

Очерк о выдающемся докторе призван в какой-то мере воссоздать всю тревожность и целеустремленность жизни передовой части общества в ту пору.

городовой врач

После «школы» декабристов отец отправил тринадцатилетнего Николая с купеческим обозом в Москву, где ему предстояло учиться в пансионе пастора Эннеса, что угнездился в Большом Успенском переулке. Здесь образовывались мальчики из купеческих и иностранных семейств, обучаясь сразу на латинском, греческом, немецком и французском языках.

Одним из однокашников Николая с первого дня пребывания в пансионе по воле судьбы оказался будущий знаменитый российский врач-клиницист Сергей Боткин, на всю предстоящую жизнь ставший *alter ego* Белоголового. Обоих как изрядно подготовленных приняли сразу в 4-й класс (низшим был 6-й). Окончив пансион, оба ударились в медицину и поступили на соответствующий факультет Московского университета. Николаевский вуз в начале 50-х не был обделен муштрой. Обмундированным студентам при шпаге и нелепой шляпе-треуголке велено было отдавать честь своему начальству и всем военным генералам, не доходя до них трех шагов. Слава университета во многом держалась на именах профессоров Т.Н. Грановского, С.М. Соловьева, Ф.И. Иноземцева, К.Н. Леонтьева и других.

И вот в 1855-м двадцатилетний выпускник, проделав с приключениями далекий путь из Москвы в Иркутск, вернулся на родину и за полным отсутствием здесь образованных медицинских кадров сразу принял должность городового и окружного врача, а в пристяжку еще и ветеринарного. Иркутский округ той поры по своим пространствам мог дать фору и Франции, и Германии. Три года длилась врачебная и административная практика Белоголового на почти девственных в плане медицины палестинах округа, где только полное отсутствие реальной помощи и могло скрыть обилие страждущих. А надо к этому добавить, что двадцатилетний эскулап каждый визит пациента и любое поручение инспектора врачебной управы испытывал своим горячим сердцем.

Удручало его, что профессиональных знаний таки недостает. И он отправился совершенство-

ваться за границу. Но неудачи на золотых приисках Белоголового-старшего поистощили семейный купеческий капитал. Николай жил на минимальные средства, выбирая местечки подешевле — терпеливо и дотошно учился, собирал материал для докторской диссертации. А местом ее написания облюбовал и вовсе безлюдный от туристов уголок — остров Рюген, что у балтийских берегов Германии. Успешная защита диссертации состоялась в Москве. И в 1862 году молодой остепененный медик вновь появился в Иркутске — теперь уже старшим городовым врачом.

...В комнате Александровской тюремной больницы (это в семидесяти верстах от города) Белоголовый собрал синклит здешних медиков. Всё люди в годах. Меченные многолетним совместным навыком. Знают друг друга как облупленные. И разговор ведут совсем не медицинский — каждый о своем, а больше о новой винокурне, открывшейся на днях на берегу Иркута. А дело предстоит пустяшное — освидетельствовать каторжанина, назначенного к пятидесяти плетям за попытку побега. Вон и санитар, долговязый малый из семинаристов, готовит в углу кипяток для чая.

Белоголовый замечает, что на него, старшего городового врача, местные эскулапы украдкой то и дело поглядывают. Небось догадки строят, как поведет себя этот молодой да ранний в каждодневности: одно — когда вчерашним студентом пребывал, а другое — остепененный блестяще защищенной диссертацией. Да ведь не в России же угнездился, а к отчему дому прикатил!

Читая все это по лицам сослуживцев, Николай Андреевич, однако, был спокоен: первый совместный акт трудности, похоже, не представит. Санитар, водрузив на широкую плаху стола большую закопченную посудину, уже разливал чай по тюремным алюминиевым кружкам.

Ввели босого каторжанина в одних портках и длинной арестантской рубахе. Молодой, его же, Николаева, возраста, еще не износившийся парень. Руки в колодках. Лицо безбородое и если бы не заплывший синяком глаз, прямо сказать, взрачное. А другой глаз в соседстве с синюшным правым — ни дать ни взять соколиный. Белоголовый заметил, что парень выбрал взглядом из всех его и смотрел вызывающе, не моргая.

Николай Андреевич взгляда не отвел. Была у него такая скрытная игра: кто пересмотрит, тот и прав. Парень, как видно, принял эту игру. Секунды длились и длились. Вдруг лицо каторжанина в глазах Белоголового начало как бы двоиться, троиться веером игральных карт. Вокруг стояла тишина, и на одной из «карт» явился Николаю Андреевичу лик Андрея, несчастного брата его учителя-декабриста Петра Ивановича Борисова. Психика Андрея с далеких пор была уязвлена глубокой меланхолией; всякий посторонний человек смертельно пугал его и загонял в закуток избы. Видеться и говорить Андрей мог только с братом. А тот однажды скоропостижно оставил этот мир. Андрей, увидев бездыханное тело, в приступе отчаяния затянул на шее петлю... И вот теперь лик меланхолика вдруг предстал Белоголовому, полный боли и страдания. А на другой «карте» — молящее лицо женщины. Помнится, она распахнула дверь острожной больницы, держа на руках труп сынишки — его с понтонного моста затянуло под тонкий в октябре лед Ангары... И еще... Откуда они? Почему так чувствительны ему? Неужели всё это время жили в нем? Но почему явились именно сейчас при виде здоровяка, обреченного на плети? Кто он ему теперь — этот детина с фиолетовым глазом? Брат? Свихнувшийся декабрист? Весь неоглядный Иркутский округ?

Николай Андреевич сдался, первым закрыл глаза, и видение исчезло.

А за столом ничего не произошло. Позвякивали в кружках меченные тюремными дырками ложечки. Каторжник, казалось, меньше всего занимал врачующих.

— Приступим, господа, — сказал Белоголовый, трудно отгоняя наваждение.

Собранию, кажется, было ясно как день, что кроме лилового фингала под глазом у этого молодца нет других недомоганий, и пять десятков плетей ему ничем не повредят.

Николай Андреевич достал из кармана стетоскоп и велел солдату-стражнику поднять рубаху каторжанина. Процедура длилась минут пять. После прослушивания было простукивание груди и спины. Санитар подливал в кружки кипятка.

— Я считаю, господа, что наказания он может не перенесть. Сердце слабовато: шумы, сбои... Да вы сами послушайте, — Николай Андреевич протянул стетоскоп коллегам.

Изобретению французского диагноста Лаэннека минуло уже полвека, но иркутские эскулапы только приобщались к диковинке. Они и увидели-то ее впервые в руках ученого земляка. Четверо по очереди несмело водили пластиной стетоскопа по груди и спине пациента. В рубахе, накрывшей голову, каторжанин стоял незавершенным изваянием. Двое не преминули согласиться со старшим городовым врачом, третий кивал на уши, мол, закладывает по утрам, и только четвертый заупрямился. Это был акушер лет сорока, тоже из местных. Удивленно глядя на Белоголового, он твердил, что ни шумов, ни сбоев у этого остолопа нет, и полсотни заслуженных плеток будут ему как детская считалка. А если, мол, у старшего городового врача, помимо обязательной врачебной истины, есть какой-то иной резон, то он ему не потворщик.

Тремя голосами против двух каторжанин был от плетей избавлен.

Во дворе тюрьмы, где пустовал помост с безработной ременной плетью, каторжанин, как-то уломав стражу и улучив момент, подошел к врачу:

— А что, доктор, много ли мне осталось на этом свете?

Николай Андреевич потянулся к его уху, чтобы не слышал стражник:

— Еще меня переживешь.

«А ведь и было, было уже такое!» — больно стучало теперь в голове Белоголового. Еще и в первой иркутской практике было. Недуги ранее пользуемых им людей, их несчастья и пагубы вдруг разом сосредотачивались на очередном пациенте и будто усугубляли его состояние; чуть ли не былью витали лица, искаженные страданием. Кто-то являл неизбывную их череду. Больной, страждущий мир сталпливался вокруг. И малой каплей в этом море виделся Белоголовому очередной страдалец.

Но тогда в Иркутске Белоголовый был еще очень молод, его сердце не отдавалось такой острой болью при встрече со страждущим миром. А нынешняя нагруженность бесконечными приемами, выездами к больным, деяниями созданного им медицинского общества ослабила его организм и отозвалась сильнейшей тифозной горячкой. Врач слег, и город тотчас ощутил тяжесть возможной потери. Весь наличный персонал, включая акушера, почитал теперь за честь дежурить у постели больного.

Организм справился, но болезнь положила неизбывный след, время от времени напоминая о себе. Пришлось оставить сибирскую практику, обезлюдевший после утрат родных Иркутск, могилы незабвенных каторжан.

Родительское наследство было невелико, и Николай Андреевич, по смерти отца, отказался от своей доли в пользу братьев, чем обрек себя на трудовую скитальческую жизнь вольнопрактикующего врача, который сам едва справляется с собственными недугами.

Поскитавшись по зарубежью, навсегда прикипев к европейской культуре, Николай Андреевич Белоголовый в 1865 году оказался в Петербурге.

вольно-практикующий врач

В столичной медицине царил молодой Боткин — приятель еще по пансиону. Уже начала складываться его клиническая школа. Близкий к европейской традиции по своей научной основательности, в Петербурге Боткин обрел статус увлеченного, безоглядного и бескорыстного практика-диагноста. В Медицинской академии он заполучил в свои руки терапевтическую клинику, что прозябала на Офицерской (ныне — Декабристов), создал при ней лабораторию и пункт приема приходящих больных, окружил себя молодыми соотечественниками. Наука врачевания, многолюдные академические лекции Боткина сопровождались теперь каждодневной клинической и амбулаторной надобностью. Такого плодотворного слияния науки с практикой и в тогдашней медикопросвещенной Германии надо было поискать.

Авторитет Боткина в столице был непререкаем. Приходя домой к позднему обеду, он едва мог протиснуться через толпу пациентов на третий этаж своей квартиры на Загородном проспекте у Пяти Углов. До позднего вечера длился его врачебный прием. Ходили по столичным весям боткинские капли, порошки и пилюли. Даже боткинский квас на сухарях. Не зная устали, не видя вокруг себя ничего, помимо медицины, Сергей Петрович только на своих неизменных боткинских субботах отходил душой, выкуривал неспешную сигару и баловал гостей виолончелью.

Белоголовый поражался безоглядной устремленности приятеля в науку врачевания. Сам он приехал в Петербург отнюдь не ортодоксом медицинской доктрины да даже и практики. Он не мог обойтись без утренней газеты и политических новостей. Его грели либеральные преобразования Александра II и бесил его же отказ дворянскому собранию в созыве Собора Русской земли для довершения реформ. Не давали ему покоя и последствия спровоцированной иркутским генерал-губернатором Муравьевым-Амурским дуэли двух его чиновников особых поручений. Последствия этой дуэли до предела обострили неприязнь «туземной» молодежи к «навозным»[1] функционерам генерал-губернаторского двора. Он не мог простить вмешавшемуся в этот конфликт Бакунину угодничества всесильному чиновнику, а Герцену — что правда ему мать, но и Бакунин ему Бакунин[2]. Его беспокоила не складывающаяся по возвращении из Сибири судьба Александра Поджио... И, как вечно у Белоголового, эти общественные недуги при каждом с ними столкновении вдруг распускались сразу карточным веером, усугубляя его маяту.

Своего рода отдохновением случилась у Белоголового в мае 1866-го поездка на Урал — в группе сопровождающих 23-летнего герцога, члена Императорского дома Николая Лейхтенбергского, мецената и заядлого минералога. В тряских дормезах, в беседах и спорах со спутниками проходило время дороги. В сопровождении бесконечных делегаций местной знати и начальства группа посетила иллюминированный по такому случаю Екатеринбург, его монетный двор, механическое заведение, гранильную фабрику и пробирную палатку. Были

знакомства: с главным начальником Уральских заводов Иоссой, заводчиком Всеволожским, лекарем Мирославским, богатым купцом и бывшим городским головой Нуровым. Когда последнему задали вопрос: много ли город играет в карты, он ответил каламбуром: «Играет, да и как же иначе? Нам сам Бог велел: ведь Екатеринбург так и называется: уездный **и горный** город».

Потом были Нижний Тагил, Верхняя и Нижняя Салда, Кушва, Берёзовский... Поездка в свите герцога на уральские города-заводы вышла после сибирской оказии последней служебной миссией врача Белоголового. Всю дальнейшую жизнь был он сам себе царем и подданным — вольнопрактикующим врачом.

Николай Андреевич поздно нашел себе подругу жизни. Ему было уже 37 лет, когда он обвенчался и сыграл свадьбу с Софьей Петровной. Это случилось в Италии. Они, что называется, нашли друг друга — так схожи были их души и так в унисон бились сердца. В сохранившихся письмах друзей то и дело можно прочесть: «Белоголовые считают», «Белоголовые решили». Детей у них не заводилось. А летом 1886-го из далекой Сибири нагрянула беда: скоропостижно один за другим скончались брат Аполлон и его жена, оставив на попечение судьбы и родственников десятерых детей. Белоголовым достались два младших племянника Юзя и Ваня четырех и шести лет. Помимо прочего, сразу скукожился семейный бюджет. Приходилось искать дешевые и удобные места для обитания зимой и летом.

Теперь уже и нужда заставляла вольнопрактикующего врача жадно впитывать боткинские уроки.

Практика Боткина являла его ученикам и самим страждущим небывалую доселе методу подхода личностного. Болезнь — не катехизисная аксиома, учила эта практика. У всякой болезни есть имя, биография, характер, темперамент пациента, сказываются общественные даже его предпочтения — всё у болезни от ее «хозяина». Сколько страждущих, толпящихся на лестнице и в прихожей боткинского дома в Загородном, в амбулатории на Офицерской, столько, стало быть, и несхожих вариантов болезни, именуемой каким-то одним общим признаком. И когда на прием выпадали минуты, а доктор неожиданно интересовался: как тебе, дружок, сегодняшняя погода? или: что это ты, любезный, все руки в карманы прячешь? — то и чиновный столоначальник, и обитатель Сенного рынка оторопело на врача таращились.

Нельзя, считал Боткин, лечить только болезнь — надо лечить больного! Однако своей методой ученый медик не столько исцелял, сколько наставлял врачеванию.

Белоголовый же явил себя Петербургу чистой воды практиком. И к нему выстраивались негромкие очереди. И он старался следовать новейшим зарубежным достижениям. И о нем пошла по столице молва как о докторе-бессребренике. Оба медика являли непривычные принципы врачевания. У них были разные подходы к недугу, но это не уводило их от главной цели. Боткин смотрел на больного как на объект науки, Белоголовый же всеми способами помогал страждущему использовать свои моральные и физические ресурсы. Вернув человека к его призванию, врачующий возвращал его к жизни. На время, какое Бог даст. Свою методу Белоголовый называл «объективной школой», «правилом». Это слово он произносил с ударением на «и» — прави*ло*. Как свидетельствовал первый биограф и современник Белоголового Григорий Джаншиев, они, эти правила, вовсе не походили на полумистический ритуал у постели больного иных жрецов и шаманов медицины.

Но, проникшись методой Боткина — лечить не болезнь, а человека, — Белоголовый как практик ранимо чувствовал некое бессилие этой методы ввиду нескончаемо тянущейся очереди нуждающихся в исцелении.

Чтобы лечить *больного*, нужен с ним постоянный контакт, долговременное общение. И судьба услужливо указала ему адрес: угол Литейного и Басманной. Здесь после закрытия «Современника» зародился новый журнал Некрасова и Салтыкова — «Отечественные записки». Здесь было средоточие демократического и разночинного Петербурга. Тяга к общественным вопросам привела сюда и Белоголового — стал он при журнале «домашним» врачевателем. Десятки литераторов, деятелей науки и культуры пользовались услугами и дружбой терапевта и диагноста Белоголового: физиолог Сеченов и скульптор Антокольский, художники Айвазовский и Крамской, писатели Салтыков, Некрасов, Тургенев, Надсон, Гаршин, Плещеев, Писемский, Полонской и еще многие другие.

Это было необременительное, хотя и довольно странное для обеих сторон врачевание. Начиналось, как водится, с жалоб, осмотра, советов и микстур, но как-то незаметно переходило в диалог. Николай Андреевич никогда ни с кем не умел быть в полном согласии — такая владела им поперешность. Всегда тянуло чем-то возразить, а если и кивнуть согласно, то непременно с оговоркой. То ли речь заходила о политике, то ли о новом романе или картине. Любознательность и осведомленность Белоголового не знали границ. Пациент, наскоро приняв, рассовав по карманам или смахнув в стол пилюли, вдруг оказывался в творческой обстановке, не менее врачующей, чем предписанные снадобья. Оба уже расхаживали по кабинету или шли по Басманной, провожая один другого. Понимал ли пациент, да и сам Белоголовый, по какой оказии отвязалось вдруг недомогание? Как выразился один из его пациентов литератор-чайковец Феликс Волховский, «к отдан-

ной на его ответственность человеческой жизни» Белоголовый «чувствовал всепоглощающий интерес». Помощь в трудной ситуации, совет и участие у него были факторами лечения куда более действенными, чем лечебные процедуры. Таким же правилом было и то, что с литераторов за свои услуги денег он не брал.

Единственный разлад в лечебной методе у Белоголового чуть было не случился с Боткиным. Приятели со времени пансиона были на «ты», ощущали друг друга рядом, даже если их разделяли границы и большие расстояния. Но когда Белоголового испугало самочувствие уже тяжело больного Сергея Петровича и он неосторожно посоветовал ему хотя бы на время оставить клинику, тот сразу забыл приятельство:

— Что вы такое говорите? Как можно? Это мне подобно смерти. Вы этого хотите?

Белоголовый не хотел. И понимал душевное состояние друга: Ars longa, vita bravis[3]. Он был и остался его наперсником в любой обстановке жизни. В числе совсем не многих русских приезжал в Вену на бракосочетание Боткина. Был рядом душой и мыслями во всех его житейских ситуациях. И в Ментоне — у постели умирающего друга. На шесть лет пережив учителя, он нашел время и силы написать первую биографию Боткина. Она вышла в 1891-м в биографической библиотеке издателя Флорентия Павленкова, библиотеке, что выросла затем в знаменитую книжную серию «Жизнь замечательных людей». В ту пору крестьянская Россия переживала неурожай и голод. Уже и сам больной, Белоголовый затеял сбор пожертвований голодающим, и первым его взносом стал гонорар, полученный за эту книгу.

Вот еще одно примечательное свидетельство врачебной практики Белоголового. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин явился к нему за советом угрюмый и настороженный. Пришел в приемные часы для бедных — они тогда были только шапочно знакомы. Осмотрев пришедшего, Белоголовый нашел у визитера уйму недугов и в их числе порок сердца, застарелый катар легких и новообретенный ревматизм суставов. Дело было в 1874-м. Властитель радикальных умов, один из трех столпов журнала в эту пору не знал удержу ни в работе, ни в полуночных картах, ни во французских винах. А Белоголовый успел прочесть в журнале его «Дневник провинциала в Петербурге» и первые главы «Господ Молчалиных»[4]. Озадаченный симптомами, он посоветовал сатирику ограничить вина и карты и прогуляться на воды в Баден-Баден.

Салтыков решительно отверг все рецепты Белоголового. За границей, говорит, не бывал и дороги туда не знает, карты его суставам не помеха... Ушел, оставив дверь открытой. Но на теплых источниках Баден-Бадена ревматизм таки поуспокоил.

Годами дремавшие хвори нестерпимо и мучительно нахлынули на Салтыкова десять лет спустя, когда в феврале 1884-го вышло запрещение «Отечественных записок». Застарелое обострилось, но накатило и новое — дрожание рук и боли в глазах, никак даже не связанные с поражением глазного аппарата. Читать не мог, почерк стал неузнаваем, из слов выпадали буквы... Да и зачем читать, для кого писать? Журнала нет — вот главный его недуг. А читатель, вчера носивший на руках? Растаял без следа и звука. Вот донеслось из Твери: там несколько лет назад либеральное земство устроило музей, а в нем установило бюст Салтыкова, знаменитого уроженца Тверской губернии. Но знаменит он оказался ровно до запрещения его журнала — бюст тотчас спрятали на чердаке. Будто и не было в читающей России правдолюбца по имени Салтыков-Щедрин.

Белоголовые жили тогда в немецком городке Висбадене. Письма от Салтыкова со стенаниями и мольбами о помощи шли чуть не каждый день. Наконец в июле 1885-го он с семьей явился сам. Белоголовый не узнал сатирика. Поднялся ему навстречу изможденный человек с бледно-желтым лицом. Протянул было руку, но тут же бессильно опустился на стул и закрыл лицо руками. Из-под ладоней слышались то ли всхлипы, то ли невнятное бормотание. Это был физически и духовно развинченный организм.

Семья, состоящая из жены, сына и дочери, не была ему опорой. Дети сами нуждались в лечении. У Елизаветы Аполлоновны в этот критический период возобладали худшие проявления характера. Уход за больным был весьма своеобразным.

— Тебе, Миша, пора умирать, — говорила будто бы в шутку. — Ты стал очень раздражителен.

Или, подавая лекарство:

— Ах, Миша, зачем ты все это принимаешь? Ведь ты все равно не выздоровеешь, ведь ты умрешь.

Боткин, тоже принимавший в Салтыкове большое участие, удивляясь его тридцатилетнему долготерпению, в то же время считал, что жена, как фосфор, стимулирует мозг сатирика, поддерживает в нем раздражающее начало. Но в период наступившего кризиса, видел Белоголовый, влияние семьи убивает Салтыкова. И он предложил, отправив семью на французские морские купания, перебраться в две освободившиеся комнаты их пансиона. Салтыков от признательности даже не прятал слез. Никакой иной вариант уже не мог его спасти.

Теперь они жили, что называется, через стенку друг от друга. Вместе гуляли, обедали, беседовали. На Салтыкова в этой обстановке нашел «тихий час». Сатирик стал кроток и благодушен. Силы медленно, но возвращались к нему.

И, наверно, случился здесь сатирику благодетельный сон — нелепый и смешной, как есть к выздоровлению. Не так ли, бывало, и сказки его, и «пестрые письма» рождались — из снов и фантазий? Явился

ему во сне Захар Иванович Стрелов, коего сам же он и выдумал намедни для своего очередного «пестрого письма»[5]. Но не вчерашний и не сегодняшний явился ему Стрелов, а будто живущий на рубеже XX и XXI веков. И будто в эти-то его несообразные годы он, как прежде, еще довольно проворно семенит ногами, да и руки у него еще цепкие, так что если бы попала в них взятка, то он мог бы ее ухватить. Именно таким он был на некоторых «пестрых» страницах. Едва получив офицерский чин, в качестве инженера строил железную дорогу между Петербургом и Москвой. Сколотил шайку отъявленных проходимцев, будто как строительную бригаду, и учил их, как обманывать и на чем добывать себе «банк». Денег появилась такая масса, что не знали, куда девать. Пошли пирушки, «афинские вечера». Словом сказать, извлекались из казначейских кладовых деньжищи и исчезали неведомо куда. На одном деле шельмец погорел таки, но и тут вывернулся. Вместо того чтобы забрить его в солдаты, начальство велело добровольно подать в отставку.

И вот этот-то милейший дядя Захар и явился во сне якобы живущим как ни в чем не бывало в самых первых годах XXI века. Шутка сказать, 130 лет спустя! За это время казнокрадство и взяточничество обернулось уже хищничеством, и в этом «новшестве» появились подразделения — мелкие и крупные, простые и сложные. Приходилось только удивляться, как иной, коего знали без штанов, вдруг миллионами ворочает. И Захар Иваныч тут вполне приспособился: жизнь опять улыбнулась ему, как в пору ранней молодости!..

На этом Михаил Евграфович проснулся. «Ну, Стрелов, ах подлец, — почти что весело негодовал он. — В эдакой-то пресветлой будущности да вдруг хищника углядел! — И так же весело подумал: — А не сочинить ли мне пестренькое письмецо, а лучше сказочку о таких вот Стреловых, что и в светлом грядущем человечестве норовят свои допотопные порядки угнездить?» Одним словом, здоровехонек проснулся...

Белоголовый и Салтыков-Щедрин — особая увлекательная тема. Пример дружбы — незабвенной, творческой и врачующей. Белоголовый всячески стремился пропагандировать прозу Щедрина. Не по его ли наводке Михаил Элпидин, вольный деятель русской печати, печатал в Женеве дешевые брошюры с очерками сатирика? Белоголовый откликнулся на просьбу Щедрина посодействовать в переводе нескольких его рассказов на французский язык. Николай Андреевич (правда, не только он один) в целях врачевания побудил уже смертельно больного Щедрина взяться за «автобиографический» труд. И, похоже, что именно довод друга-врача, коему писатель доверял бесконечно, совершил едва ли не чудо. «...В последнее время, — пишет Щедрин Белоголовому, — меня обуял демон писания, и я кой-что накропал из старого материала»[6]. Так появилась «Пошехонская старина» — произведение, завершенное перед самой кончиной «человеком полуразрушенным, на которого глядеть тяжело» (Плещеев — Чехову)[7].

После ухода писателя из жизни Белоголовый затевает издание его сочинений в дешевом, доступном народу формате. В родной Иркутской губернии он при посредстве брата Андрея инициировал для этого сбор средств в особый щедринский фонд и обратился за издательской поддержкой в Петербургский комитет грамотности. Письмо о содействии фонду было разослано во многие печатные издания, что сразу насторожило цензуру и Синод. В письме руководителю цензурного ведомства Феоктистову обер-прокурор Синода Победоносцев раздумывал по этому поводу над тем, «какую бы установить опеку над так называемой народною литературой?» Между тем сумма пожертвований уже позволяла начать издание. «Ценою двухлетних усилий мне удалось упрочить... постоянный фонд имени М.Е. Салтыкова-Щедрина, благодаря сочувствию сибиряков, почитателей могучего таланта М.Е.», — из мемуаров Белоголового. Но «опека» не дремала. Петербургский комитет грамотности, прежде бытовавший под крышей Вольно-Экономического общества, срочно передали в подчинение министерству народного просвещения. Плакали денежки и вся затея Белоголового[8].

человек-невидимка

Осенью 1894 года Белоголовые вернулись в Россию. Московский дом Боткиных на Маросейке встретил их родственным участием. Брат Сергея Петровича — Петр, успешный купец-чаеторговец, отвел супругам пару комнат в своем доме. И Николай Андреевич занялся устройством племянников в Лазаревский институт восточных языков, не забывая по привычке просматривать газеты и журналы, отвечать на письма своих корреспондентов.

Но уже близилась зима. Вернулись мучительные удушья и спазмы. Он держался, чтобы не пугать жену. Когда чуть забрезжило новое лето, Петр Петрович увез его на свою дачу в деревню Поповку. Но сил уже не было даже на то, чтобы встать с постели и выйти во двор. Большой, обессиленный, он лежал в белой от солнца комнате. Судорожно поднималась грудь, голова откидывалась вверх, норовя поймать дыхание. Окна были настежь, а воздуха не хватало.

— Врачу, исцелися сам, — пытался он изобразить гримасу улыбки, когда над ним склонялись Софья Петровна или Сергей, один из сыновей Боткина, приехавший помочь в уходе.

Когда удавалось выровнять дыхание, он вспоминал почему-то Женеву, безлюдный пансион близ реки Арв, что текла из ледников Монблана. Жаркими летами к 7-8 градусам ледниковой воды добавлялись иголки мелкого песка, которые река несла в своем стремительном течении. Но после нескольких процедур погружения в ее стихию ему возвращались растраченные столичной зимой силы.

В этом-то пансионе и случилась у Белоголового встреча с типографом Элпидиным. Зашел разговор о новой русской эмигрантской газете. Ни на минуту не оставляла его теперь эта драма последнего двадцатилетия жизни. Ни наяву, ни в беспамятных видениях не давала ему покоя.

Стояло тогда в Женеве лето 1870-го. Уже три года, как замолчал «Колокол» и Герцен покинул Францию. Русской прессы за границей практически не было. Но тогда и у Элпидина с газетой не получилось.

А вот семь лет спустя, оказавшись весной в Берлине, Белоголовый в лавке книгопродавца ухватил глазами свежий номер газеты «Общее дело» — того самого издателя Элпидина. Не забыл, значит, он разговор в пансионе на реке Арв!

Воздух русской эмиграции уже дышал русско-турецкой войной и политическими крайностями, творящимися в России. Радикалы торопили революцию. Даже Петр Лавров, недавно покинувший родину, из своей парижской кабинетной тиши изрекал, что открытая борьба за права личности начинает «эпоху прекращения закона справедливости». В свою очередь самодержавие с его чиновниками и войском, почуяв опасность, искореняло самый дух общественного самосознания. Террор неизбежно порождал террор. Средний человек, который жил и работал на общее благо, оказывался бессловесным между этими двумя огнями. А ведь только в эмиграции и можно было свободно выговориться. В России печать, как ни изворачивалась, но открыто обсуждать ничего не могла. А эмиграция после Герцена молчала.

Бессловесность в те годы стала духовным недугом Белоголового. Надо было во что бы то ни стало прервать молчание.

И вот у него появилось от всех глаз закрытое дело — и дома, в России, и в «гостях». За зиму насобирывал в столицах последних общественных новостей, а летом, отходя от медицинской практики, курсируя по недорогим европейским пансионам, излагал эти новости, как мог и умел, в статьях и отсылал Элпидину. To professions de foi[9], что Салтыков облекал в причудливую форму сказок, лукавых «Писем к тетеньке» или сдобренных юмором «Пестрых писем», Белоголовый, что называется, переводил на русский без экивоков и эзоповых хитростей. Русские офицеры и чиновники, наводнившие Балканы, туристы и эмигранты всех мастей, лечившиеся на водах и просто проматывавшие последние помещичьи или новые «кулацкие» капиталы, на газетном безрыбье покупали и читали «Общее дело». До «Колокола» «Общему делу» было далеко, но 500 ежемесячных экземпляров по Европе таки расходились, при этом почти не заглядывая в российские пределы.

Между тем напряженные зимы вольнопрактикующего врача забирали у Белоголового остатки физических сил. Да с этим-то недугом он, может, еще бы и справился, но смертельно больной явила ему себя Россия! Вслед за целым рядом террористических актов народовольцев (Степан Халтурин, Иван Млодецкий) произошло покушение и смертельное ранение императора Александра II. Плачевные последствия этих мальчишеств сказались тотчас. Полетели с министерских кресел творцы реформ генерал-фельдмаршал Д.А. Милютин, финансист А.А. Абаза, давний знакомец и пациент Белоголового М.Т. Лорис-Меликов. Да что знакомцы! На миротворческую политику этих министров, затаив дыхание, смотрела вся либеральная Россия! Окружив двор в Гатчине частоколом сводно-гвардейской роты, выдал свой апрельский манифест новый царь Александр III. Подпираемая штыками допотопная хламина самодержавия продолжала стоять, но жить в ней становилось невозможно.

Ежедневные домашние приемы уже не только утомляли Белоголового, но и раздражали против пациентов. Одна лишь женевская газета и виделась ему спасением. В 1881-м Белоголовый смятенно и панически покинул Россию, считая, что оставляет ее навсегда. Но и в зарубежных палестинах нигде не сиделось: то и дело менял места жительства, выбирая дешевые и немноголюдные.

...В Поповке Белоголовый потерял ощущение дня и ночи. Проплывали лица Сергея и Сони, незнакомых врачей-консультантов. Ему помогали сесть, чтобы принять какое-то лекарство, проглотить несколько ложек супа или повернуться на другой бок. Это были машинальные движения. Он даже что-то отвечал на вопросы, а Соне пытался улыбнуться и погладить руку. Явь возвращалась только тогда, когда застревало в груди дыхание, и он ловил воздух широко открытым ртом — всем большим распростертым телом. А, поймав, закрывал глаза и оказывался в плену видений, продолжающих явь.

Мир вдруг обернулся неземной обителью Плутона. Ее образ Белоголовый когда-то нарисовал в своем стихотворении. Теперь его строчки нетленно стояли перед ним[10]:

В царстве тьмы, где, в угоду святым небылицам,
Будут жарить нас вечным огнем,
А царям и высокопоставленным лицам
Замежуют все лучшее в нем, —
На хлебах, в ожидании достойной награды,

Тени русских царей-молодцов
Впопыхах строят свиты свои на парады,
Шлют с приказами в Питер гонцов.
Разъяряясь, звонким голосом
Павел Мальтийский[11]
Потрясает подземную ширь:
«Задремал? Ввозят книги! Мятеж всероссийский!
Строй в шеренги, командуй: в Сибирь!»
Николай, проникая до Гатчины взглядом,
Поучает, как правил он сам:
«Пропусти пред собою их майским парадом
Да и крикни: мол, руки по швам!»
Александр напевает с отеческой лаской:
«Позаштопай дворянскую честь,
А народ пожимай... Только, Саша, с опаской,
Берегись, чтобы ноги унесть...»

Сюжеты, что тревожили его совсем недавно и бесцензурно облекались в текст его статей, теперь оживали перед ним картинами-видениями, чередой облегчающих фантасмагорий. Плутоновы чертоги сменились тронной залой в Михайловском дворце. Стены в зеленом бархате, огромная печь отделана бронзой, а вокруг краснобархатного трона — гербы российских владений и знамена Мальтийского ордена, отраженные в огромном зеркале. В зале собрался целый сонм прошлых российских царей-молодцов. Они и в подземном царстве продолжали наводить свои порядки: слали гонцов в Петербург, и Плутон уже был у них на посылках.

То были тревожащие и в то же время врачующие видения, а когда дыхание больного снова затруднялось, к нему возвращалась явь. Вспоминалось ему, как разворачивались события, когда он скитался по зарубежью. Решился он тогда инкогнито взять «Общее дело» на себя. Прежде всего, предложил Элпидину ежемесячные 100 франков — на печатание номера надобились 135 — но взамен потребовал, чтобы ни одна статья не появлялась на свет без его просмотра. Так на долгие десять лет Белоголовый стал закулисным редактором женевской газеты русских либералов. Знали об этом только считанные единицы ближайших сотрудников.

Может ли счастье быть горьким и мучительным? Утрами, когда в пансионе ли, в номере ли недорогой гостиницы было тихо и безлюдно, он часами торопил свое нелегкое перо. Полученные из России в письмах и газетах факты пытался обнажить и очистить от пресловутого иносказания. Те факты, что вычитал в иностранных изданиях или выспросил у здешних пациентов, он освобождал от излишней иронии и излагал в своем, более объективном, понимании. Потом ревниво просматривал тексты других авторов, посланные Элпидиным. Конституционные, законные начала, извечно руководимые средним россиянином, в хрониках и статьях Белоголового резко контрастировали с беспределом самодержавия и революционного анархизма. Он не щадил ни тех, ни других. И невольными соавторами его при этом были, помимо уймы рядовых, недавний министр внутренних дел Лорис-Меликов, язвительный сатирик «Отечественных записок» Салтыков-Щедрин, изощренный в политике философ Петр Лавров. Они не знали в нем редактора и публициста, а знали только врача, только приятеля.

А червь сомнения точил! Нигде ведь при этом не стояло его настоящего имени. Инициалы «Н.Б.» могли быть присвоены или отнесены кем и к кому угодно. Страх это у него или ложь во спасение? Герцен ведь не прятался. Драгоманов тогда же открыто редактировал женевское «Вольное слово». Не скрывал имени его близкий друг Петр Лаврович Лавров, редактируя куда более радикальный «Вестник Народной воли». Даже некий анархист Климов, не боясь, подписывал свою газетку «Правда». Уж какими только словами ни клял Белоголовый свое «малодушие», считая, что «скрытничал», «действовал из-за угла», «ломал комедию», «действовал не так, как поступал до этого».

Мучительное было противостояние. Обеспечив себя столичной практикой материально, он мог спокойно сжечь корабли и не возвращаться в Россию. Ни одна европейская держава не признала бы его деятельность опасной, нарушающей ее законы. Тогда зачем же прятаться? И тут говорила свое веское слово элементарная деловая логика. Открытое имя непременно закроет для него главный источник информации, отдалит многих старых знакомых, которые сейчас посещают его как давние пациенты и беседуют без опаски, не подозревая в нем второе лицо. Не ведал ведь даже Салтыков. Не брал в голову Лорис-Меликов. Невдомек было авторам «Отечественных записок» и их оппонентам. Бескорыстный соотечественник, ежеминутно готовый к услугам врач, приятнейший собеседник был вне всяких подозрений. Уж кому-кому, а милейшему Николаю Андреевичу можно было без опаски открыть душу[12].

Утомясь держать дыхание, он снова уходил в видения. Они опять несли облегчение, возвращали больному его счастливое время газетной работы. Да, он не чувствовал в себе писательского дара, понимал, что если прекратится прилив фактической и событийной новизны, его перо тотчас потеряет силу и увянет, и он будет толочь в словесной ступе избитые фразы.

Призраки прошлого продолжали крутить калейдоскоп событий.

Вот хоромы Плутона превратились в дровяной двор. Входят царь Александр III с наследником, оба в красных рубахах-косоворотках, в полушубках и с топорами за кушаком. Они извлекают топоры и принимаются в поте лица колоть дрова. А забор

у двора щелястый — бабы, мужики, малышня сбежались со всей Гатчины, приникли к щелям и дивятся: где, мол, такое видано, чтобы государь с наследником сами для своих покоев дрова запасали? И никакой им подмоги, сами и поленницу кладут. И отдыхают, сидя на чурбаках. Царь-то, кажись, самокрутку ладит. Знать-то, дроворубам своим не доверяют? А что, мол, у мужика с топором будет на уме? Вон папаша-то царев не поостерегся...

В Петербурге по поводу самоличной рубки дров толковали разное. Одни говорили: «У нас теперь царь дрова колет, а министры ворошат пустую солому», — а другие гадали, знаменует ли это упражнение в рубке дров сближение царя с народом или аллегорическое уподобление его Петру Великому в наряде саардамского плотника?

А между тем двор дровяной преобразился в царскую резиденцию времени гатчинского же «заточения». Идет торжественное действо. Императрица с 14-летним наследником выходит к народу. Когда приблизились к одной крестьянской депутации, то мужички в порыве подобострастия, как по сигналу, вдруг упали на колени. Наследник, бледный и дрожащий, от неожиданности испуганно кинулся за спину матери и ухватился за ее платье — насилу могли успокоить...

Виденьям не было конца. Теперь чертог Плутона явил Белоголовому пустой гимназический класс со столами и скамейками. За одним из столов демократично поместился сам директор гимназии, а перед ним стоял крестьянин, держа в одной руке картуз, а в другой руку сына-подростка, коего привел записать на обучение.

— Ты мне своего оболтуса не суй, вижу, каков, — говорил директор. — Ты мне наперед бумагу представь по министерскому циркуляру.

Крестьянин перебирал картуз, не понимая.

— Десять пунктов. Сам-то умеешь до десяти? Тогда вот тебе вопросник: в каком состоишь сословии и сколько классов прошел.

— Значит, крестьяне мы...

— Слушай, не перебивай: чем в городе занят, сколько лет от роду, каков доход имеешь? В доме сколько у тебя комнат и какую прислугу держишь? Кто еще у тебя в семье, да поименно назови, сколько годов каждому и чем заняты? Живет ли в доме кто, семейству не принадлежащий? К какому занятию полагаешь оболтуса своего приспособить? Готов ли плату за обучение исправно вносить, учебники и форменное платье ему справить? Кто именно и как будет сынка твоего в доме наблюдать?.. Заполнишь, любезный, по циркуляру, тогда и приходи.

Брезжит в видении Белоголового город Оренбург. В 1887-м в первом классе реальной гимназии открыты были четыре вакансии. Накануне в городе закрыли юнкерское училище, упразднили военную прогимназию, параллельные классы в гимназии классической город субсидировать перестал. То есть на среднее образование в семидесятитысячном Оренбурге могли претендовать четыре счастливчика, чьи родители угодят начальству ответами на десять министерских заповедей.

А в русских газетах — ни строчки на эту тему. Видно, в России выступать в защиту среднего образования — есть поступок, потрясающий основы государства. Словом, все шло к тому, чтобы в том же 1887-м появился циркуляр министра народного просвещения об ограничении приема в гимназии так называемых «кухаркиных детей».

А в какой-то иностранной газете вдруг резко увидились Белоголовому ехидные строки о том, что со стороны революционеров несправедливо и жестоко посягать на жизнь Александра III, который с поры своего вступления на престол был их сообщником и ревностно служил делу революционной пропаганды.

...Грудь в очередной раз схватило так, что уже отлетели прочь видения и душила за горло явь. Что-то клокотало внутри, а распахнутые глаза Белоголового стеклянно, как окуляры, ловили предметы уходящей прочь жизни. Горел ночник на столике возле его кровати. На кушетке, что напротив, не раздеваясь, спал сын Боткина Сергей. Из переднего угла в мерцании свечи глядел лик Николы-угодника. Боткин молчал со стены... Вот еще, еще одно судорожное движение, вздернется тело — и все.

Но в клокочущей груди удалось-таки на пару минут поймать дыхание. Оно судорожно, с хрипом билось теперь, возвращая жизнь. И память — тоже. Конечно, о последнем времени его никчемного детища — «Общего дела». «О-общего...» — клокотало в груди, и лицо исказила гримаса страдания. То-то и оно, что газета была только его радением и мукой. За ней не стояло ни «партии», ни даже маломальского ополчения. И некому было поплакаться в жилетку, попросить совета. Вспомнилось, как, при нем же небрежно листая газету, иностранцы каламбурили, именуя ее «генеральской козой» — по-французски название звучало «Cause Generale». Зная никчемность Элпидина, читатели могли только праздно гадать, какой же «генерал» стоит за этой бодливой животиной.

Белоголовый душу мог излить только брату. То бодрился, радуясь, что газета «пользуется симпатиями» в Болгарии, ибо только она одна и пытается примирить русских с болгарами. То жаловался на отсутствие свежих сотрудников. То она у него «изрядная», то «чахоточное детище»... Наконец в 1887-м сообщает, что на 101-м номере готов прекратить. Но все толчет и толчет в ступе аж до 1890-го. Дальше не было сил ни физических, ни душевных.

А умирать приехал все равно в Москву, к могиле Боткина...

...После очередного приступа удушья ему выдалась толика покоя. И опять поплыли видения. Подземный Плутонов мир обернулся московской площадью с Кремлем вдали и колокольней Ивана Великого. Площадь заполонили купеческие обозы, и несется благовест.

Вдруг звон колоколов дребезжаще рассыпался, и вот уже в какую-то пустоту барака откуда ни возьмись выкатился вертящийся медный таз и раздался заливистый детский смех. Белоголовый увидел в глубине долговязого парнишку лет десяти-одиннадцати в крестьянской, вышитой на вороте и рукавах рубашке, перепоясанной ремешком с пряжкой в форме груши — точно такой ремешок привез ему когда-то отец из очередного торгового вояжа в Москву. Ба, да ведь это он сам, одиннадцатилетний Коля Белоголовый! И было это в том самом бараке, что стоял в центре городского сада на берегу Ангары в Иркутске и где заезжая труппа давала первое в городе театральное действо — спектакль под названием «Купец Иголкин». На афише, помнит Белоголовый, было разъяснено, что если какой актер появится на сцене в пьяном виде, то чтобы зритель не подумал, что он действительно пьян и не посылал бы за околоточным.

«Ну и киятр, — говорил отцу обратной дорогой их кучер Кузьма. — Купец Иголкин у меня армяк-то и выклянчил. Говорит, послуга за послугу — пущу смотреть без платы. Только, вишь, он ему маловат пришелся».

Так вот чем врачуют его миражи прошлого — вдруг открылось Белоголовому. Все, им писанное — это есть «киятр», «зрелище», «позорище», как еще судили иркутяне! Именно такой конфуз и случился тогда в храме Мельпомены на берегу Ангары: медный таз, призванный производить колокольный благовест, выскользнул из рук звонаря с деревянной колотушкой и, гремя, выкатился на сцену.

Все внешнее в этом мире — театр, жестокие игры недоумков, политических и властных лицедеев. А караван идет. Жизнь вершится в ее глубине, пусть медленно и трудно. Да, за тридцать лет после благодетельной реформы материальная жизнь мужика мало изменилась, но несомненно, что это уже не «святая скотина». Безотказный в любом хозяйском деле кучер Кузьма... Отец, трудно и медленно добывавший на сибирских пространствах купеческий достаток семьи... Колины наставники-декабристы, расточавшие сибирякам свое достояние, материальное и душевное... Сколько их, закулисных, прошло перед ним на его веку! Они не унизили свое достоинство ни эксплуатацией ближнего своего, ни безволием эксплуатируемого. Несть числа и края этому поистине золотому серединному трудящемуся сословию, увы, мало задетому балаганным пером «Общего дела». Листая его хроники, далекий потомок только светло улыбнется первобытному историческому лицедейству.

Губы еще успели произнести:

— Scripta manent[13].

Белоголовый уходил из мира сего просветленным. Мальчишкой в расшитой узорами холщевой рубашке, перепоясанной ремешком с застежкой в виде груши.

На погосте московского Покровского монастыря они лежат рядом — Боткин и Белоголовый, два бескорыстных русских болеутишителя. На могиле Николая Андреевича, у скромного надгробия, живет соотечественница — мягкоигольчатая сибирская пихта.

---

1. В Иркутске той поры то и дело скрещивали шпаги адепты двух противных «партий»: туземной и «навозной», состоящей из прибывших из столиц чиновников, крепко опекаемых генерал-губернатором Муравьевым-Амурским.

2. По поводу дуэли и ее последствий возникла целая дискуссия, отраженная на страницах «Колокола». М.А. Бакунин, сосланный в Иркутск на поселение, в этом споре выступил на стороне своего дяди Муравьева-Амурского. Белоголовый, чтобы внести ясность, добился встречи с Герценом и изложил свою позицию. «Я вам верю, — вспоминает он слова Герцена, — но вы поймите сами, что печатать мне теперь какое-нибудь разоблачение против него, когда он в ссылке и не может ничего сказать в защиту своих поступков, было бы с моей стороны более чем непростительно. Правда — мне мать, но и Бакунин — мне Бакунин».

3. Искусство (наука) обширно, жизнь коротка (лат).

4. В журнальном варианте цикл очерков носил название «Экскурсии в область умеренности и аккуратности».

5. М.Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч. В 20 тт. Т. 16. — М., 1974. — С. 357–375.

6. М.Е. Салтыков-Щедрин. Указ. соч. — Т. 20. — С. 367.

7. Записки Отд. рукописей Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина. Вып.VI. — М., 1940. — С. 73.

8. См.: Вопросы литературы. 1976. — № 8. — С. 315–317.

9. Исповедание веры (франц.).

10. Стихотворение Белоголового «В царстве Плутона» было опубликовано за подписью «Н.Б.» в газ. «Общее дело» (1887. № 96). Комплект газеты «Общее дело», принадлежавший ее официальному редактору А.Х. Христофорову, хранится в ИМЛ (Институт мировой литературы). Его же рукой помечены и авторы большинства статей, подписанных псевдонимами и криптонимами. Из номеров «Общего дела» взяты и все последующие сюжеты видений Белоголового.

11. За два с небольшим года до гибели император Павел I был избран великим магистром Мальтийского ордена. Он мечтал об идеальном рыцарском союзе, где процветали бы христианское благочестие и безусловное послушание младших старшим.

12. Позднее народоволка, а потом марксистка Вера Засулич признавалась: «Если бы мы знали, откуда черпает «Общее дело» свои рассуждения, мы ими, вероятно, заинтересовались бы; а так казалось, что хорошие, конечно, люди Христофоров и Зайцев (гласные редакторы журнала), но откуда им знать, когда, какого министра и какими словами обругать следует?» (Засулич, Вера. Воспоминания. — М.,1931. — С. 102–103).

13. Написанное остается (лат.).

замеченный петром и канувший в забвение, или зигзаги судьбы майора аничкова

Этот рассказ — по существу, рожденная воображением автора легенда, попытка окунуться в исторический колорит далекого времени, в дни, когда жил некий майор Аничков. Мост, носящий имя этого человека, — вот, пожалуй, и все, что документально осталось о нем в истории Санкт-Петербурга, колыбели русской культуры. И вот автор делает попытку воссоздать живой образ.

К майорскому обличью своего Михайлы Осипыча Таисья еще не привыкла и даже робела перед ним. Вот и нынче, провожая мужа на мост, величала на «вы» и остерегала, не лясничал бы перед начальством. Ведь день-то какой — первый конь по мосту!

— Не брали бы пику-то, батюшка, — кричала уже вдогон. — Да парик-от, парик-от съехал! — и крестила, крестила мужа вслед.

Чуть хромая, он шел от своей усадьбы по свежемощеной Першпективе1, кивнул вытянувшемуся сторожевому солдату Митину у жердяного шлагбаума, загородившего выезд с моста на парадиз2. Направляясь на левый берег ерика, он стучал по мосту своими тупоносыми башмаками, и мост пружинил под ним. Вода не слышалась внизу под крепким уже ледком. А в слободе, едва проступавшей строениями в хмуром рассвете, уже звучали команды — батальон строился к его приходу.

Майором Аничкова (в старину Аничковы писались Оничковыми) ублажили за вот эту самую слободу, которую он возвел для своего адмиралтейского работного батальона. Сам главный начальник флота генерал-адмирал и тайный советник Федор Матвеевич Апраксин к патенту руку приложил. И то сказать, лихо было сработано. За месяц-другой на берегу Безымянного ерика3, на унавоженном месте прежней финской деревушки, сосенками взявшемся, у самого то есть паромного перевоза на Першпективу слобода нарисовалась. Помнится, взял тогда Аничков в руку алебарду на трехаршинном древке, засучил рукава и мерной саженью зашагал по кочкарю. Срубит сосенку и указует прапорщику-сопроводителю: «Здесь себе дворец ставь». Еще отшагнет по ровной: «А здесь экс-поручика Соснова будет усадьба... Туто-ка Федьку-каптенармуса поселим». Ну ни дать ни взять Петр на Берёзовом острове. Прапорщик только кулаком грозил за спиной солдатам, чтобы в ладонь прыскали: не дай Бог до царя дойдет аничково шутовство.

Каждого солдата в своей команде знал Михайло Осипыч по имени и в лицо и всех по ерику расселил. Потом они в охотку и споро рубили себе «дворцы». Если жердей-бревешек недоставало, возили на клячах остатки раскатанных шведских строений, что на Охте-реке. Когда шведов здесь Шереметев одолел и городок их Ниеншанц разметал, много всякого добра и пленных ему досталось. Мужиков к адмиралтейской службе приноровили, жен их — в услужение, а безмужних женщин адмиралтейские же служивые себе в жены разобрали. Глядишь, и в аничковой команде кое-кому пофартило.

Слобода встала на любой вкус. Флотско-гренадерский дистрикт. Вся по Аничкову. Михайле Осипычу и его батальону где ведь только ни довелось. Набирали его с бору по сосенке, из разных строевых полков: пехоты, драгун и флотских — кого по малому увечью, кого за провинность, а иного из тех, кто к топору больше прилежен, чем к фузее. Даже «навигатор» был в его команде — бывший поручик Соснов. По цареву хотению учился в Голландии морской и прочей мудрости, но там же и пьянством проштрафился. А под рукой Аничкова дюже пригодился. Словом, на воде и на суше держались аничковцы молодцами. Одинаково умели топором, теслом4, конопаткой, молотом. И на воде не плошали. На остатке трудового дня иные брались за весла и собирали на мелководье булыжники для мощения первых улиц будущей столицы-крепости. Совсем юному еще Петербургу рабочие руки везде надобились. И дома в Аничковой слободе были каждый на особицу — какой-либо отметиной своему хозяину угодил.

Утренние упражнения батальона были у Аничкова непременными — время-то военное5. По пройденному им самим артикулу Преображенского полка. На малой площадке из жердяного настила его солдаты — фузелеры и гренадеры — в кафтанах темно-зеленого сукна, кто в черных поярковых треуголках, а кто в кожаных касках со страусом ухитрялись на манер немецких пехотинцев каждодневно имитировать неразрывный строй, ровный шаг, метание фитильных бомбочек, дружную ротную пальбу из фузей и даже атаку с примкнутыми багинетами (штыками). Аничков при этом стоял в мундире, обшитом золотым галуном, при белом полотняном галстуке, шарфе с кистями и в шляпе с плюмажем из перьев. В руке непременный в упражнениях протазан — копье на трехаршинном древке.

Это были минуты его возвращения в совсем недавнее и такое невозвратное прошлое... Родной Преображенский полк. Тогда под крепостью Нарвой тоже

стоял ноябрь, но во всю ивановскую гуляла метель, и град швырял картечью. Осаждавшие крепость, едва не на семь верст растянутые русские войска вдруг сами стали жертвами стремительной шведской атаки в центре. Плохо еще обученные, не испытавшие шведского настырства новобранцы свежесформированных полков заметались в панике. Им всюду чудилась — и не без причин — измена иностранных командиров. Первой кинулась бежать вплавь хваленая дворянская конница боярина Шереметева, державшая выгодную позицию на левом фланге и чуть ли не в шведском тылу. Сотни конников остались в водах реки Нарвы. С трудом расстреляв немногие снаряды (колеса и оси орудий не выдерживали и четырех выстрелов), артиллеристы оставили шведам свои пустые пушки, гаубицы и мортиры. Пехота, скучившись на мосту, рухнула вместе с ним в воды реки. А безукоризненные ряды шведского наступательного строя только и терпели урон на опасном для них правом фланге. Там беспримерно до ночной темноты стояли батальоны лейб-гвардейских Преображенского и Семёновского полков. Поддавшись панике, сдались в плен главнокомандующий герцог фон Круи и командир преображенцев полковник Блюмберг. Но, невзирая на хаос отступления, огородившись рогатками и брошенными артиллерийскими повозками, преображенцы ломали и отбрасывали одну шведскую атаку за другой, а потом сами поднимались в штыки... Бомбы Аничкова и острый его багинет тоже исправно делали дело. Потешная Петрова выучка брала-таки свое.

Сюда на густую пальбу и звуки боя ринулся через разбитый болотный кочкарник шведский король Карл XII. Упал, обессилев, конь, потеряна шпага, остался в рытвине ботфорт... Но вот он уже среди солдат и офицеров, в стремнине боя, под пулями и взрывами бомб! «А где же mon heer6 Алексеевич, затеявший рискованную нарвскую баталию? — рвалось вечно и теперь из груди Аничкова. — А он со своим фельдмаршалом Головиным хоронится за древними новгородскими крепостными стенами. Ему под пули не с руки...»

И вот тогда-то дурная в пурге и темени свейская пуля, казалось, нелепо и безобидно задела лодыжку гренадера Аничкова — только обопнулся. Ни перевязки, ни тылового обоза.

Были у него потом и другие сражения: осада Нотебурга в 1702-м и новое нарвское одоление в 1704-м... Но на одном из учений батальонный командир майор Долгоруков углядел-таки хромоту сержанта Аничкова и доложил по инстанции. Его наградили солдатской серебряной медалью «За верность и мужество», произвели в младшие офицеры и велели набирать адмиралтейскую строительную команду. Вот тогда-то Михайло Осипыч раз и навсегда решил, что дурная нарвская пуля досталась ему не от Карла XII, а прилетела аж из-за новгородских стен, где хоронился Петр, отдав руководство осадой немецким генералам. Из гренадера-преображенца, обретшего под Нарвой красные чулки7, да в заурядные плотники адмиралтейского стройбата?! Этого Аничков mon heer`у простить не мог.

Здравым солдатским умом понимал и даже одобрял Аничков тактику царя под Нарвой. «Все то дело, — читаем и мы в «Журнале или поденной записке Петра Великого», — яко младенческое играние было». Надобился тогда царю перед грядущей Северной войной жестокий урок необученным и необстрелянным рекрутам новых его полков, нужна была кровавая «конфузия». А Карлу хотел он дать иллюзию легкой виктории и сказать мерси за урок. Не столько воителем явил себя Петр под Нарвой, сколько мудрым державцем. Многое в этих болотах было испытано им и проверено на прочность. Собственно, новая российская армия здесь и почалась в тяжелейших родах. И дальнейшие победы, увенчанные Полтавой, тому ведь явная наглядность.

Но Аничкову-то, впитавшему с юных ногтей «потешную» военную науку молодого царя, каково было стать нелепой жертвой нарвской «конфузии»? На веки вечные угнездилась в нем мучительная, но неодолимая поперешность царевым затеям. Выражалась, правда, только на словах, в рискованных шутках и ерничестве. Страдал от них Михайло Осипыч, а избежать не мог. Накатит бессонница, и вопрошает он себя ночами: «Кто ты есть, гренадер Аничков: опора и порука царя Петра Великого, али ты шут гороховый?»

— Как колешь, Свистунов! — неслось над слободой. — Багинет далеко впереди тебя бежит и силы не имеет. Ты им не шведа рачишь достать, а сам от шведа хоронишься. Вот я тебя сошлю на плясовую площадь8 под monheer`овы палки.

Холостая пальба аничкова батальона ежеутренне будила пустынное левобережье и противоположный, уже столичный, берег Фонтанного ерика.

Ныне предстоял команде Аничкова последний контрольный осмотр возведенного ею моста. Начиная рабочий день, Аничков ерничал, имитируя речь Петра под Полтавой:

— Воины! Потом трудов моих создал я вас... Се пришел час, который должен решить судьбу отечества....

До указа Петра строить стабильную переправу на Фонтанной реке примеров на Невской дельте, кажется, и не было. Царю мечталось всех приохотить к воде — паромам, лодкам, баркам и верейкам. И будущий город гляделся ему этакой северной Венецией. Да и то надо помнить, что заболоченную сплошь округу куда сподручнее было одолеть водной «улицей». Мостов, не считая пары-тройки наплавных, до указа и не виделось. Разве что через Болотную протоку (позже река Ждановка) на Столбовом острове (позже Петровском) — от двух «увеселительных»

домиков царя на Берёзовый остров в 1710-х мосток изладили. Так что оглянуться гренадеру с топором было не на что. А Большой першпективной дороге (будущему Невскому проспекту) мост через Фонтанную реку нужен был уже позарез. Этой дорогой стягивалась к Адмиралтейству и крепости вся строительная снасть, и паромно-лодочная переправа каждодневно собирала по обе стороны уйму людей и повозок.

Мост по указке «навигатора» Соснова возводился весело и споро. Аничков при начале работы подначивал: «А не отдохнуть ли нам, братцы, от ночных трудов?»

И сам сразу оказывался там, где то ли рук недоставало, то ли головы. Если замешкался кто, Аничков снова тут как тут: «Что-то, гляжу, капрал,9 больно сытно тебя шведская женушка потчует. Поди одними корабельными блюдами от mon heer`а и Апраксина?» Или еще другого подначит: «А ты, Канарейкин, не садовником ли к mon heer`у ластишься в Летний сад? Али на monheer`ово винопитие?» Если подходит время обеда, от Аничкова слышится: «Ну что, братцы? Нагрели лбы-то? Не потрудиться ли нам за трапезой в поте лица своего?»

И вот он, первый мост, ждет первого коня. На погруженных в воду, а теперь схваченных льдом срубах-обрубах намощено в ряд едва не восемьдесят саженей ошкуренного свежесоснового длинника, сцепившего оба заболоченных берега Фонтанного ерика. Поперек бревенчатого настила — ряд трехсаженного пластинника10. А поверх пластин весь мост настелен широкими досками. На перильные балясины положены гладкоструганные брусья. Подъемные щиты открывают под мостом путь санно-лодочному транспорту.

Ждали царя. Ему бы первому и проверить мост ногами и колесами. Да, слыхать, занемог. Днями не выходит из своих Красных хором на Аптекарском острове. Ждать так только до обеденной поры. А не он ли вон под видом шкипера?

Аничков не дает батальону ни стоять, ни прохлаждаться. Его команды следуют направо и налево. Щиты поднять, проверить и надежно закрепить. Метлой пройтись по настилу. Прибрать инструмент и себя привести в порядок.

Слышатся такие речи: «Гляди, устроит нам mon heer фейерверку». И еще прозвучало: «Mon heer мостов не любит. Ему бы здесь, на болоте, Венецию либо Амстердам, чтобы все плавало-качалось».

А тут вдруг докладывают: щит, мол, не ходит, стопорится чем-то у самого льда посередь ерика. У перил собралась толпешка солдат. Аничков тут как тут.

— Сердюков! — кричит солдату. — Спустись мигом, глянь, что там за оказия неровен час.

— Слушаюсь, господин майор!

Спустили лестницу на лед, держат, чтобы по льду не поехала.

Сердюков кричит наверх:

— Лед непрочен, господин майор.

— Экой ты, Сердюков, неученой: своей левой ноге веришь, а не государеву барабану. Еще вчерась били, что все воды на Неве стоят. Mon heer`ов дядька посередь Большой Невы трепака задавал. Вперед, Сердюков!

Солдат опасливо ступил на лед и заскользил к срубу. Но у самого обруба вдруг плясанул-поскользнулся и всей тяжестью тела рухнул на лед. Раздался треск, и черная вода мигом образовала полынью. Сердюков ловил руками бревна сруба, пытаясь за что-то уцепиться, но сразу намокшая амуниция тянула его вниз.

Аничков первым скатился по лестнице — ахнуть не успели. Держась за ступень, он пытался подать солдату руку, но и лестница ходила уже в воде. Майору ничего не оставалось, как спрыгнуть, чтобы дотянуться до руки Сердюкова. Лестницу он не отпускал. Солдаты наверху с суетой и гамом уже поднимали ее наверх. Другие распластались на мосту, и дюжина рук тянулась к командиру, тащившему за собой Сердюкова.

Когда оба, наконец, оказались на мосту, картина явилась трагикомическая. С обоих текло. В башмаках хлюпало. Парик с Аничкова слетел и плавал в полынье рядом с кожаной гренадерской каской.

Их тотчас увлекли в караульный шалаш, где теплился глинобитный камелек.

В ту же минуту у караулки спешились три всадника, а по мощенной камнем першпективе простучала к мосту колесами и встала карета.

— Построить батальон! Где командир? — кричали спешившиеся.

Из кареты вышли и предстали перед строем собственной персоной Петр Великий, генерал-губернатор Меншиков и начальник флота граф Апраксин. Доклада не было. Сопровождавшие царя искали глазами Аничкова. Им что-то пытались объяснить. Благо, царь не смотрел ни на строй, ни на суету, а широко зашагал по мосту и оглядывал округу с его середины. Меншиков следовал за ним.

— Хороша беляна11, — сказал. — Да не плывет. А ведь пора нам, Данилыч, твердыми мостами обзаводиться, чтобы хоть что-то не шаталось и не ходило под ногами. А? — обернулся к Меншикову. — Семеновцы, — кивнул в сторону недалеких казарм Семеновского полка, — тоже пусть с накатом поспешают. — И зашагал к строю. — Командира почто не видать? — обратился к Апраксину. — Майор Аничков, говоришь?

Из караулки тем временем вышел и тоже шагал к строю Михайло Осипыч. Был он в чужом камзоле, мокр снизу по пояс, с обнаженной, без парика, головой.

— Да ты никак пьян, майор? — насупился царь.

— Твой барабан врет, mon heer? — громко, построевому выстукал зубами Аничков.

Один из приближенных потянулся к цареву уху и что-то долго говорил. А царь при этом недовольно смотрел на Аничкова.

Округа молчала. Недвижно стоял строй. Притихла толпа, собравшаяся у караулки. Замерла в той толпе Таисья, прижавши кулаки к груди.

Петр смерил Аничкова с ног до головы. Заметил, видно, красные его чулки.

— Преображенец? И под Нарвой был? А зачем не в строю?

— Пуля, mon heer...

Кто-то опять потянулся к уху царя. Тот вдруг громко захохотал:

— А почто сам в воду-то полез? — И тут же посерьезнел. — Справный у тебя мосток. Спасибо, гренадер.

Аничков молчал. И ветер шевелил на непокрытой голове седые клочки волос.

— Сколько он в майорах? — спросил Петр Апраксина и, не дождавшись ответа, шагнул к Аничкову вплотную, поцеловал в голову. — Завтра проснешься подполковником.

И отпустило округу. Все сразу пришло в легкое движение и в голоса.

Таисья закрыла лицо ладонями и всхлипывала облегченно. Но тут же спохватилась: да ведь он мокрый весь! Его в караулку надо! И домой, домой!

— Михайло Осипыч, родной! — закричала заполошно.

По мосту застучали копыта лошадей и колеса кареты. Кортеж, миновав мост, развернулся, снова дробанул по мосту и с гиком полетел в парадиз мощеной першпективой. Уже и несколько повозок ждали очереди на проезд.

Мост Аничкова низко нависал над водой — даже не косая сажень. Только лодке под ним и пройти, а лодочнику — пригнуться. И шириной был скуповат — не давал разъехаться даже двум подводам, и аничков часовой шпагой своей давал зеленую улицу то правому, то левому берегу. Но длинен был, нынешний ему не чета — не только ерик обнимал, но и оба его широко заболоченные берега.

Аничкова стабильная переправа сразу умалила наплавные и паромные, восстала против хляби, в коей тонула новая столица. И берегам Фонтанки одного моста оказалось мало, тотчас вслед за ним соединили ее берега Семеновский и Обуховский. С него началась славная история петербургских мостов.

А имя гренадера-строителя полвека едва ли не в одиночестве витало над округой серединной Фонтанки. На подступах к Петрову парадизу можно было услышать такой диалог:

— Скажи-ка, служивый, как мне на Аничков мост пройти?

— Это, господин хороший, дешевше пареной репы. Как Аничкову-то слободу прошагаешь, так тут тебе и мост.

— А в слободу-то как?

— Да ведь я и говорю: к мосту подступишь, слева и будет Аничкова слобода.

Свою (Аничкову) усадьбу Михайло Осипыч поставил невдали моста со стороны столицы. Вдоль усадьбы от Садовой улицы до Фонтанки параллельно Першпективе (Невскому проспекту) Аничков переулок образовался (ныне ополовиненный пер. Крылова). Императрица Екатерина I в 1726 году распорядилась выстроить прямо напротив Аничкова шалашного поста — Караульный дом. Пятнадцать лет спустя, тоже ноябрьским днем, свершился дворцовый переворот, и на штыках Преображенского полка вступила на престол дочь Петра — Елизавета. Штаб преображенцев располагался в том самом Караульном доме. В память о преображенской виктории императрица вознесла на месте караулки Аничков дворец для своего фаворита Алексея Разумовского. Были, говорят, на входе ли, на выходе ли с моста Аничковы ворота на Невском, да недолго простояли.

Еще судачат, благоволила, мол, Аничкову племянница Петра государыня Анна Иоанновна (1693—1740), и мост в ее пору остряки именовали Аничкиным.

---

1. В начальном Петербурге участок от Адмиралтейства до современной площади Восстания (часть нынешнего Невского проспекта) именовался Большой першпективной дорогой и был главным въездом в город.

2. Парадиз — старинное название райского сада, перенесенное на новую русскую столицу на Неве.

3. Безымянный ерик — первое название р. Фонтанки.

4. Плотницкий инструмент. Лезвие у него поставлено не вдоль топорища, а поперек, как у кирки.

5. После Полтавы (1709) еще 12 лет шла Северная война со шведами за выход в Балтийское море. Новая столица строилась в условиях морских и сухопутных сражений. Ништадтский мир был заключен только в 1721 году.

6. Mon heer schout-bij-nacht (голл. Мой господин «в ночь смотрящий»). Шаутбенахт — адмиральский военно-морской чин в Голландии. До XVII в. так называли офицера, несущего ночную службу. В самом начале XVIII в. звание шаутбенахта было введено в России и впоследствии включено в Табель о рангах, соответствовало званию генерал-майора. Это звание носил Петр I. Он и ввел в обычай обращение к себе по-голландски: «Мой господин шаутбенахт». После смерти Петра Великого звание шаутбенахт было вытеснено званием контр-адмирал.

7. Обычные солдатские чулки были зеленого цвета, но преображенцы и семеновцы носили красные — в память о героическом нарвском стоянии над трупами убитых по колена в крови.

8. При крепостной гауптвахте в пору Петра была площадка для разного рода экзекуций. Ее называли «плясовой».

9. Капрал — командир плутонга, четверти роты.

10. Пластинник — распиленное вдоль бревно со снятыми горбылями.

11. Беляна — речное сплавное судно, большая барка.

александр копырин

где быль зарастает травой

шпалзавода родные руины

Александр Копырин родился в 1956 году в Свердловске. Дальше, как он теперь говорит: «Стандартная биография советского человека — школа, студенчество, военная служба матросом на Тихоокеанском флоте, производство, жена, дети и... уже пенсионер».

Александр Копырин живет в городе Асбесте. Активный поисковик, член нескольких краеведческих обществ. Трудится в штате комбината «Ураласбест» в должности заместителя главного маркшейдера. Рассказывая о себе, признается, что «много двигается», питает большую страсть к пешеходным маршрутам по окрестностям в вечном поиске артефактов, а все свои наблюдения берет на карандаш.

На страницах «Проталины» наш автор продолжает делиться своими воспоминаниями.

Когда уже пройден большой жизненный путь, накоплен багаж знаний и опыта, появляется непреодолимая тяга побывать в местах своего детства и юности. Иногда в силу обстоятельств это желание так и остается несбывшейся мечтой. Но если есть сильное стремление и настойчивость, то, как говорится, в добрый путь!

Нам, небольшой группе краеведов, довелось сопровождать человека в места его далекого детства. Дорога легла в сторону заброшенного лесного поселка Шпалзавод. Это место с весьма прозаическим названием было истоком жизненного пути Александра Тимофеевича Флягина. Он — участник Великой Отечественной войны, здесь провел свои юные годы и отсюда уходил на фронт. И вот только теперь нашел возможность посетить родные места.

В группе у нас были представители Уральского историко-родословного общества, краеведы поселка Рефтинского Юрий Сухарев, Максим Шишминцев, из Асбеста — я и краевед Владимир Рубцов. Юрий Михайлович подал идею этого путешествия. Фотографировать взялся Владимир Николаевич. Позже он возьмется и за работы по монтажу набранного фото-киноматериала. Максим Валерьевич и я отвечали за транспортное обеспечение. По пути мы тоже держали фотоаппараты наготове.

Для нас эта поездка, как и для ветерана Флягина, стала возможностью побывать в далеком предвоенном прошлом. Нынешнему читателю из молодых может показаться, будто включили машину времени, и ожили тридцатые годы XX века.

Сначала про поселок, о котором я немало читал. Поселок Шпалзавод основан был в самом начале тридцатых годов. Располагался он в семи километрах на юг от города Асбеста. В 1927 году строилась железная дорога от асбестовых приисков до станции Баженово. Тогда и появился завод по произ-

водству шпал. Древесину заготавливали здесь же, буквально в ближних лесах. На некоторых картах советского периода появилось название Шпалзавод. Однако теперь, на нынешних картах, это место носит название Каменка.

Современный поселок Каменка расположен с левой (восточной) стороны от железной дороги. Название, данное теперь, взято от Каменского кордона, который находился в верховьях речки Каменки. В советское время тамошние жители занимались заготовкой леса, сбором сосновой смолы. У них были клуб, магазин, школа, существовало свое кладбище. Сам Каменский кордон как поселение известен с начала XIX века. На картах 1803 года уже имелась пильная мельница. По рассказам Тимофея Дмитриевича Бухарова, 1928 года рождения, поселение существовало еще до Турецкой войны, об этом он слышал от старожилов.

Поселок находился в красивейшем месте, на крутых склонах речки Каменки. По слухам, на этом месте обосновались две семьи, которые занимались выжиганием древесного угля. Через мост, переброшенный через речку, пролегали несколько дорог. Мост, кстати, исправно работал до 70-х годов XX века.

На протяжении всего XIX века вдоль Каменки велись активные лесозаготовительные и углевыжигательные работы. Во второй половине XIX века и до начала Великой Отечественной войны на речке работали золотоискатели. Если пройти вдоль русла речки, следы старательских работ видны до сих пор. А в близлежащих лесах добывали «цветные каменья».

В середине 50-х годов на берегах Каменки расположилось отделение Малышевской геологоразведочной партии. Были построены несколько домов, бараки для рабочих, дизельная электростанция. Имелись механические мастерские, автопарк и тракторная техника. Активные работы велись на протяжении нескольких лет.

В годы войны на речке трудящимися эвакуированного завода асботехнических изделий (АТИ) был построен пионерский лагерь под названием «Каменка». Лагерь активно работал до начала перестройки.

В послевоенный период на территории поселка Шпалзавод работал промкомбинат, выпускавший широкий ассортимент изделий из дерева: сани, бочки, колеса для телег, оконные рамы и другие изделия.

Нашу группу теперь интересовало все, чем жили люди тех лет. Нужно было ловить каждое слово ветерана Флягина и закрепить все на пленку.

День выдался неподходящий. Ночью лил ливень, и по дороге в поселок все еще накрапывал дождь. Теперь дорога до поселка нетрудная, проложен асфальт. Но надо еще пройти по лесу. Для человека 1926 года рождения это не шутка. У нас тоже почти у всех головы седые, поэтому лесной маршрут пришлось обдумывать.

Забегая вперед, можно сказать, что все прошло нормально. И мы были немало удивлены выносливостью нашего ветерана. Он преодолел весь маршрут на одном дыхании, просто молодец. На неоднократные предложения посидеть, передохнуть, он только махал рукой и двигался дальше.

Как только мы дошли до намеченного места, Александр Тимофеевич остановился, по всему видно было, что он ушел в воспоминания. И с этого места стал рассказывать. Показал, где была раньше школа. Неподалеку маячили развалины пионерского лагеря «Каменка». Оказывается, еще раньше, до войны здесь был клуб. Почти рядом с железнодорожными путями был кирпичный завод.

Александр Тимофеевич вспомнил многое о заводе. Работали на заводе всего шесть человек. Глину копали рядом и загружали в большую деревянную бочку. Там при помощи привода в «одну лошадиную силу» глина перемешивалась. Готовую массу шнеком проталкивали в боковые отверстия. Тамто, на этом производстве еще подростком и трудился Александр Тимофеевич. Он работал погонщиком лошади.

Рабочие выкладывали глину в формы. Доски служили прессом. На них наваливались всем весом человеческого тела и выдавливали готовые кирпичи. Затем кирпичи обжигали в земляных печах.

Продукция была непрерывно востребована.

Поселок, в котором жил Флягин, располагался на западной стороне от железнодорожных путей. На сегодняшний день там большая зеленая поляна. Выйдя на кромку поляны, мы осмотрелись. Александр Тимофеевич шагнул вперед и долго вглядывался в заросли кустов — там когда-то стояли дома.

Вот здесь была улица — она тянулась с севера на юг. Вон там, третьим с краю, был дом Александра Тимофеевича. А всего здесь было, по воспоминаниям нашего ветерана, домов десять-двенадцать, и дальше под прямым углом уже шла другая улица.

Здесь все заросло кустами и даже соснами. Но внутри кустов виднелись полуобвалившиеся ямы погребов. И как на любом старом поселении, где уже давно не живут люди, везде буйствуют крапива и малина.

Отец Александра Тимофеевича в далекие 30-е годы ходил сюда из деревни на заработки. И, видимо, понравилась местность, или здесь была постоянная работа. Именно поиски заработка и по сей день заставляют нас делать выбор, где жить. А может быть, людей срывали с насиженных мест политическое давление и насилие власти.

Отец Александра Тимофеевича, проработав всего год на Шпалзаводе, решил остаться тут насовсем.

Май 2015 года. Видна поляна — это место бывшего поселка Шпалзавод. На фотографии слева направо: Александр Копырин, Владимир Рубцов, Юрий Сухарев, Максим Шишминцев, Александр Флягин

Он выписал отходы производства — шпальную доску, это были односторонние доски, оставшиеся после пропиливания ствола дерева на шпалу. Из этого материала он и стал стоить свой дом. Здесь поселилась его семья с четырьмя детьми. Позже он добавлял пристройки. У многих тогда, до войны, дома были построены точно так же.

Пройдя вдоль несуществующих на сегодняшний день улиц, мы вошли в лес. Где-то здесь, недалеко от поселка, в ложбинке, был ключ с прекрасной питьевой водой. Им пользовался весь поселок.

Пройдя дальше по лесу, мы приблизились к водозаборной скважине, огороженной забором. Время меняет все. Как будто незаметно появились новые города на месте бывших поселков. Так возник, например, город Заречный. И для снабжения его питьевой водой на этом самом участке, где мы остановились, были пробурены несколько водозаборных скважин.

В наших планах было пройти еще дальше для обнаружения границ старого кладбища, но нам не удалось продолжить маршрут по сырому лесу.

На площадке перед водозаборными скважинами мы устроили для Александра Тимофеевича небольшую импровизированную пресс-конференцию. И весь его монолог засняли на видеокамеру.

Он повторил свой интересный рассказ. Вспомнил мальчишек, с кем учился в школе, и как мужики поселка уходили на фронт. Его очередь подошла в 1943 году.

Тяжелые дороги войны, сырость, холод и голод, кровопролитные бои, ранения. Но Александру Тимофеевичу повезло, он вернулся домой живым.

Память у Александра Тимофеевича отличная, в этом ему можно только позавидовать. Воспоминания его не расстроили, он даже как-то приободрился.

Обратно в поселок мы вернулись по старой лесовозной дороге, вдоль которой встретилось несколько муравейников высотой более метра.

Александр Тимофеевич, удивляя нас, по-прежнему шел бодро. На обратном пути мы еще раз заглянули на территорию бывшего поселения и прошагали вдоль улицы, где проживала семья Флягиных. Когда-то и здесь занимались спортом, между двух сосен был устроен турник. Сосны были уже многолетние, и когда Флягин уходил на фронт, турник частично врос в стволы.

Мы прошли вдоль кромки леса, вглядываясь в сосны больших размеров. Но тех старых сосен уже не увидели, их, видимо, спилили.

Вот так с разговорами, воспоминаниями и осмотром местности мы медленно выбрались из леса на обратную дорогу.

раритет ищет крышу

Кто в детстве и юности не мечтал о путешествиях в дальние страны, об удивительных открытиях, старинных кладах, необычных находках! Вот и мы, дожив до таких лет, не утратили жажду открытий и странствий.

А может быть, вот сейчас где-то совсем рядом с нашим городом Асбестом ждут нас какие-то находки, которые дадут нам возможность заглянуть в прошлое.

Асбест с его окрестностями — промышленно развитый край, и он давно исхожен несколькими поколениями промышленников, строителей, геологов и следопытов. Кроме того, в здешних лесных просторах прошло множество старателей, хитников, горщиков, поисковиков различных направлений, туристических групп, пионерских отрядов охраны леса, зеленых патрулей и просто компаний «лесных шатунов», а также одиночек и прочих любителей природы.

Казалось, ничего нового тут уже не найти. Но из разговоров со старожилами мы узнали, что недалеко от поселка Шамейка в лесном массиве с давних времен лежит железная вагонетка. Люди, собиравшие грибы, как-то набрели на место, где покоится этот раритет.

Такую новость без внимания оставить было нельзя. Выбрав один из осенних дней, мы отправились искать то место. Точных указаний координат у нас не было.

Уже в поселке мы уточнили направление. Переправившись через речку Шамейку по живописному мостику, двинулись вдоль кромки леса.

Поиск наш окончился удачно. Это был кузов старинной вагонетки. Он лежал в зарослях на кромке покосов. Покосы, к сожалению, давно заброшены, они зарастают кустами. Вагонетка была почти полностью скрыта высокой травой.

Осмотрев ее, мы установили: находка наша почти в отличном состоянии. Металл, конечно, подвергся коррозии, но ржавчина его не испортила.

О крепости металла можно судить по ребрам отверстий в боках вагонетки. Отверстия остались от пуль любителей пострелять. Они испытывали на вагонетке силу своего оружия. В стенках кузова виднелись пробоины с выпуклыми краями — следы охотничьих пуль.

По корпусу кузова шли заклепки, сделанные, очевидно, вручную, они крепили листы металла к раме из профиля под уголок.

Именно такие вагонетки, применявшихся на асбестовых копях, можно увидеть на старинных фотографиях конца XIX и начала XX веков. Подобные вагонетки фирмы «Коппель» емкостью в одну кубическую сажень имели широкое распространение на всех горных предприятиях Европы. Эти же вагонетки применялись в строительных целях и для транспортировки грузов как конной тягой, так и паровозами.

Вот что я нашел в справочниках. Германская компания Orenstein & Koppel (O&K) была основана в 1876 году Бенито Ореншайном и Артуром Коппелем. С 1891 года компания «Артур Коппель» начала поставки узкоколейных паровозов и другого железнодорожного оборудования для нужд промышленности.

В XX веке фирма начала выпуск карьерных экскаваторов с паровыми и дизельными двигателями, многоковшовые и одноковшовые экскаваторы, а также роторные. Экскаваторы имели гусеничный ход, а некоторые передвигались по рельсам.

Первоначально компания продавала оборудование, произведенное другими фирмами, но с 1892 года открыла собственные заводы в Германии. А уже в начале XX века в России, в Санкт-Петербурге, работал сборочный завод Артура Коппеля.

Основным направлением деятельности завода была сборка паровозов и другого подвижного состава. Выпускались, в частности, вагонетки самого разного назначения. Они использовались для ручной и конной откатки.

В 1981 году компания прекратила работы с железнодорожным оборудованием и переключилась на выпуск только строительной и горной техники.

С 2004 года после ряда реформаций продукция фирмы стала продаваться под брендом корпорации Terex. С этого периода компания стала поставлять на территорию бывшего Советского Союза грейдеры, самосвалы, краны, колесные и гусеничные погрузчики и в том числе карьерные экскаваторы. Техника продается под маркой «Катерпиллар».

Вот такая история этой германской фирмы «Коппель». Изделия уже в новом виде продолжают работать в асбестовых карьерах Баженовского месторождения. А когда-то, в 50-е, такие вагонетки применялись на наших изумрудных и золотых приисках. Скорее всего, найденная вагонетка работала на золотых приисках в русле речки Шамейки. Добыча золота велась здесь с первой четверти XIX века до средины века XX.

Вытащить находку из зарослей вручную не было никакой возможности, даже если бы было много рук. Требовалась техника. Обговорив все возможные варианты, решили, что это надо отложить до зимы, когда будет надежный, как говорили в старину, санный путь. Но маршрут этот надо было определить заранее.

Сегодня не стоит особого труда определиться с транспортом, достаточно только заглянуть в газету частных объявлений. Но кто согласится забираться на своей машине в эти дебри для вывоза

Поселок Шамейка

какого-то непонятного груза? Придется проехать по болотинам и ямам. Тут нужен человек, который бы мог заинтересоваться нашей проблемой.

И, как ни удивительно, такой человек нашелся. Юрий Васильевич Швецов как раз очень увлечен старинной техникой. О нем можно долго рассказывать и писать, вот уже на протяжении более десятка лет он является руководителем детско-юношеского военно-патриотического клуба «Смерш», который сам создал. Юрий Васильевич предложил сначала волоком тащить вагонетку на снегоходе, а дальше водрузить ее на грузовой прицеп для проезда по городским дорогам.

Мы опасались, что до нашего возвращения вагонетку уже кто-нибудь сумеет забрать в свое хозяйство или сдать на металлолом. Но все обошлось. Вагонетка нас ждала. Немного поплутав, мы подкатили к ней на лыжах. И еще раз выверили наш маршрут.

Всю работу по доставке вагонетки Швецов взял на себя. В помощники набралась целая группа добровольцев. Принял участие и известный краевед нашего города Сергей Владимирович Липачёв. Всего нас оказалось восемь человек. У нас было три машины. А самое главное, в нашем распоряжении находились снегоход, сани и комплект разнообразного инструмента.

В один удобный для всех выходной день мы выехали в поселок Шамейка. Остановившись на берегу, разгрузили снегоход. Затем приготовили прицепы и инструменты. Кто-то отправился на лыжах к месту нахождения вагонетки, чтобы очистить ее от снега и подготовить к погрузке. Когда после всех приготовлений мы собрались, оказалось, что вагонетка вмерзла в грунт. Чтобы сдвинуть ее, пришлось побиться. Впереди наш ждал еще сюрприз. Сани не могли вместить габариты нашего груза. Пришлось взяться за топоры, чтобы срубить несколько стволов и расширить сани.

С этим мы небыстро, но справились. Вагонетку закрепили проволокой, веревками. На буксире снегохода медленно пустились в путь. У машин пришлось повозиться: раритет погрузили на один прицеп, на втором закрепили снегоход.

Дорога до города прошла без приключений. В результате в нашем распоряжении оказалось

уникальное изделие промышленного назначения вековой давности. Важно не то, каков возраст находки. Она свидетельствует, что именно в этих местах велись широкомасштабные и активные горные работы. Второе, что важно отметить: ни в одном из музейных комплексов таких старых в плане горных разработок городов, как Берёзовский, Верхняя Пышма, Каменск-Уральский, Синячиха, Сысерть, Нижний Тагил, подобных экспонатов нет. А вот у нас в Асбесте кузова от старинных вагонеток порой еще используют садоводы на своих участках как емкость для воды.

Хорошо, что в наши дни найдено какое-то применение этому изделию из далекого прошлого. И все же по своей вековой истории вагонетка достойна быть экспонатом уральского музея, и судьба ее еще не определена.

золотые руки золотодобытчиков

На этот раз дорога наша легла в район поселка Золото. По словам старожилов, за этим поселком, где в советские годы располагался дом отдыха, на скале выбит барельеф вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина. Кроме того, у нас еще появились вопросы по истории горных работ, которые производились тут еще в последней четверти XIX века.

В основе нашей группы были следопыты из Рефтинского историко-родословного общества. Воскресным апрельским днем мы отправились в дорогу, нам предстоял путь длиной почти в 10 километров.

Главным для нас было отыскать этот самый барельеф. Точную дату его изготовления, как и фамилию исполнителя, пока установить не удавалось. По слухам, предполагалось, что создан был барельеф в 1924—1927 годах, а может, даже и в конце двадцатых.

Второе, что нас интересовало, это расположение старых шахт на месте горных разработок XIX века.

Проводником стал я, так как хорошо знал район. Но шли мы наудачу, потому что точно проработанной путеводной карты не было.

От остановки электрички почти два часа мы двигались по старым лесным дорожкам и по грунтовке. С утра был небольшой заморозок, грязь на дорожках слегка подмерзла, снег, оставшийся в колеях и ямах, выдерживал тяжесть идущих.

Первая встреча с вагонеткой

На выручку раритета

С обеих сторон дороги красивый сосновый лес. Раннее солнечное утро, щебет лесных птиц, все это создавало хорошее настроение. За очередным поворотом — большой просвет, и показались заборы и крыши домов.

Это был поселок Золото (на некоторых современных картах он именуется Золоторуда). Это старинный центр золотодобычных работ всего нашего района с конца XIX до средины XX века.

Поселок располагался возле большого пруда, и тут, по словам старожилов, в начале XX века работала драга. В окрестных лесах тоже шли горные разработки в поисках новых месторождений и попутной добычи благородного металла.

Активная добыча золота здесь пошла с 1880 года. Все близлежащие речки и ручьи были промыты и перекопаны. По берегам болот и лесных ручьев пробиты разведочные шурфы. Содержание драгоценного металла в горной породе оказалось высоким. На Чернягинском прииске была построена золотопромывочная фабрика. Действовала она до самой революции. А потом была разграблена. Восстановили ее только в конце 20-х годов. Добыча в промышленных объемах продолжалась до начала Великой Отечественной войны. Мужское население по призыву ушло на фронт, в поселке остались старики, женщины и дети — теперь работа шла старыми кустарными методами. Трудились семейными артелями женщины и подростки.

Снабжение приисков прекратилось. Пришлось восстанавливать старые промывочные станки вашгерды, чтобы продолжить промывку золотосодержащих песков.

Полученный металл доставляли лесными тропами через Кирилловский кордон в поселок Шамейка. Там золото сдавали и получали взамен продукты питания: муку, хлеб, крупы, соль. Ноша распределялась между всеми, в основном это были подростки.

По старинной дороге наконец входим в поселок Золото. С северо-запада на юго-восток тянется вереница домов. На сегодняшний день их здесь около пяти десятков. Половина из них теперь дачи, на некоторых участках идет активное строительство. Но есть дома, давно брошенные хозяевами, они доживают свой век, врастая в землю.

В поселке, да и вокруг него много огородных участков. Большинство из них покрыто зарослями. При виде одичавших угодий на душе становится тоскливо. Сколько пролито здесь трудового пота! Какие свершались планы во имя светлого будущего, и что теперь маячит перед глазами! Брошенные дома, развалившаяся промышленность, обнищавшее население.

Тяжело это видеть тем, кто был участником и свидетелем совсем другой жизни на этой же самой земле.

Пройдя по улицам поселка, погруженного в утренний воскресный сон, мы оказались в центре горных разработок старых времен. Здесь видны отвалы пустой породы, обвалившиеся шурфы и разведочные канавы — уже боле позднего периода, скорее всего, 1940-х годов XX века. Все это исторические вехи промышленного освоения района, рукотворные следы работы наших дедов и прадедов, которые с теми же киркой и лопатой добывали для страны драгоценный металл.

Здесь же вдоль дороги на стволах деревьев свежие затеси — некоторые покрыты краской. Есть еще множество всяких отметок. Кое-где остатки металлических труб, торчащие из земли. Это следы деятельности уже наших дней.

Первую большую остановку мы сделали у бетонного фундамента старой обогатительной фабрики. Сооружение находится прямо в лесу, у дорожной развилки, и состоит из двух полузасыпанных бетонных помещений в форме куба. Там остались какие-то железные конструкции, покрытые слоем ржавчины. Дальше через заросли травы видны еще шесть бетонных фундаментов под локомобиль (или паровик, как называли его раньше в народе). По собранным данным, фабрика работала еще до революции. Тогда породу для промывки доставляли конным транспортом и тачками по деревянным мосткам с ближних шурфов.

После дробления, промывки и ряда операций здесь же получали черновое золото. И эта фабрика приняла немало испытаний в годы революции и Гражданской войны. Восстановили ее только на рубеже конца 20-х и начала 30-х годов. Новое оборудование тогда было доставлено по железной дороге на станцию Алтынай. Оттуда и до фабрики крупногабаритный груз доставлялся по лесным дорогам вручную и на катках.

Основной деталью фабрики была «чаша Бельдона» для дробления породы и промывки. Эта деталь была импортная, французского производства. В процессе установки выяснилось, что чаша не подходит на место дореволюционной. Поэтому местными умельцами на старое фундаментное основание была сделана доливка бетона для создания посадочного кольца. И фабрика продолжила работать. Рядом установили локомобиль, дающий электричество, он питался дровами. Электроэнергия приводила в действие механизмы фабрики, и от нее же действовали электрические насосы в шахтах.

Местность, где были пробиты шахтные стволы, была заболочена и имела большой приток воды. Водоотлив устроили таким образом, что вода, откачанная из шахты, по деревянным сплоткам подавалась на фабрику на промывку горной породы. Затем вода сбрасывалась и по водоотливной канаве протяженностью более километра по естественному уклону стекала в реку Рефт.

Было определено, что в 1920—1950-х годах в ста метрах восточнее фабрики располагались три шахты, из которых добывали горную породу. Мы решили их найти. В результате обнаружили три полуобвалившихся шахтных ствола, два из которых затоплены. После шахт занялись осмотром сливной канавы, прекрасно сохранившейся на протяжении более полукилометра.

Покончив с осмотром, мы отправились дальше по лесной дороге и вышли к месту, где был дом отдыха для трудящихся горняков. Строение когда-то переоборудовали из «барского дома». Здесь, на высоком восточном берегу Рефта, на краю обрыва, сохранился фундамент беседки, построенной для отдыха и обозрения окрестностей. Отсюда открывался прекрасный живописный вид на излучину реки.

Если посмотреть в южную сторону, там возвышается скала. Именно к ней и пролегал наш путь в поисках барельефа. Скала имеет два выступа. Первый, с выходом скальных пород, расположен над самой водой и имеет высоту до 10 метров. Выше и правее на заросшем склоне — второй скальный выступ. Верхняя часть ровной поверхностью обращена на юг, в сторону русла реки. На этой плоскости проглядывается нечто явно рукотворное в форме круга диаметром около метра. Но все густо заросло многолетним мхом.

Барельеф, изготовленный руками какого-то скульптора-доброхота посреди уральской тайги на небольшой речке Рефт, наверняка не уникальный случай. Можно также упомянуть пример безымянного энтузиаста из племени американских индейцев апачи, который в одиночку на протяжении двух десятилетий высекал гигантский памятник своему вождю на вершине скалы.

Наш барельеф намного скромнее — ни даты, ни имени автора, наверное, уже никогда не узнать...

Но цель наша достигнута, мы тропку к барельефу проложили.

На обратном пути мы свернули на кладбище поселка Золото. Нам было известно, что здесь захоронены два белогвардейских офицера. Есть версия, что это было после 1919 года. Были обнаружены несколько захоронений староверов, но тут требовалось уточнение.

Сохранилась могила военнопленного Г.Г Шульдайс. Этот человек, встретив даму сердца, остался в этом краю навсегда. Но это тоже почти легенда.

Разбит погост в соответствии с православными канонами и состоит из 112 видимых захоронений, самое раннее датировано 1957 годом. Это объясняется тем, что с начала существования поселения захоронения производились на кладбище поселка 24 квартала (ныне это современное кладбище поселка Рефтинский).

В поселке Золото мы разговорились с местными. От них узнали, что сейчас ведутся работы на Икрянском месторождении. До революции это был прииск Малиновский.

Захотелось побывать на карьере рядом с речкой Икрянкой. Горные работы ведутся на площади около 100 метров в ширину и около 200 метров в длину, глубина отработки 6-8 метров. Здесь работает мощная техника — экскаваторы и карьерные самосвалы. В карьере есть зумпф для откачки воды. По словам рабочих, это ствол старинной шахты, он выложен почерневшими, но до сих пор такими солидными деревянными плахами.

Хорошо, что здесь у людей есть работа.

После короткой беседы с горняками наша туристическая поисковая группа пешим порядком под лучами весеннего солнца вернулась к остановке электрички и благополучно прибыла домой.

❦ инесса еренбург

у девочек почти сбывалась жизнь

В доме Инессы Еренбург есть большая белая скатерть, на которой запечатлены автографы всех, кто у нее бывал. Это люди, преданные искусству и болеющие за культуру. В гостях у нее бывали уральский поэт-фронтовик Михаил Найдич, народный артист РСФСР Виктор Сытник, отдавший более четверти века сцене Свердловского театра музыкальной комедии, народная артистка РСФСР, мастер художественного слова Тамара Воронина, перечислять имена можно долго. Заядлая театралка, она всегда в курсе интересных гастролей, 10 лет была волонтером филармонии.

Неутомимый книгочей, она давно и активно дружит с клубом «Уральский библиофил», состоит в Обществе уральских краеведов, участвует в работе ульяновского Международного клуба друзей Сент-Экзюпери. Всерьез занимается генеалогией.

В старом фотоальбоме ее заинтересовал снимок почти столетней давности, с которого смотрели четыре юные гимназистки. Инесса начала расследование, а поиски повели ее в разные края...

Предлагаем читателям историю, которая стала результатом долгих терпеливых поисков.

У всего на свете есть своя история. Есть она и у этой фотографии, которой уже почти 100 лет. Впервые я увидела этот снимок 19 лет назад.

В апреле 1997 года я приехала в Москву на сбор рода Макаровых (фамилия моего деда по матери). Родом мой дед из сибирской деревни с ласковым названием Мураши Западно-Сибирского края (сейчас это Новосибирская область). Там же родились и росли все его дети.

Разбирая с двоюродной сестрой Натальей Осиповой архив ее родителей, чтобы отобрать документы, касающиеся свердловского периода их жизни и работы (с 1927-го по 1944 год), я обратила внимание на фотографию четырех гимназисток. Одна из них — моя тетя Полина Осипова (урожденная Макарова). На обороте перечислены имена четверки — Агния Машарова, Мария Штарёва, Лидия Хандогина, Поля Макарова. Указана дата: 10/IX 1917. И следует романтичная приписка: «...в память (вечную) наших похождений... Как хороши, как свежи были розы!!!»

Позже я узнала, что надпись на снимке сделана рукой Агнии Машаровой.

Я заинтересовалась судьбой подруг тети. В память мне запали слова сестры, теткиной дочери, что одна из девушек — Агния (на снимке она вторая справа) вышла замуж за адъютанта адмирала Колчака, но я не удосужилась записать его фамилию.

Фото осталось в Москве, я вернулась домой.

В августе того же 1997 года в Екатеринбург прилетела из Москвы моя племянница, внучка тетки, филолог-славянист, кандидат филологических наук Мария Осипова. На сборе рода Макаровых в апреле она не была, поскольку в это время работала в одном из университетов Америки, получив грант. Там она познакомилась с коллегой, тоже славянистом, Ольгой Йокоямой. Оказалось, что предки Ольги были из тех же мест, что и наши с Марией. Она-то и рассказала Маше про удивительную судьбу своей крестной — Агнии Машаровой, заключив свой рассказ словами: «Эта девочка спасла адъютанта от смерти». Тогда ни Ольга Йокояма, ни Мария Осипова еще не знали, что крестная Ольги и бабушка Марии — соученицы, подруги по старей-

шей Второй Омской женской гимназии. Эта гимназия в 1997 году отмечала свое столетие.

Занимаясь родословием, я пыталась узнать как можно больше о судьбе подруги тети — об Агнии Машаровой. И вот однажды Надежда Бахтина, член Уральского генеалогического общества, бывшая харбинка, дала мне почитать книгу магаданского журналиста Михаила Ильвеса «Фамильные драгоценности». Здесь и ждала меня находка — Агния Машарова оказалась родной тетей журналиста Михаила Ильвеса. Погрузившись в поиски своих родовых корней и родных, раскиданных революционной смутой и гражданской войной, Михаил нашел Агнию Машарову в 1988 году в Америке. Конечно же, прочитав эту книгу, я тут же написала автору в Магадан и позвонила племяннице Маше с просьбой переслать мне копию снимка гимназисток.

Ответ от Михаила Ильвеса пришел незамедлительно: «Спасибо Вам большущее за Ваше интереснейшее письмо. Действительно, в жизни нашей бывают удивительные моменты. Кто знал, что на другом краю Земли найдется фотография, которая имеет отношение к моей жизни! Кстати, у меня ее нет, поэтому я был бы благодарен Вам, если бы Вы ее прислали».

Вскоре я получила от племянницы несколько экземпляров — копии того давнего снимка юных подруг. Выслала снимок Михаилу в Магадан, а он, в свою очередь, послал внукам Агнии в Америку.

Глядя на этот драгоценный снимок, я восхищаюсь прекрасной работой того времени. Для каждой девочки найден хороший ракурс, видно, что их объединяет дружба, перед ними раскрытая книга, как символ, зовущий в дорогу знаний.

Думается, что никого не оставит равнодушным история этого снимка с девушками, родившимися в самом конце XIX века и встретившими свою юность в пору грозных перемен. Это далекое прошлое резонируют с судьбами представителей нынешнего молодого поколения, принявших на себя смуту перестройки.

Поиск привел меня к новым страницам прошлого.

Полина Макарова — старшая сестра моей мамы. Обратимся к ее автобиографии, чудом сохранившейся (стиль остается — *И.Е.*):

«Родилась в 1899 году 23 сентября (по новому стилю 6 октября — *И.Е.*) в деревне Мураши Западно-Сибирского края, Омской области, Еланского района в крестьянской семье. До 11 лет жила в деревне, с 8 лет была отдана в сельскую школу. Училась хорошо, будучи в последнем III классе сельской школы, я помогала учительнице тем, что часто занималась с малышами. По окончании сельской школы учительница настаивала перед отцом, чтоб он учил меня дальше, так как я проявляла незаурядные способности. Летом 1911 года учительница занималась со мной, и осенью этого года отец отвез в меня в город Омск, там я была принята во Вторую женскую гимназию. Жила я, пока училась в гимназии, на квартире, отец привозил в город хозяевам, как плату за меня, продукты сельского хозяйства.

Каждое лето — каникулы — я проводила в деревне дома, принимая участие во всех деревенских работах по хозяйству и дома, и в поле. В 1918 году я кончила гимназию, одна из первых учениц. Будучи в шестом классе гимназии я занималась с ученицами младших классов за плату и до окончания гимназии у меня не переставали быть платные ученицы».

Совмещая учебу и платные занятия с учениками, Полина заканчивает гимназию в основном на отлично. Это дает ей большие преимущества, что отражено в Свидетельстве за № 199 от 30 апреля 1919 года, а именно: «... все права, приобретаемыя окончанием мужской гимназии или реального училища, по принадлежности, за исключением прав по чинопроизводству при определении на гражданскую службу, и в частности, право поступления без дополнительных испытаний в высшие учебные заведения».

В том же году Полина поступает в Томский университет на физико-математический факультет, но проучилась всего год. В середине второго года обучения она была вынуждена бросить университет «за неимением средств существования и из-за расстроенного здоровья, очевидно, на почве плохих условий жизни и питания» (продолжала Полина в своих воспоминаниях — *И.Е.*).

Вот еще из автобиографии (стиль и пунктуация авторские — *И.Е.*):

«Я бросила университет, уехала в деревню и год учительствовала в деревне. За этот год (1920—21), который я жила в деревне, я очень деятельное участие принимала в общественной жизни деревни. Мной была открыта изба-читальня, организован драматический кружок из молодежи деревни. До конца пребывания в деревне я оставалась руководительницей, принимала участие в ликвидации неграмотности в деревне. Будучи в деревне я не бросала мысли продолжать учиться, но поехать в Томск было трудно, не было средств, пришлось оставить Университет и поступить в Омске в межевой институт. Город Омск недалеко от деревни отца и отец помог мне первое время — привозил продукты. На другой год ученья межевой институт был реорганизован в сельско-хозяйственную Академию, и я там осталась на землеустроительном факультете. Сель/хоз. Академия находилась за городом, жила я в общежитии, там же за городом».

В 1925 году Полина заканчивает академию. Читаю в дипломе за № 340: «Производственная практика отбыта гр. Макаровой П.К. в Омской губ. Омском уезде. Кроме того, представленная Макаровой П.К. дипломная работа на тему: «Землеустройство поселка Ивановского в связи с разверстанием Бородинской дачи»

Слева направо: Мария Штарёва, Лидия Хандогина, Агния Машарова, Полина Осипова

Испытательной Комиссией, действующей на основании §1 Положения об Испытательных Комиссиях, в публичном заседании 11 сентября 1925 года при отзывах официальных и неофициальных оппонентов и защите автора работы, признана Отличной, достойной отпечатания. А потому, согласно с Положением о Высших Учебных Заведениях, гражданке Макаровой П.К. дается квалификация Инженера Землеустроителя».

В последний год учебы Полина выходит замуж за Петра Осипова, тогда еще студента Томского технологического института, а по окончании академии уезжает с мужем в Свердловск. Здесь они вместе проработали почти 20 лет. Сохранилось письмо студентов вечернего факультета УСИ (УГТУ-УПИ) за 1933 год, в котором они выражают Полине искреннюю благодарность за умелое руководство, товарищеское и чуткое отношение к ним при проведении геодезической практики.

Дети Полины пошли по стезе строителей. Кто помнит Полину, отмечают, что ей были присущи сочувствие и сострадание, желание поделиться всем, что знает сама, помочь, чем может.

С Лидией Хандогиной (в замужестве Мишлимович, на снимке она вторая слева) мы с моей сестрой

Натальей Осиповой успели познакомиться еще в 1968 году. Лидия очень радушно нас принимала в Кисловодске, когда мы с сестрой приезжали в отпуск на Северный Кавказ. Но тогда я не знала всех подробностей о ее жизни. Из письма, которое мне написала Ирина, дочь Лидии Хандогиной, я узнаю, что, оказывается, Лидия «работала в полевом госпитале сестрой милосердия в гражданскую войну». В Якутске вышла замуж за врача Мона Анисимовича Мишлимовича. У них родились дочь Ирина и сын Слава. Некоторое время муж работал в Москве, затем его направили на курорт Олентуй Читинской области главным врачом противотуберкулезного санатория, Лидия там была медсестрой. Позднее мужа направили в Кисловодск. В поезде у него открылось горловое кровотечение (заразился туберкулезом). В Кисловодск Лидия приехала с детьми, будучи уже вдовой. Здесь им дали квартиру, полагающуюся семье главного врача курорта. Дети выучились, появились внуки, выросли и разъехались. Лидии Ивановне пришлось ехать в Луганск к детям помогать нянчить уже правнуков.

Все эти годы между Лидией Хандогиной и Полей Макаровой не прерывалась дружба. Переписка, поездки в гости. На фото, присланном дочерью Лидии Ивановны Ириной, моя тетя Полина Осипова с дочерью Наталией (слева) и семья Мишлимович — Лидия Ивановна с мужем и детьми. В письме моей двоюродной сестры Наташи, дочери Полины Осиповой, читаю: «Я с мамой в 1936 году все лето жила у нее (у Мишлимович — *И.Е.*) на курорте Олентуй, это за Читой, на границе с Китаем».

А вот что пишет дочь Лидии Ивановны Ирина: «… с тетей Полей у нас были очень теплые отношения. Я ее любила. Она часто бывала в Кисловодске и в Луганск тоже приезжала. Мы вместе отдыхали на базе отдыха «Геолог» на берегу реки Донец. Да и мы тоже довольно часто ездили в Москву и всегда останавливались у них (у Осиповых — *И.Е.*)».

Кончину моей тети Поли в 1982 году Лидия Ивановна переживала тяжело. Вот выдержка из ее письма к моей маме от 24 апреля 1982 года: «Раичка, дорогая моя, письмо твое получила, спасибо. Вот и я теперь осиротела, нет моей дорогой любимой подружки, не с кем словом перекинуться, поделиться и радостями, и горестями, как это тяжело».

Лидия Ивановна стала писать теперь уже нам с мамой, и везде сквозила печаль об утрате подруги: «Часто вспоминаю нашу Поличку, как мне одиноко без нее, все чего-то не хватает, наверное, ее писем?.. Я очень скучаю о Поле, никого не осталось из подружек».

В декабре 1992 года в возрасте 92 лет Лидия Ивановна покинула этот мир.

И только с Агнией после ее бегства в Китай с мужем, адъютантом Колчака Виктором Матвеевым, была прервана девичья дружба. Наступали времена, когда нельзя было говорить не только о друзьях, но и близких родственниках, живущих за границей.

Из публикации журналиста Михаила Ильвеса:

«Тетя Ага прожила на этом свете 95 лет и еще один день: она родилась через 2 года после наступления XX века и ушла из жизни за 3 года до его окончания. Она с детства знала английский язык, а в Америке, куда забросил ее этот век, освоила его уже в совершенстве, но в последние свои две недели начисто забыла его так, что внукам пришлось нанимать ей русскую сиделку.

О чем думал тогда ее уставший мозг? Что вспоминала она в эти дни? Наверное, все-таки русскую молодость, российские муки. Ведь думает-то человек только с помощью языка…».

Так писал журналист Михаил Ильвес в очерке «Колчак» в газете «Магаданская правда» за 11.04.2003 г., а позднее в книге своих очерков. Михаил Ильвес скончался в 2006 году. Последнее письмо от него ко мне пришло в апреле 2005 года. Я благодарна судьбе, что она свела меня с этим человеком и его ценной книгой «Фамильные драгоценности», из которой я узнала о жизни Агнии Машаровой.

О судьбе четвертой подруги, Марии Штарёвой, писать трудно, так как известно очень мало. Только со слов Ирины, дочери Мишлимович, ведаем о том, что жила Мария в Севастополе с сыном, невесткой и внучкой, и первой среди подруг ушла из жизни.

Позднее мне прислали фотопортрет Агнии Машаровой от 12 апреля 1919 года. На обороте ее последнее обращение к подруге (моей тете):

Жить — будешь жить!
И от судьбы возьмешь
Хотя одну весну, хотя одно мгновенье
Без жалкой слабости раздумья и сомненья.
В даль неведомую свободные пойдем!
И если там могила и покой,
Цветы увядшие и смолкнут все желанья, —
Я вижу над собой весеннее сиянье.
Сегодня я живу, и день сегодня — мой!
Не так ли, Поля?!

Так фотография четырех подруг приоткрыла страничку истории нашей страны, время перемен, счастливых и трудных, которое повлияло на судьбы девочек. Но дружбу и верность они сохранили до конца своей жизни.

Последний автограф Агнии 1919 года — в переломный исторический для России момент — еще раз подтвердил, что она не теряла жизнелюбия и надежды на свободное будущее и пожелала это подруге.

Полина Осипова со своим отцом Константином Тимофеевичем. Омск

Гимназистки сестры Макаровы: сидит Анна, стоит Полина. Омск. 1910-е годы

Семья Константина Тимофеевича Макарова. Глава семьи сидит в центре, рядом с ним сидят дочери: слева — Раиса (мать автора публикации), справа — Полина (уже Осипова). Стоят (слева направо): сыновья Фома и Алексей. Между ними — Полина Алексеевна Осипова. 1925. Томск

юрий мурашев

записки простого советского человека

Юрий Мурашев уже знаком читателю «Проталины». В одном из номеров журнала публиковались его лирические рассказы «Оятская быль»*, в которых оживали картины далекого детства.

Надо сказать, что автор никогда не ставил перед собой какой-то литературной цели. Теплое чувство привязки к родной истории, цепкая наблюдательность и неравнодушие к тому, что происходит, побуждали его браться за карандаш. Выйдя на пенсию, Юрий Васильевич затеял как бы книгу-жизнеописание и назвал ее «Совок». Ему очень захотелось, чтобы его дети и внуки знали, каким трудом всё доставалось и как нужно достойно прожить свою жизнь.

За основу автор взял собственный дневник, начатый еще в советскую пору. В нем запечатлены забытые теперь меты времени. Пересматривая страницы написанного, автор счел необходимым внести дополнения и уточнения. Он стал выверять по разным книжным источникам последовательность событий большой страны, в которые вплеталась его судьба. Многое осмыслялось уже по-новому.

Родился Юрий Васильевич в 1932 году в селе Хмелезеро Лодейнопольского района Ленинградской области. Второклашкой встретил Великую Отечественную войну и с первых же дней впрягся в тяжелую бесконечную страду родного колхоза «Сталинец». Через годы окончил техникум и стал работать помощником машиниста в паровозном депо Петрозаводска. Затем был Ленинград, там он окончил Институт инженеров железнодорожного транспорта. Приехав в Свердловск, устроился на Путевой ремонтно-механический завод (ПРМЗ № 8), где прошел путь от слесаря до старшего мастера. А дальше уже он определенно выбрал для себя работу конструктора в Научно-производственном объединении автоматики (НПОА), где трудился до выхода на пенсию в 2011 году. Вот тогда он и вернулся к своим записям.

Дневник Юрия Мурашева — подлинная история жизни простого советского человека, который полвека отдал труду, готовно преодолевал всевозможные трудности и умел радоваться тем малым крохам, которыми власть награждала труженика.

---

* *Мурашев Ю. «Оятская быль»// Проталина. 2014. № 3–4 (24–25).*

1957

Утром 31 августа 1957 года я приехал в Свердловск. Узнал на вокзале, как добраться до моего завода. Мне сказали: «Это рядом, за перекидным мостом». А мост близко от вокзала.

На улице очень жарко, на мне железнодорожная шинель и фуражка, в руках чемодан со всем имуществом. Снял шинель, фуражку — в чемодан и отправился. Остановился, весь в поту, на середине моста, отдыхаю и смотрю: внизу море путей и вагонов. Перешел мост, впереди что-то похожее на завод. Подошел ближе: да, точно, это ПРМЗ № 8, значит, пришел по адресу. Показываю охране направление, и меня приводят в отдел кадров.

В общежитии поселили в двухместной комнате, соседом оказался мастер литейного цеха. Вечером он повел меня знакомиться с городом. Прошли по улице Ереванской до перекидного моста, миновали его, потом — мимо вокзала на улицу Якова Свердлова. По моей просьбе заходили в продуктовые магазины. В магазинах было, на мой взгляд, всё. Особенно меня поразило множество рыбы, рыбных консервов, икры красной, черной, лежащей большими горками на блюдах. Хлеб в магазинах тоже был разного вида. «Жить можно», — подумал я. Вернулись обратно этим же перекидным мостом.

Потом почти ежедневно целых три года я буду пересекать этот мост, позднее и железнодорожные пути. Около депо нарушителей ловили и штрафовали.

Этот перекидной мост стал для меня как бы родным, и я частенько вижу его во сне. На Урале у меня не было родственников. Мама, три сестры, брат — все остались в Ленинградской области.

Мост стал перекидным: с ленинградских просторов — в уральские. Надо было осваивать здешние уральские просторы.

3 сентября 1957 года я пришел в сборочный цех № 1 к начальнику цеха Рудольфу Шидловскому. Он расспросил меня о семье, родине, институте и поинтересовался, чем я хочу заняться. Я сказал, что затрудняюсь с ответом, но что готов делать то, что нужно цеху. Начальник заметил, что цех до Нового года должен впервые изготовить шпалоподбивочную машину (ШПМ) и что нужен человек, понимающий чертежи.

За изготовление ШПМ в срок была обещана хорошая премия. Я о премии ничего не знал, а просто не хотел опозориться и старался, как мог.

Меня учили сверлить, пилить, клепать, собирать, резать ножовкой и газом. А я учил слесарей читать чертежи. Мы сработались, зауважали друг друга, и в результате 10 декабря 1957 года изготовили ШПМ. Испытания нашей машины прошли успешно, завод, начальство и мы получили премию и благодарность.

1958

С 1 января 1958 года директор назначил меня мастером сборочного цеха. А еще я стал комсоргом.

Завод был сравнительно небольшим, и комсомольцев было мало, всего 30 человек. В начале года меня избрали, скорее, назначили комсоргом с подачи райкома, возражений не было. Никому не хотелось тянуть эту лямку, комсорг не освобождался от основной работы. Делать было нечего, я согласился, ведь я был единственным молодым специалистом на заводе, да еще инженером из Ленинграда.

В райкоме сказали: «В первую очередь ликвидируй задолженность по членским взносам. Они не собирались два года».

Пошел знакомиться с комсомольцами. Пятеро работали в нашем цехе, у меня в подчинении, двое — в техбюро, трое — в управлении завода, остальные — в механическом и литейном цехах. Переговорил с каждым, узнал, что живут очень скучно, что никто ими не интересуется, в том числе и начальство, а потому и не платят взносы. Решил провести собрание. Поговорили о многом. Выработали программу. Прежде всего, надо было сделать площадку для игры в городки, провести соревнования по бегу на 100 и 200 метров, организовать группу туристов.

На заводском пустыре залили бетоном площадки, сделали городошные палки и рюхи. На соревнования по городкам между цехами пришло много зрителей. Выиграл наш цех, я был основным в команде, так как в деревне часто играл и научился метко бросать палку.

На соревнования по бегу тоже пришли болельщики. Победил механический цех, у них было много молодежи, в соревнованиях участвовали и не комсомольцы.

Создалась и группа туристов! Меня это очень заинтересовало.

А что касается взносов, то нам за два месяца удалось их все собрать, и я отнес их в райком. Там удивились и обрадовались. Больше должниками мы никогда не были.

По субботам мы обычно уезжали в походы выходного дня. На электричке добирались до какой-нибудь остановки, потом километров десять шли пешком до озера или горы. В окрестностях Свердловска много красивых мест. Мы видели Аятское озеро, Балтым, Глухое, Песчаное, Таватуй, Белоярское водохранилище, Волчихинское, Мариинское, Азов-гору, скалы Гронского, скалы Семь братьев, Соколиный камень, Чёртово городище. Работали в то время по 6 дней в неделю, в субботу по 5 часов.

Спиртное в походы никогда не брали, весело было и без него. Мы полюбили туристские песни, особенно гимн туристов Урала:

Если веришь в туристскую дружбу
в обрамлении елей и скал,
не стремись на Белуху и Ужбу,
собирайся в поход на Урал!..

Особенно нравилась концовка:

Приезжай же, турист Подмосковья,
киевлянин, казах, камчадал,
приезжай, набирайся здоровья,
изучай и исследуй Урал!

Нас увлекали летние туристские соревнования по преодолению полосы препятствий и прохождению маркированной трассы по компасу. Эти соревнования были в основном городские и областные. И вот я познакомился с туристами предприятия п/я 320. Это была большая, веселая, дружная команда. Я им завидовал и вскоре решил уйти с завода, чтобы работать вместе с этими ребятами на предприятии.

Помню последний совместный поход с заводской группой. Это было 1 мая 1960 года. Мы были на Азовгоре. Расстелили на склоне палатку, лежим на солнышке в майках, загораем, хотя и не жарко. Вдруг видим: в небе какие-то разрывы, то в одном месте, то в другом. Говорим друг другу: «Салют какой-то странный». Вернулись в город и слышим: «Американца сбили».

Дальше я уже путешествовал с ребятами туристского клуба «Факел» при предприятии п/я 320. К тому времени мне уже исполнилось 27 лет, и я вышел из комсомола по возрасту.

1960

Лето 1960 года. Это было время моего перехода на новое предприятие. В ту пору подходил к концу срок моей трехгодичной отработки на ПРМЗ № 8 МПС (Путевой ремонтно-механический завод Министерства путей сообщения — *ред.*).

В том же году заводу дали задание подготовить производство в целях укрепления военной обороны — так сказать, на случай войны. Надо было разработать много конструкторской документации и передать на хранение в специальную организацию. Кстати, так делали на всех предприятиях до распада СССР. Наше техбюро было маленькое. Из Москвы прибыли на помощь два конструктора. Я участвовал в разработке чертежей. Четыре месяца проработал конструктором, понравилось! Понял я и то, что за три года работы мастером в заводском цехе получил большой опыт в общении с рабочими, ИТР и начальством. Стало ясно, что с подчиненными надо быть требовательным, но справедливым. На справедливую требовательность люди не обижаются, а грубость не прощают. Был и газорезчиком, и сварщиком, и компрессорщиком, и машинистом мостового крана.

За первые годы я получил 4 благодарности от руководства завода, подал 4 рационализаторских предложения и внедрил их, заслужил вознаграждение в сумме 1300 рублей. Мой оклад мастера был 1000 рублей плюс премии. Цех и все мои товарищи мне до сих пор снятся по ночам.

Но влекла конструкторская работа! И еще мне понравились туристы п/я 320. Я решил сходить в отдел кадров этого предприятия. Располагалось оно в Доме промышленности, напротив гостиницы «Большой Урал». Встретил меня главный технолог Валерьян Васильевич Иванов. Подробно обо всем расспросил и поинтересовался, нуждаюсь ли я в жилье, хочу ли работать конструктором. Я ответил, что имею маленький конструкторский опыт и что в жилье нуждаюсь.

5 сентября 1960 года я пришел в отдел главного технолога (ОГТ), где мне дали рабочее место в конструкторском бюро ОГТ (КБ ОГТ). Дали и жилье в общежитии, которое располагалось в переулке Лодыгина во Втузгородке.

Это общежитие предприятия п/я 320 в Свердловске было уже пятым в моей жизни — после учебы в техникуме города Лодейное Поле, после работы в основном паровозном депо Петрозаводска, учебы в ЛИИЖТе (Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта — *ред.*), отработки в свердловском ПРМЗ № 8.

Предприятие в то время изготавливало радиоприемники и различные несложные изделия автоматизации производственных процессов. Радиоприемник «Искра» поставлялся на экспорт в Аргентину, Грецию,

Пакистан и другие страны. Радиоприемник «Свердловск» демонстрировался в 1958 году на Всемирной выставке в Брюсселе.

Здесь трудились разработчики и конструкторы этих изделий. А еще на этом предприятии была служба главного технолога, которая тоже участвовала в разработке изделий, но, главное, обеспечивала возможность изготовления их в цехах предприятия. В службе главного технолога были специалисты разных направлений: технологи механического, сборочного производств, химики, металловеды и конструкторы. Эти специалисты отвечали каждый за свое подразделение: технологический отдел, химлабораторию, бюро автоматизации, механизации (БАМ) и конструкторское бюро отдела главного технолога (КБ ОГТ).

В КБ ОГТ я и начал трудиться инженером-конструктором второй категории с окладом 1200 рублей в месяц. В КБ проектировали все средства технологического оснащения, необходимые для изготовления изделий в цехах: формы, штампы, приспособления, инструмент, средства контроля, испытания изделий и нестандартное оборудование. Я начал с проектирования форм и штампов.

Кроме оклада мы получали премии: квартальную, за освоение новых заказов, за внедрение новой техники, по итогам года.

Сотрудники ОГТ рацпредложений не подавали, так как руководство считало это частью процесса производственной работы. Поэтому за все время работы в Научно-производственном объединении автоматики (НПОА) я подал только одно рацпредложение, зато получил 11 авторских свидетельств на собственные изобретения.

О том, что происходило со мной дальше не только в моей работе, но и в целом в жизни, я хочу рассказать, уже соприкасаясь с главными событиями, которыми жила страна.

1961

12 апреля 1961 года впервые в истории человечества полетел в космос Юрий Гагарин. Чего только ни говорили в первые дни после полета! Это, мол, кто-то из князей Гагариных. Оказалось — бывший фезеушник, сын простых людей. А уже в августе космонавт Герман Титов на корабле «Восток-2» 25 часов вращался вокруг Земли. Весь мир гордился этими великими достижениями.

Еще знаменательное событие. В Свердловске — Фидель Кастро. Все встречали его как героя. Я наблюдал за Фиделем с дерева. Здоровый, красивый, бородатый человечище!..

Случилась денежная реформа с коэффициентом 1:10. А продукты почему-то стали дороже. Газеты пишут о напряженности в ГДР, а в августе — о возведении Берлинской стены.

Я, инженер-конструктор второй категории, добросовестно осваивал проектирование штампов и занимался любительским спортом. В эстафете на приз комитета комсомола предприятия занял в составе команды первое место. В команде п/я 320 на областном слете туристов Свердловской области тоже стал победителем. А в конце лета отправился в велосипедный поход.

Я беспартийный, но в конце года вдруг получаю от дирекции, парткома, завкома, комитета ВЛКСМ поздравление с Новым годом:

Дорогой товарищ Мурашев Ю.В.

Выполняя заповеди Разведчиков будущего, Вы своим трудом вносите достойный вклад в дело построения Коммунизма в нашей стране. Коллектив нашего предприятия гордится такими, как Вы, передовиками производства — носителями передовой коммунистической идеологии. Желаем Вам новых успехов в труде и личной жизни на благо нашей Великой Родины!

1962

Советский Союз штурмует космос. В августе космонавты А. Николаев и П. Попович совершили первый в мире групповой полет в космос на кораблях «Восток-3» и «Восток-4». В ноябре с тяжелого спутника Земли в сторону планеты Марс стартовала автоматическая межпланетная станция «Марс-1».

В октябре — напряженное положение на Кубе, стало известно, что туда на помощь отправлены наши ракеты. На предприятии проходят митинги в поддержку политики Фиделя Кастро, горячие головы готовы отправиться на Кубу добровольцами, в том числе и я. К счастью, Хрущёву удалось мирно договориться с Кеннеди.

В ноябре я стал инженером-конструктором первой категории с окладом 180 рублей. Приходилось крутиться, но работы я не боялся. В цехах я стал частым гостем, общение с рабочими, мастерами и начальниками не составляло труда, ведь я имел опыт мастера на ПРМЗ № 8 и получил хорошую закалку. В ноябре мне вручили почетную грамоту, а мое фото появилось на Доске почета предприятия.

Как-то в библиотеке им. Белинского я увидел книжку «Туристские маршруты по Средней Азии». Изучил уникальный маршрут, рассказал об этом в общежитии, многие заинтересовались. Собралась команда, и мы решили идти в среднеазиатский поход по маршруту: Свердловск—Ташкент—Западный Тянь-Шань—Баку—Астрахань—Казань—Свердловск.

Мы спокойно пересекли несколько границ, и везде нас встречали радушно. И нигде мы не опасались за свою жизнь.

1963

В июне летчик-космонавт Валерий Быковский и первая в мире женщина-космонавт Валентина Терешкова на космических кораблях «Восток-5» и «Восток-6» совершили полет в космос. В этом же месяце советская автоматическая станция «Марс-1» пролетела планету Марс.

Фиделю Кастро присвоено звание Героя Советского Союза.

5 августа в Москве представителями СССР, США и Великобритании подписан договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой.

Китай выдвинул территориальные претензии к СССР

В стране перебои с продуктами, мука — по карточкам. Хрущёв сокращает приусадебные участки. А при осмотре выставки заявил о работах художников: «Мерзость, жуть, тошнотворная мазня».

Я по-прежнему возглавляю группу конструкторов, заказов у предприятия много, работы всем хватает.

В походе познакомился близко с Верой Молочаевой. После мы стали частенько гулять по вечерам, целоваться, а то и ссориться. Жили мы в одном общежитии, я в четырехместной комнате, а она в двухместной. В конце концов я сделал ей предложение, она его приняла, и 16 февраля этого года мы поженились.

Около трех месяцев так и жили в разных комнатах. Наконец с большим трудом я добился отдельного жилья. Помогло то, что я был, хоть и небольшим, но перспективным начальником, и то, что Вера работала на предприятии уже 7 лет.

Нам дали двухместную комнату — 7 квадратных метров на первом этаже, рядом вход и вахтер. Купили диван-кровать, радиолу-приемник «Латвия» и швейную машину «Ржев». Шкаф, два стула, стол и тумбочка были общежитские. За шкаф втиснули мой велосипед. Мы были довольны.

Мой оклад прежний — 180 рублей. Вера была старшим техником-технологом с окладом 82 рубля. И все же ИТР (инженерно-технические работники) оплачивались плохо, хуже рядовых рабочих.

В апреле из Алёховщины пришло письмо от мамы: Олю осудили за растрату в сельпо, где она работала главным бухгалтером, и увезли в заключение. Дома осталась мама с тремя внуками и без копейки денег. Послал все свои сбережения — 500 рублей. Внуков в конце года взяли в школу-интернат на полное обеспечение, до возвращения Оли. Оля вернулась через 4 года.

1964

Мы по-прежнему гордимся космосом. В начале года произведен успешный запуск двух космических научных станций: «Электрон-1» и «Электрон-2». В октябре совершен полет первого в мире трехместного космического корабля «Восход» с экипажем в составе В. Комарова, К. Феоктистова и Б. Егорова.

Вместо Хрущёва первым секретарем ЦК КПСС выбран Брежнев.

Китай испытал ядерное оружие.

Завершено строительство крупнейшего в мире нефтепровода «Дружба». Моя мама-колхозница получила пенсию — до этого года колхозникам пенсию не давали.

Трудимся с Верой на прежних местах. Меня занесли в Книгу почета предприятия, а Вере увеличили оклад до 86 рублей.

8 февраля родился наш первенец Олег. Веру увезли в роддом на Эльмаше в два часа ночи, оттуда обратно я шел пешком через весь город. Через неделю Олега с Верой привезли в общежитие, и началась настоящая семейная жизнь в семиметровой комнате.

Олег рос беспокойным и шумливым. Прекращал плакать только на руках, и мне приходилось частенько гулять с ним по коридорам, баюкая его. Не выспавшись, уходил на работу, Вера оставалась одна и с нетерпением ожидала моего прихода, чтобы немного отдохнуть. Я снова «гулял» по коридору с Олегом на руках или бежал в магазин. Так и жили, было не до походов выходного дня.

В июне во время отпуска я поехал в Алёховщину к маме. Она жила тогда уже одна, и я попросил ее приехать к нам, она согласилась. Мы приехали с ней и стали жить в комнате вчетвером.

В декабре нам выделили однокомнатную квартиру по адресу: ул. Бехтерева, 4, кв. 11. Нашей радости не было предела.

1965

В марте совершен полет космического корабля «Восход-2», пилотируемого летчиками- космонавтами П. Беляевым и А. Леоновым, во время которого впервые в мире был осуществлен выход человека в открытый космос.

С продуктами плохо, пленум ЦК КПСС принял постановление о неотложных мерах по развитию сельского хозяйства СССР.

Косыгинская реформа: расширение хозяйственной самостоятельности предприятий и усиление материальной заинтересованности работников в результатах их труда.

Михаилу Шолохову за роман «Тихий Дон» присуждена Нобелевская премия.

В январе отпраздновали новоселье в нашей квартире на Бехтерева. Купили две табуретки, два стула и стол на кухню, на большее не было денег. Из общежития привезли диван-кровать, раскладушку, манеж, коляску Олега и велосипед.

Работаем с Верой там же, на прежних должностях. Вере увеличили оклад до 92 рублей, у меня неизменные 180. Подхалтуриваю на внедрении чужих рацпредложений — ИТР подавать рацпредложения не разрешается. Принял участие в розыгрыше кубка предприятия по городкам в составе команды ОГТ, заняли 2-е место.

На майские праздники семья отпустила меня в поход по реке Серьге.

В течение года купили: кровать маме, тумбочку под радиолу-приемник «Латвия», пылесос «Вихрь», кроватку Олегу.

1966

Ура! Советская автоматическая станция «Луна-9» впервые в мире совершила мягкую посадку на поверхность Луны и передала на Землю изображение лунного ландшафта. 1 марта автоматическая станция «Венера-3», после трех с половиной месяцев полета, достигла планеты Венера и доставила на ее поверхность вымпел с гербом СССР

Пленум ЦК КПСС выбрал Брежнева Генеральным секретарем ЦК КПСС.

В Ташкенте сильнейшее землетрясение.

Вере увеличили оклад до 97 рублей (на 5 рублей!), у меня прежний — 180.

Второй год осваиваем квартиру, дом, район. Квартира на четвертом этаже, есть балкон, кухня, ванная с туалетом, длинная прихожая. Лифта в доме нет.

На нашей площадке еще две квартиры. В одной живет семья Анатолия Кукурузы, в другой — семья фронтовика Василия Ивановича Баженова. Все они работают на нашем предприятии. Кукуруза позднее научил нас, как быстро делать компот. С фронтовиком часто по вечерам играли в шахматы, до тех пор, пока мы не купили сад.

Во дворе детский комбинат № 1, куда нам уже дали путевку.

Приятная неожиданность — в водопроводе чистейшая холодная вода, оказалось, что в этом районе она артезианская.

1967

В конце минувшего года наше предприятие п/я 320 переименовано в НИИА (Научно-исследовательский институт автоматики), а мы с Верой, согласно трудовой книжке, переведены на это предприятие, и оба с повышением. Я в той же должности старшего инженера-конструктора получил оклад 220 рублей, Вера — 102.

Кроме этого, получили кучу грамот. У Веры их три: за первое место в соревнованиях по стрельбе из м/к винтовки и в связи с 50-летием Октября.

Самый главный подарок мы получили от Советской власти: 14 марта Президиум Верховного Совета СССР принял постановление о переводе рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями. Ура!

В стране тоже успехи. В октябре автоматическая станция «Венера-4» достигла планеты Венера и осуществила посадку на ее поверхность. Принята в промышленную эксплуатацию Братская ГЭС на Ангаре.

Олег ходит в детский комбинат, но частенько болеет. Купили ему подарок — игрушку «Вертолет» с резиновым двигателем. Вертолет поднимался на высоту пятиэтажного дома и собирал всех мальчишек двора.

Летом ходим, вернее, ездим за грибами. Доезжаем на электричке до станции Исеть и в лес. Зимой я, в основном один, хожу на лыжах на Калиновские разрезы. Радуюсь, что сейчас у нас два выходных дня. После вылазки на лыжах в лес всю следующую рабочую неделю чувствуешь себя хорошо отдохнувшим человеком. Если не сходишь — неделя тянется долго и утомительно.

Купили за 500 рублей сад. Сад под высоковольтной линией, проходящей через весь город. Наш участок был не под проводами. От дома всего 10 минут ходьбы. Четыре сотки, маленький домик (2,5 на 2,5 метра), три яблони — вот и все. И заросли травы! Купили поздней осенью — значит, в следующем году будет не до походов.

1968

Начало года омрачено гибелью нашей гордости — первого космонавта мира Юрия Алексеевича Гагарина, случилось это во время тренировочного полета.

На орбиту искусственного спутника Земли выведен космический корабль «Союз-3», пилотируемый летчиком-космонавтом Г. Береговым.

В СССР впервые в мире совершил полет сверхзвуковой пассажирский самолет ТУ-144 (скорость свыше 2000 км/час).

В августе войска пяти стран Варшавского договора — СССР, Польши, ГДР, Венгрии и Болгарии — введены на территорию Чехословакии.

Уволился и уехал в Калугу мой непосредственный начальник — глава КБ ОГТ Евгений Демидов. Меня назначили вместо него с окладом 240 рублей. Теперь в моем подчинении 5 групп конструкторов.

К ноябрьским праздникам поощрили — опять занесли в Книгу почета. Вере увеличили оклад до 110 рублей.

Олег ходит в детский комбинат, летом работает с нами в саду. Помогает на грядках.

Под домиком сделал яму глубиной 3 метра. Будем хранить картошку и заготовки. Посадили крыжовник, смородину и малину.

Запомнился сосед, дед 70 лет. Он очень любил применять химикаты. Его яблони весной были голубыми от обрызгивания химией. Я химикаты никогда не использовал, и он частенько критиковал меня. Рядом с его участком стояла садовая смотровая вышка, высотой около 5 метров. Вышка была его любимым местом отдыха. В теплые солнечные дни он забирался на вышку и часами загорал не ней.

В конце года купили холодильник «Бирюса».

1969

В январе провели с помощью ручной системы управления жесткую стыковку космического корабля «Союз-4» (В. Шаталов) с «Союзом-5» (В. Волынов, А. Елисеев, Е. Хрунов). На орбите начала работать первая в мире экспериментальная космическая станция. Впервые осуществлен переход двух космонавтов из одного корабля в другой с выходом в космическое пространство.

В октябре осуществлен групповой полет трех советских космических кораблей «Союз-6», «Союз-7», «Союз-8».

21 июля американские космонавты Н. Армстронг и Э. Олдрин впервые в мире высадились на Луне и с триумфом вернулись на Землю. Американцы наступают нам на пятки!

Охлаждение отношений с КНР. Весной мы с тревогой следили за событиями на острове Даманский на реке Уссури, где произошло вероломное нападение китайской армии. Мы победили, но позже остров был отдан КНР. В августе опять военное действие — у озера Жаланашколь в Казахстане.

Работаю начальником КБ ОГТ. В КБ 60 конструкторов. Работы очень много — после Демидова остались нерешенные проблемы по договору с Минском и Москвой. Пришлось лететь в Белорусский политехнический институт. За неделю решили все технические вопросы. Жили минчане лучше свердловчан. В магазинах были все продукты: хлеб, мука, крупы, колбаса, мясо и так далее. Очевидно, срабатывал столичный синдром, как и в Москве. Отоварились продуктами, Вере я купил сапоги, но они ей не понравились, и она ходила в них только в лес и сад.

В саду к домику сделали пристрой для хранения инструмента: лопат, вил, грабель, ведер и так далее. Построили маленькую теплицу, вернее парник, но без успеха — ничего не выросло. Саженцы крыжовника, смородины и малины растут хорошо.

Олегу уже 5 лет.

1970

Соревнуемся с Америкой за первенство в освоении космоса. В июне осуществлен длительный орбитальный полет космического корабля «Союз-9» с экипажем в составе А. Николаева и В. Севастьянова.

В сентябре на Луну села автоматическая станция «Луна-16», произвела бурение и забор грунта и доставила его на Землю.

В ноябре запущена автоматическая станция «Луна-17», с которой впервые в мире на Луну доставлен автоматический лунный самоходный аппарат «Луноход-1», управляемый с Земли.

В декабре на Венеру мягко села автоматическая станция «Венера-7» с научной аппаратурой.

Перепись населения страны — нас 241,7 миллиона человек.

Солженицыну присуждена Нобелевская премия по литературе.

Меня наградили юбилейной медалью «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», повысили оклад до 270 рублей. Вера получила должность инженера-технолога третьей категории с окладом 120.

11 апреля около 23 часов родился Лёня, немного не дотянул до 12 апреля — праздника космонавтики. Почти всю ночь отмечали с Буйнычевым, Фёдоровым и Ветошкиными его рождение.

Купили весы для наблюдения за ростом Лёни.

Работаем в саду, экспериментируем. Купили машину навоза, сделали гряду и посадили огурцы. Огурцы взошли, стали расти, но… пожелтели и погибли. Опытные садоводы сказали: «Надо было землю на навоз насыпать и семена садить в землю. Тогда вы огурцами завалили бы весь сад».

Малина быстро пошла в рост, и надо было ее поддерживать. Забил по краям рядов металлические трубы и стал на них крепить проволоку, к которой надо было привязывать кусты малины. Для того чтобы проволока была туго натянута, конец ее я закручивал отрезком трубы. И вот, закручиваю конец проволоки последнего, третьего ряда, труба срывается и бьет

меня по голове. Кровь... травмпункт. Так мы приобретали садоводческий опыт.

Сад в черте города, и в нем хорошо плодоносят яблони. Все соседи из яблок делают вино, стали делать и мы. По пятницам после работы частенько собирались в саду у Василевского, заслуженного военного ветерана, участника гражданской войны. Ему было 75 лет, он вина делал много, жил один, но вино не пил. Когда мы приходили к нему, он говорил: «Ребята, пейте вина сколько хотите, а мне принесите бутылочку водки». Мы это уже знали и приходили почти всегда с бутылкой. Он выпивал с нами граммов 150, не больше. Мы были молодые, вино пилось хорошо, но не напивались «в доску» никогда.

Любили петь. Обычно нас было четверо: Василевский, Буйнычев, Фёдоров и я. А ветеран Василевский всегда просил спеть песню «Родина»:

Вижу чудное приволье,
Вижу нивы и поля —
Это русское раздолье,
Это русская земля.

Вижу горы-исполины,
Вижу реки и леса,
Это русские картины,
Это русская краса.

Слышу песни жаворонка,
Слышу трели соловья,
Это русская сторонка,
Это Родина моя!

1971

19 апреля запустили первую долговременную орбитальную станцию «Салют». 24 апреля «Союз-10» с экипажем в составе В. Шаталова, А. Елисеева и Н. Рукавишникова произвел стыковку и расстыковку с орбитальной станцией «Салют». 7 июня «Союз-11» состыковался с «Салютом», и была создана первая в мире орбитальная пилотируемая научная станция «Салют—Союз».

30 июня после завершения программы 23-дневного полета на орбитальной научной станции при возвращении на Землю трагически погибли космонавты Г. Добровольский, В. Волков и В. Пацаев.

27 ноября автоматическая межпланетная станция «Марс-2», запущенная 19 мая, вышла на орбиту искусственного спутника Марса и доставила на Марс вымпел с изображением герба Советского Союза.

2 декабря впервые в истории космонавтики спускаемый аппарат автоматической межпланетной станции «Марс-3», стартовавшей с Земли 28 мая, совершил мягкую посадку на поверхность Марса.

С Нового года, после реорганизации ОГТ, образовались два отдела: конструкторский СТО и конструкторский НО. Я — начальник отдела СТО с окладом 310 рублей, у Веры — 125.

Вскоре меня наградили орденом «Знак Почета». Мама получила поздравление и благодарность «за воспитание сына».

Наградили меня в апреле, но орден вручили в августе. Отмечали сначала на работе, потом в саду. Ели яблоки, смородину, пили вино из ямы. Разошлись ночью, потом долго, много лет вспоминали садовые дурачества.

1972

22 июля спускаемый аппарат автоматической межпланетной станции «Венера-8», запущенной 27 марта, произвел мягкую посадку на поверхность Венеры и доставил вымпелы с барельефом В.И. Ленина и изображением герба СССР.

В мае в Москве, во время визита президента США Никсона, подписан Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО).

26 июля принята в эксплуатацию самая мощная в мире Красноярская ГЭС.

21-22 декабря совместное торжественное заседание ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященное 50-летию образования СССР.

Работаем на прежних местах. Вере увеличили оклад до 130 рублей, у меня не изменился — прежние 310.

Получили трехкомнатную квартиру на улице Чердынская, 22-48. Вот это радость!

1973

Июнь. Визит Брежнева в США, встреча с президентом Никсоном. В Вашингтоне подписали Основные принципы переговоров о дальнейшем ограничении стратегических наступательных вооружений, Соглашение о научно-техническом сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии и о предотвращении ядерной войны.

В июле Брежневу вручили Международную Ленинскую премию «За укрепление мира между народами».

Летом же введена в эксплуатацию Кольская атомная электростанция.

Работаем на прежних должностях. У Веры оклад повысили до 136 рублей.

Старый сад продали за 500 рублей, потому что он был далеко от новой квартиры. Купили другой, по старому Московскому тракту, в трех километрах от дома. Заплатили 700. Сад запущенный, низкий, снова маленький домик (2 на 2 метра) и сараюшка для лопат. Один раз заночевали, поняли, что предстоит большая работа! Недалеко лес и Верх-Исетское водохранилище, мы с ребятами частенько стали ходить туда на рыбалку. В сад с ребятами ездим на велосипеде: впереди — Лёня, сзади на багажнике Олег. В середине я, кручу педали. Однажды нас остановила ГАИ и приказала сделать для Лёни подножки, для того чтобы ноги не болтались и не попадали между спиц. Сказали, что если не сделаем, то не будут пропускать в сад, а дорога шла мимо поста ГАИ. Сделали веревочные.

1974

В марте спускаемый аппарат автоматической станции «Марс-6» совершил посадку на поверхность планеты и впервые на Землю передал данные об атмосфере Марса.

Введены в действие две атомных электростанции: Нововоронежская и Билибинская в Чукотском автономном округе.

Начато строительство Байкало-Амурской магистрали (БАМ).

В ноябре во Владивостоке встретились Брежнев и президент США Форд, подтвердили курс на сокращение стратегических наступательных вооружений.

На работе практически без изменений. Вере увеличили оклад до 140 рублей.

1975

В июле совместный полет космических кораблей «Союз-19» и «Аполлон». В октябре спускаемые аппараты межпланетных автоматических станций «Венера-9» и «Венера-10» совершили мягкую посадку на поверхность Венеры и передали на Землю снимки Венеры в районе посадки.

В декабре открыто движение на первой 64-километровой линии западной части БАМ.

Работаем там же. Вера получила две грамоты от директора предприятия Миронюка и благодарность от главного технолога Жучкова, премию 100 рублей. В честь 20-летия работы на предприятии коллеги подарили ей стихи:

Наступил Ваш юбилей, и сегодня — двадцать,
Как пришли Вы на завод, сборкой заниматься.
Были юной Вы тогда, и опыта немного,
Но к работе своей относились строго!

В октябре меня выбрали делегатом на отчетно-выборную партийную конференцию предприятия.

С января по май занимались строительством садового домика. Закончили, осталось сложить печку. Ее изладил печник за 100 рублей.

1976

В Москве подписан договор с США о запрещении подземных ядерных взрывов в мирных целях.

Камский автомобильный завод стал выпускать тяжелые грузовики «КамАЗ».

На XXV съезде КПСС утверждены директивы десятого пятилетнего плана (1976—1980 годы).

Работаем там же. Вере увеличили оклад до 150 рублей.

Окончил курсы автолюбителей. 18 августа купили ВАЗ-2103 за 3 тысячи рублей. Заняли у Л. Багинского одну тысячу. Машина нам понравилась, очень резвая — прыгала с места, пока я не овладел акселератором, красивая, белого цвета.

Посадили клубнику, смородину и цветы. Вера «помешалась» на цветах — это ее любимые посадки.

1977

В августе атомный ледокол «Арктика» достиг Северного полюса.

В сентябре запущен первый энергоблок Чернобыльской атомной электростанции.

7 октября принята новая Конституция СССР.

10 декабря запущен космический корабль «Союз-26» с экипажем в составе космонавтов Ю. Романенко и Г. Гречко. 11 декабря «Союз-26» состыковался с орбитальной станцией «Салют-6».

Меня опять наградили, вручили знак «Победитель в соцсоревновании 1977 года» и повысили оклад до 350, Вере — до 160.

Теперь у меня в отделе 70 человек. Работы прибавилось, теперь я универсал: и конструктор, и технолог.

В сад ездим на машине. Купили металлический гараж и установили рядом с домом, очень удобно. Лёня пошел в первый класс, а Олег уже в седьмой.

1978

Самый плодовитый год космонавтики в нашей стране: 9 запусков космических кораблей, успешная эксплуатация орбитального комплекса, выход в космос, самый длительный полет в течение 140 суток. В космосе побывали представители ЧССР, ПНР, ГДР.

Собран рекордный урожай зерна — 237 миллионов тонн.

Центральное телевидение перешло на цветное изображение.

На работе у Веры без изменений. У меня в отделе уже 75 человек.

Денег нам с Верой не прибавили, оклады прежние.

1979

Началась афганская война. Проведена перепись населения. Численность Советского Союза — 262,4 миллиона человек. Советско-американская встреча на высшем уровне в Вене. Подписан договор между СССР и США об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2).

Работаем там же, оклады те же.

26 сентября умер в Горьком отец Веры — Василий Леонидович Молочаев. Из Горького привезли Ольгу Андреевну, мать Веры.

1980

Июль, август. В Москве прошли XXII Олимпийские игры. В знак протеста из-за ввода наших войск в Афганистан игры игнорировали США, Англия, Германия.

В октябре введен в члены Политбюро ЦК КПСС Горбачёв.

Работаем с Верой там же, оклады прежние. Получил два авторских свидетельства на собственные изобретения и денежное вознаграждение — 400 рублей. Вера в июне завоевала звание «Лучший технолог предприятия» и получила 50 рублей.

1981

Брежнев стал четырежды Героем Советского Союза! За период с 1966-го по 1981-й Брежнев стал:

— генералом армии;

— маршалом Советского Союза;

— кавалером ордена Победы;

— кавалером 8 орденов Ленина, двух орденов Октябрьской революции и множества других орденов, как отечественных, так и зарубежных.

В Политбюро ЦК КПСС коммунисты, средний возраст которых 71 год.

На предприятии и в отделе много работы. Людей не хватает. Численность отдела выросла до 89 человек. Оклады у меня и Веры — прежние.

Внедряю новую технику: конвейеры, автоматы, роботы и новые технологические процессы. С Рижским политехническим институтом провели работу по автоматизации проектирования. Получил два авторских свидетельства на собственные изобретения и вознаграждение — 577 рублей.

Вере исполнилось 45 лет, поздравили стихами:

Сегодня маме 45,
А кажется 17!
Желаем дальше так держать!
В ненастье не сгибаться!

Ездим за черникой в лес, на озера Глухое и Чусовское. По Чусовскому тракту нашли и купили в конце года опять новый садовый участок за 492 рубля. Купили холодильник «Минск».

Олег поступил в Уральский государственный университет на журналистику.

14 мая умерла мама. Вылетел в Алёховщину, где она жила последние годы, — на похороны успел.

1982

В ноябре умер Брежнев. Генеральным секретарем ЦК КПСС стал Ю. Андропов.

Работаем там же, оклады прежние. Численность отдела выросла до 94 человек.

Трудимся на садовом участке площадью 4,5 сотки. Участок весь зарос травой, культурных насаждений нет, построек нет.

Есть только заготовка на дом: брусья 150 на 150 мм. Брус лежит уже несколько лет, не гнилой, но немного извёрнутый. Перекопали, выровняли, посадили смородину и три яблони. Стали копать яму под овощехранилище. Попался громадный камень. Вытащили и уложили в фундамент будущего дома.

1983

Андропов — Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума ВС СССР, Председатель Со-

вета обороны. Оппозиция и диссидентское движение разгромлены силами КГБ, началась жесткая борьба за усиление дисциплины. В магазинах, кинотеатрах и других местах в рабочее время проверяли людей — почему они не на работе. В сентябре на Дальнем Востоке сбит южнокорейский пассажирский самолет «Боинг-747». Обострилась «холодная война».

30 декабря меня сняли с воинского учета по возрасту.

Вкалываем в саду. Забетонировали овощную яму, над ямой построили сарай — баню. Пока это наше жилище. Взносы за сад — 20 рублей.

1984

Умер Ю. Андропов. К. Черненко избран Генеральным секретарем ЦК КПСС и Председателем Президиума ВС СССР.

Срок обучения в школе увеличен на один год (теперь ребята учатся 11 классов).

Черненко награжден третьей Золотой медалью «Серп и Молот» — смех и разочарование в стране.

На работе без изменений. Меня наградили орденом «Дружба Народов», Веру — медалью «Ветеран труда».

Получили четырехкомнатную квартиру по улице Амундсена, 59-11, четвертый этаж, лифт. Очень рады. Спасибо директору Игорю Ивановичу Величко. Имущество перевозили на своей машине-труженице.

В саду сделали фундамент под дом, размером 6 на 6 метров. За забором сада раскопали участок ничейной земли, около двух соток, и посадили там картошку. Всю зиму собирал строительный материал для дома: доски, брусья. Материал брал из сносимых старых деревянных построек в районе Уралмаша.

1985

Умер К. Черненко. Генеральным секретарем ЦК КПСС избран М. Горбачёв. Сначала все обрадовались — наконец-то в руководстве партии появился молодой, энергичный человек, говорящий не по шпаргалке. Но многие, в том числе и я, прослушав его первую речь, передаваемую по всем каналам, решили, что чего-то она вроде как ни о чем.

Началась перестройка.

Председателем Президиума ВС СССР избран А. Громыко. Горбачёв спешит на переговоры с Рейганом в Женеву. Тэтчер сказала Рейгану после встречи с Горбачёвым: «С этим человеком надо работать».

Веру повысили, присвоили должность инженера-технолога 2-й категории с окладом 195 рублей, наградили почетной грамотой. Не подкачал и Лёня, получив грамоту за хорошую учебу.

В саду собрали из бруса полдома.

1986

Запущена орбитальная научная станция «Мир».

На XXVII съезде приняты новая программа и устав КПСС. В апреле авария на Чернобыльской АЭС. 26 апреля произошла авария, а 1 мая в Свердловске мы шли на демонстрацию и ничего не знали. Падал густой, может быть, и радиоактивный снег.

В августе погиб пассажирский пароход «Адмирал Нахимов». Горбачёв предложил начать ядерное разоружение и встретился с Рейганом в Рейкьявике.

Ельцин в Москве наводит порядок, борется с коррупцией в торговле на посту первого секретаря Московского обкома КПСС и члена Политбюро. Горбачёв выпустил книгу «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира».

Тяну трудную лямку конструкторско-технологического отдела. Развиваем производство, снижаем трудоемкость и стоимость изготовления. В продаже наш электронный тир и целый ряд машинок, пользующихся успехом у покупателя. Получил авторское свидетельство на собственное изобретение и поощрительное вознаграждение — 100 рублей.

Олег окончил факультет журналистики УРГУ и направлен в газету «Красноярский рабочий».

В саду собрали коробку дома, каркас крыши и покрыли шифером.

Умерла мама Веры — Ольга Андреевна Молочаева.

1987

70 лет Октября. Вышел закон об индивидуальной трудовой деятельности. Ельцина вывели из состава Политбюро и с поста первого секретаря Московского обкома КПСС.

Горбачёв поехал в Вашингтон. На январском пленуме ЦК КПСС политика гласности официально закреплена как основа проводившихся политических реформ.

28 мая самолет немца Матиаса Руста пролетел безнаказанно через всю страну и сел на Красной площади Москвы!

Работаем там же, получаем столько же. Мне присвоили звание «Заслуженный работник объединения». Часть характеристики на меня: «Постоянно изучает передовой опыт предприятий страны. Является активным изобретателем. Отделом с 1980 года внедрено

146 изобретений, оформлено 45 заявок и получено 26 положительных решений. Отдел систематически занимает классные места по изобретательству, ведется работа по внедрению проектирования СТО с помощью ЭВМ».

20 ноября получил медаль «Ветеран труда».

Олег поработал в Хабаровске дорожным рабочим, затем матросом на Сахалине — изучает жизнь.

Лёня окончил школу № 65 и поступил в профессионально-техническое училище № 77 по специальности «Наладчик станков с ЧПУ».

Я вступил в гаражно-строительный кооператив «Ленинский». Заплатил вступительные взносы — 2730 рублей. Кроме взносов надо еще отрабатывать на строительстве определенное количество часов. Если не можешь отрабатывать, то надо платить около 50 процентов от взноса. Я отрабатывал.

1988

Армянские погромы в Сумгаите (Азербайджан) из-за Нагорного Карабаха. Землетрясение в Армении. Горбачёва избрали Председателем Президиума ВС СССР. В Эстонии принят закон о приоритете конституции Эстонии над Конституцией СССР.

В Москве встретились Горбачёв и Рейган. Похоже, что мы начинаем попадать под влияние Америки.

Принят закон «О выборах народных депутатов СССР».

Предприятие готовится к переходу на новые условия оплаты труда в условиях внедрения хозрасчета. Проводится поголовная переаттестация, на каждого пишется характеристика.

Олег работает автослесарем, затем водителем в Новосибирске.

Лёня окончил профтехучилище и пришел работать к нам на предприятие, в цех, на фрезерные станки с ЧПУ.

В саду обшиваем досками внутренние стены дома и заканчиваем крыльцо. Зимой сделал каркас гаража. Посеяли морковь и свеклу. Садовые взносы — 22 рубля.

1989

Население СССР на начало года составило 286, 7 миллиона человек.

Из Афганистана вывели войска. В марте выбрали народных депутатов СССР. В апреле — разгон антиправительственной демонстрации в Тбилиси. В мае на 1-м Съезде народных депутатов Горбачёва избрали Председателем ВС СССР.

Июнь — погромы турок-месхетинцев в Фергане.

Июль — забастовка шахтеров Кузбасса.

2 декабря Горбачёв встречается с президентом США Дж. Бушем на Мальте. 12-24 декабря — 2-й Съезд народных депутатов СССР.

Чувствуется, что заседания съездов народных депутатов всех будоражат, и эти отклики часто иронические, все это отражается в передачах.

На предприятии и в ОГТ готовятся перемены. В начале года из отдела вывели группы ТНП, материальных и трудовых нормативов. Группа ТНП стала подчиняться непосредственно главному технологу и развивать производство медицинских игл. Материальные и трудовые — тоже оказались в подчинении у главного технолога. В моем отделе остались пять конструкторских групп и группа подготовки производства, численность отдела снизилась до 86 человек. Принимать решения в пределах предприятия стало очень трудно из-за срыва сроков работ разными подразделениями. Срывы стали частыми из-за неоплаты выполненных работ.

Лёня не поступил в УПИ на физтех и пошел работать на кафедру «Вычислительные системы и сети» физтеха УПИ лаборантом.

Олег с женой Венерой живет в Новосибирске.

В саду построил деревянный гараж длиной 6 метров, шириной — 3. Готовлю проект печи в бане. Работаю в основном зимой, один.

1990

Январь — армянские погромы в Баку.

Февраль — русские и армянские погромы в Душанбе.

Март — выборы депутатов ВС РСФСР. Литва, Эстония, Латвия объявили о своей независимости. На 3-м внеочередном Съезде народных депутатов Горбачёва избрали Президентом СССР.

Май — Председателем ВС РСФСР избран Ельцин.

Июнь — Первый съезд народных депутатов РСФСР, принятие Декларации о государственном суверенитете РСФСР!

Постановление ВС СССР «О концепции перехода к регулируемой рыночной экономике в СССР».

Июль — XXVIII съезд КПСС. Выход из партии Ельцина, Попова, Собчака.

Август — Указ Президента СССР Горбачёва «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 1920—1950 годов».

ГДР прекратила свое существование.

В декабре на 4-м Съезде народных депутатов СССР вице-президентом избран Янаев.

Горбачёву вручена Нобелевская премия мира.

На работе волнение. Чувствуются назревающие перемены. Окукливается производство медицинских

игл, готовится к отделению — созданию филиала НПОА. Оплачивают пока всех по-прежнему.

В связи с 35-летием работы на предприятии Веру наградили Почетной грамотой и премией 80 рублей. Я получил последнее, тринадцатое, авторское свидетельство на собственное изобретение. Дальше на предприятии, как и в стране, начался бардак, и изобретательская работа прекратилась, прекратилось и стимулирование. За последнее изобретение я не получил ни гроша.

Я беспартийный. В КПРФ вступать не стал — это партия партократов, которые остались не у дел после запрещения КПСС. Интересно, что партократы из КПСС почти все перешли в «Единую Россию» — странную партию, в которой нет рядовых членов партии.

Лёня поступил в УПИ, на физтех, на кафедру «Вычислительные системы и сети».

5 ноября родился Егор — сын Венеры и Олега. Сын Олег работает заместителем главного редактора журнала «Земля Сибирь».

В саду сделали стеклянную теплицу. Садовые взносы — 22 рубля.

В стране плохо: карточки на мясо, сахар, масло, яйца, водку.

На строительство гаража в ГСК собрали еще по 1300 рублей.

1991

В марте прошел референдум о сохранении Союза ССР и введении поста президента в России. 76,4 процента граждан страны высказались за сохранение СССР.

В июле Президентом РСФСР избран Ельцин. Большинство людей ликовало, в том числе и я.

В августе — путч ГКЧП (Государственный комитет по чрезвычайному положению в стране). Членами комитета были Янаев, Павлов, Язов, Пуго, Крючков, Стародубцев, Тизяков, Бакланов. Комитет действовал неактивно, несобранно и был обречен.

В ноябре сформировано правительство реформ Гайдара, Ельцин провозгласил программу радикальных социально-экономических преобразований, запрещена КПСС.

8 декабря в Минске подписаны Беловежские соглашения между Россией, Украиной и Белоруссией о ликвидации СССР и создании СНГ.

В декабре 11 государств бывшего СССР подписали декларацию о создании Содружества Независимых Государств (СНГ): Россия, Украина, Белоруссия, Азербайджан, Армения, Казахстан, Киргизстан, Молдавия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан.

25 декабря — отставка Горбачёва с поста Президента СССР.

На работе всё хуже и хуже. Зарплата такая же, но всё подорожало в два-три раза. Начинаем «халтурить» — делать конструкторскую работу для других, негосударственных, мелких предприятий, возникших непонятно откуда.

Вере в феврале, в связи с 55-летием со дня рождения, дали Почетную грамоту и премию 135 рублей, а с 1 июля она вышла на пенсию. Начислили 132,85 рубля.

Олег с Венерой и Егором в Новосибирске.

Олег работает директором издательского предприятия, несколько месяцев был на стажировке в Германии.

Лёня ушел с физтеха, сдавал вновь экзамены в УПИ на металлургический факультет, поступил на специальность «Обработка металлов давлением».

В саду построили вторую стеклянную теплицу. Садим картошку, овощи. По дороге в сад люди раскопали все пригодные места и засадили картошкой.

1992

1 января началась радикальная экономическая реформа и либерализация цен. Цены сразу выросли в 10-12 раз, а к декабрю — в 100-150 раз.

Второй пункт гайдаровской «шоковой терапии» всеобщая приватизация — переход государственной собственности в частные руки. С 1 октября стали выдавать ваучеры по схеме, разработанной Чубайсом.

В феврале — декларация России и США о прекращении «холодной войны».

В марте — подписание Федерального договора о разграничении полномочий между республиками и федеральным центром. Ельцин: «Берите столько суверенитета, сколько можете переварить».

В июле введен свободный обмен (конвертируемость) рубля на иностранные валюты.

Август — Ялтинское соглашение России и Украины о разделе Черноморского флота и создании совместного флотского командования.

Декабрь — Ельцин назначил премьер-министром Черномырдина.

На работе бардак. Работаю в той же должности и с прежним коллективом. Зарплату в середине года повысили с 600 рублей до 11 тысяч рублей в месяц, то есть в 18 раз, но цены к этому времени повысились в 30-50 раз. Все в шоке. К тому же зарплату стали задерживать. «Халтурим» — жить-то надо. За год «нахалтурил» 40 тысяч рублей. Грозят сокращениями, в первую очередь пенсионерам. Вера — пенсионер, поэтому она ушла работать в Медин — филиал НПОА со своим расчетным счетом. Началась «прихватизация» НПОА. Вера теперь слесарь 2-го разряда, сверлит заготовки медицинских игл. Быстро освоилась и стала

получать больше меня — начальника конструкторского отдела, который продолжал работать на все подразделения НПОА, в том числе и на Мелин.

Государство вклады в Сбербанке не индексировало, и они практически пропали — обесценились. Пропали также страховые пенсионные взносы — о них государство вообще забыло.

Олег с семьей в Новосибирске. Лёня учится в УПИ.

В ноябре приватизировали квартиру на троих, в общую собственность.

На строительство капитального гаража в ГСК потребовали еще 24000 рублей.

В саду разработали еще один огород — дальний. Теперь их стало два — один в 300 метрах от садового участка, второй — в километре. Членские взносы за сад увеличились с 22 до 442 рублей (в 20 раз). За огород пока денег не берут. В садовом гараже сделал смотровую яму. Теперь стало удобнее ремонтировать машину. В садовом доме установили газовую плиту — баллона хватает на 1,5 года.

1993

В июле обменяли старые банкноты на новую российскую национальную валюту. Разделилось денежное пространство со странами СНГ.

В сентябре Ельцин издал Указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации». Роспуск Съезда народных депутатов и Верховного Совета. Мы всё еще верим Ельцину.

Блокада «Белого дома» президентскими вооруженными силами.

В октябре — кровавые вооруженные столкновения в Москве. 26 октября Ельцин издал указ о прекращении деятельности Советов всех уровней. Советская форма власти ликвидирована.

В декабре состоялся Референдум по Конституции Российской Федерации и выборы в Государственную Думу и Совет Федерации. Голоса избирателей распределились следующим образом: ЛДПР — 22,7 процента, блок коммунистов (КПРФ) и аграриев (АПР) — 20,3 процента, «Демократический выбор России» — 15,4 процента, «Женщины России» — 8,1 процента, «Яблоко» — 7,8 процента, Партия российского единства и согласия — 6,7 процента, правительственная партия Гайдара, Демократическая партия России — 5,5 процентов, Председателем Госдумы избран представитель Аграрной партии России — И. Рыбкин.

Свои ваучеры мы отдали в АОО «АСКО-КАПИТАЛ», получив взамен по 12 акций каждый (я, Вера и Лёня).

Из отдела убрали группу подготовки производства, перевели ее в технологический отдел. Все готово для организации новой серии филиалов НПОА. Численность отдела уменьшилась до 58 человек, многие уволились.

С 1 января я работающий пенсионер. Мне назначили пенсию 17698 рублей. Мой оклад — 45483 рубля. Оклад увеличился в 4 раза, а продукты — в 20 раз. Вера в Мелине получает в 4 раза больше. Моей заначки на бензин не хватает, приходится клянчить у Веры. «Нахалтурил» за год 80 тысяч рублей.

28 января получил «Свидетельство о праве на землю». Садим картошку и овощи. Душа отдыхает и радуется, когда сидишь на скамейке у домика и наблюдаешь за облаками и снующими по небу птицами.

Садовые взносы увеличились до 4420 рублей (в 10 раз), на строительство гаража в ГСК потребовали еще 87000 рублей.

1994

В январе начал работу новый российский парламент. Из правительства вышли первые вице-премьеры Гайдар и Фёдоров. Государственная Дума объявила амнистию членам ГКЧП и участникам октябрьских событий 1993 года.

11 октября резко упал курс рубля на валютной бирже.

11 декабря в Чечне началась война.

Еще с 1 января был организован филиал НПОА — Завод технологического оснащения (ЗТО). Туда и был переведен наш отдел в полном составе, я остался начальником.

Вера в Мелине зарабатывает по-прежнему больше меня. Сумму не знаю, в филиале двойная бухгалтерия, расчетных листков не дают.

Получил медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов».

Поддавшись пропаганде, мы купили 13 акций АОО «Технезис — быстрые пельмени» на 130 тысяч рублей. Организатором был бывший директор нашего завода Жолобов. Акции приобрели — доходов мы не увидели. Как не увидели дивидендов от акций АОО «АСКО-КАПИТАЛ», которые мы приобрели за ваучеры.

Садовые взносы опять выросли. На строительство гаража в ГСК требуют еще 300 тысяч рублей.

Тяжелый год. Вера и Лёня 19 декабря подарили мне стихотворение Фета:

Учись у них — у дуба, у березы,
Кругом зима, жестокая пора!
Напрасные на них застыли слезы,
И треснула, сжимаясь, кора.

1995

В Сочи подписано соглашение между Россией и Украиной о разделе Черноморского флота в пропорции 2:1 и праве России использовать военно-морские базы в Крыму.

14-22 июня — захват чеченскими боевиками заложников в городе Будённовске (Ставропольский край).

В декабре прошли выборы в Государственную Думу. КПРФ получила 22 процента голосов, ЛДПР — 10,9, «Наш дом Россия» (НДР) — 10, «Яблоко» — 7,1 процента. Спикером избран член КПРФ Селезнёв.

Я работаю в ЗТО, Вера — в Медине. Моя зарплата — 980 тысяч рублей, получаю с большой задержкой (месяцами). Вера получает вовремя и больше меня.

27 декабря наш коллектив решает написать письмо директору НПОА Чеботарёву и в профком о том, что ЗТО находится накануне потери своей дееспособности. Причины были следующие: раздробление организации на филиалы, систематическая задержка зарплаты, несправедливая системой оплаты труда «контрактников» по сравнению с остальными членами коллектива НПОА, непомерный рост управленческого аппарата и еще много чего.

1996

9 января чеченские боевики захватили родильный дом в Дагестане, в городе Кизляр.

15 марта Государственная Дума денонсировала (объявила недействительными) «беловежские соглашения» о ликвидации СССР.

2 апреля подписан договор России с Белоруссией об образовании Сообщества Суверенных Республик (ССР).

3 июля Ельцин победил во втором туре выборов Президента РФ.

10 августа Лебедь и Масхадов в Хасавюрте (Дагестан) подписали заявление о прекращении военных действий. Эта чеченская война закончилась.

Работаем с Верой на прежних местах. Зарплату мне повысили до 1 миллиона 100 тысяч рублей, но я ее практически не получаю. Зато Вера в Медине получает регулярно. Я вынужден «халтурить» в разных шарашках, у которых нет своих конструкторов. Даже подрабатываю на машине извозом.

Директор НПОА Чеботарёв собрал всех, кто подписал письмо в его адрес, на совещание. Первый начальник сказал, что он подписал письмо, не читая его. Остальные три человека отделались молчанием. Я сказал, что письмо писал и что все его прочитали и только потом подписали и что с содержанием письма согласен был весь коллектив ЗТО.

Результат был такой. В конце года ЗТО расформировали, мой отдел перевели обратно в ОГТ, который стал называться НТК (научно-технологический комплекс). Отдел назвали сектором, а меня понизили до начальника сектора, сохранив оклад.

А до письма меня с чего-то наградили медалью «300 лет Российскому флоту».

Олег с семьей переехал в Екатеринбург, работает заместителем главного редактора еженедельника «Последние новости».

Лёня окончил УПИ и поступил на работу в лабораторию кузнечно-штамповочного производства Уралмаша.

На строительство ГСК отдал еще 500 тысяч рублей. Членские садовые взносы — 184700 рублей.

Самостоятельно отремонтировал двигатель машины (сменил кольца), установил обратно.

1997

В марте премьер-министру Черномырдину дали двух заместителей: Чубайса и Немцова.

Встреча президентов РФ и США (Ельцина и Клинтона) в Хельсинки по вопросу расширения НАТО на восток.

В апреле в Москву с официальным визитом прибыл председатель КНР Цзян Цзэминь, а в ноябре Ельцин посетил Пекин. В КНР населения уже 1,5 миллиарда.

Сообщество Суверенных Республик России и Белоруссии преобразовано в Союз Белоруссии и России.

Вышел Указ Ельцина о начале жилищно-коммунальной реформы в стране.

Начался новый этап приватизации государственного и муниципального имущества.

В НАТО вступили Чехия, Польша и Венгрия.

В мае Ельцин вместе с руководителями натовских государств подписал «Основополагающий акт НАТО — Россия» о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между РФ и Организацией Североатлантического договора.

Сотрудники отдела возмущены моим понижением в должности, собираются идти к новому директору НПОА Л. Шалимову. Я сказал, что не надо, и сам написал заявление, в котором все изложил. В результате я был восстановлен в должности начальника отдела, сектор снова стал отделом. Зарплату мне тоже подняли — до 1,4 миллиона рублей. К сожалению, задержки с выплатой остались, поэтому пришлось вновь «халтурить», но уже с солидными предприятиями: Невьянский механический завод, Первоуральский новотрубный. Дело в том, что на этих заводах почти не осталось конструкторов по технологической оснастке. У нас тоже уволилась половина, но еще оставалось достаточно специалистов. Вообще моя профессия кон-

структора помогла нашей семье пройти эти тяжелые годы.

Вера работает в Медине и зарплату получает вовремя. Вот такие парадоксы: мы оснащали Мединститут, поставили его на ноги, потом его приватизировала и пожинает плоды маленькая кучка акционеров. Хорошо еще, что Вера попала туда. Инженер-технолог теперь сверлит дырки.

Олег — главный редактор еженедельника «Последние новости». Лёня ушел с Ревдинского завода ОЦМ в мастерскую художника Буданова, занимается полиграфической печатью в антисанитарных условиях, без вентиляции!

1998

1 января — деноминация российского рубля: новый рубль обменивается на 1000 старых.

23 марта — отставка Черномырдина.

24 апреля Государственная Дума утвердила Кириенко в должности главы правительства.

17 июля захоронили найденные останки царской семьи в Петропавловской крепости Санкт-Петербурга.

Путин — директор ФСБ.

17 августа — начало экономического кризиса. Замораживание выплат по государственным обязательствам.

23 августа — отставка Кириенко.

11 сентября премьер-министром утвержден Примаков.

На работе — плохо: заказов почти нет, зарплаты нет, люди увольняются самостоятельно, но дают и разнарядки на сокращение. Я в своем отделе никого и никогда не сократил, вызывая недовольство начальства. Вынуждены «халтурить», то есть делать проекты для сторонних предприятий, в основном в нерабочее время. Хорошо, что мы еще сохранились и о нас в городе и области знают. Езжу в Ревду, Первоуральск, Невьянск по заказам.

Мне начисляют, но не платят 1400 рублей в месяц. Задолженность по зарплате уже почти двухгодичная. Освоил компьютер, напечатал и разослал родственникам родословную, которую мне удалось составить на основе поисков.

У Веры все хорошо. Медицинские иголки имеют спрос, а значит Мединститут работой обеспечен и зарплату выплачивает своевременно.

Олег работает в «Уральском рабочем». Еженедельник закрыли из-за убыточности. 28 декабря в семье Олега родилась Ася.

В мастерской Буданова кризис из-за кризиса в стране, и Лёня ушел вязать свитеры на малое предприятие своего одноклассника Котова.

В ГСК теперь плачу только взносы — 560 рублей в год. Взносы в саду — 184 рубля в год.

Засадили ближний и дальний огороды, ведь у нас сейчас две семьи.

Осенью собрали:

— картошки 95 ведер
— моркови 30 ведер
— свеклы 8,5 ведер

Засолили 15 трехлитровых банок огурцов и 13 — помидоров, 5 трехлитровых банок грибов.

В лесу, в окрестностях сада, собираем чернику. Ходим на болото за Чусовское озеро за клюквой. Видели рысь, лосей.

1999

14 мая Госдума не поддержала импичмент Ельцину, не собрав конституционное большинство голосов.

19 мая вместо Примакова премьер-министром назначен Степашин.

7 августа в Дагестан вторглись чеченские боевики.

9 августа — отставка Степашина, Председателем правительства назначен Путин.

В декабре выборы в Государственную Думу. После этого все ключевые посты в правительстве заняла «питерская» команда.

31 декабря. Ельцин добровольно ушел в отставку. Согласно конституции, и.о. президента России стал Путин.

Путин в совершенстве владеет немецким языком, кандидат юридических наук. В семье жена и две дочери, общение ведется на трех языках.

На предприятии постепенно дела улучшаются. В апреле изменилось наименование предприятия. Теперь мы «Федеральное государственное унитарное предприятие (ФГУП) Научно-производственное объединение автоматики». Мой оклад 3000 рублей. Получили задолженность по зарплате, деньги, правда, сильно обесценились.

У Веры на работе все хорошо, она лучше всех, без брака сверлит иголки. Вот только отчисления в Пенсионный фонд низкие из-за двойной бухгалтерии, хотя зарплата высокая. Защищать их некому — профсоюза в Мединституте нет.

У нас профсоюз есть, но он «карманный». Вообще сейчас высшим начальством в первую очередь ценятся не результаты работы, а преданность и раболепие.

Лёня вернулся в мастерскую Буданова.

За ГСК платим 560 рублей в год. Место в гараже (№ 646) зарегистрировал в БТИ на правах частной собственности.

2000

В феврале освобожден Грозный.

26 марта Путин победил на выборах в первом туре, набрав 53 процента голосов избирателей.

13 мая Путин создал в России 7 федеральных округов.

17 мая Госдума утвердила Касьянова премьер-министром.

В июне в Чечне введено прямое президентское правление.

12 июня Путин назначил руководителем Чечни муфтия А. Кадырова.

13 августа в Баренцевом море погибла атомная подлодка «Курск».

1 августа — указ Путина о создании Госсовета.

10 октября российскому физику Ж. Алфёрову присвоена Нобелевская премия по физике.

30 декабря Путин утвердил текст Государственного гимна России.

Поднялись цены на нефть, растут золотовалютные резервы страны, ВВП вырос на 8,3 процента (впервые с 1990 года).

Стали постепенно налаживаться дела и у нас на предприятии. Мой оклад вырос до 4,5 тысяч рублей, зарплаты почти не задерживают, но продолжаем «халтурить».

У Веры в Медине все хорошо.

2001

11 сентября теракт в США. Это страшное событие видел весь мир на телевизионных экранах.

26 октября Путин подписал Земельный кодекс.

5 декабря Председателем Совета Федерации избран Миронов.

31 декабря Путин подписал Трудовой кодекс РФ.

ВВП страны вырос на 5,2 процента. Судя по разным информационным источникам, за счет нефти и газа.

Промышленность не развивается, это видно и по нашему предприятию, хотя улучшения есть по сравнению с 90-ми годами, но не с советским периодом. Численность предприятия и отдела уменьшается, новых заказов мало. Моя месячная зарплата достигла 9000 рублей и обогнала Верину. Все еще «халтурим».

Олег в Москве, работает в информационном агентстве «Прайм-Тасс», готовит базу для переезда семьи.

Лёня ушел в рекламную фирму «Семицвет».

2002

28 июня Госдума приняла закон «Об альтернативной гражданской службе».

В октябре — Всероссийская перепись населения.

23 октября — захват заложников в Москве (на просмотре мюзикла «Норд-Ост»).

В декабре принято решение о проведении в марте 2003 года референдума по конституции, выборам президента и парламента Чеченской республики.

В июне в Канаде прошел саммит «большой восьмерки»: США, Великобритания, Франция, Германия, Италия, Канада, Япония и Россия.

ВВП страны вырос на 3 процента.

В отделе нашем осталось 19 человек, пришлось укрупнить группы. Большинство молодых квалифицированных конструкторов уволились, приходится крутиться — тяжело. Зарплата у конструкторов низкая, рабочие получают больше в два раза. Мне зарплату повысили до 11000 рублей, а квалифицированный рабочий получает 20000.

2003

Американцы вторглись в Ирак.

В декабре на выборах в Госдуму победила «Единая Россия».

В стране введен новый порядок выборов губернаторов: президент предлагает кандидатуру, а законодательное собрание региона утверждает.

На работе хорошего мало. Вера все уговаривает увольняться, но я не хочу. 12 мая ушел на должность заместителя начальника отдела, веду проектирование штампов и форм. Месячная зарплата — 13000 рублей.

Получил удостоверение «Ветеран Великой Отечественной войны», благодарность директора и премию 700 рублей. Мои отчисления в Пенсионный фонд правильные, и мои прибавки значительно выше, чем у Веры (в 10 раз).

2004

В Чечне убит А. Кадыров.

1 сентября чеченские боевики захватили в заложники школу в Беслане.

Путин вновь выиграл выборы в первом туре, набрав 70 процентов голосов избирателей.

Работаем все (я, Вера, Лёня) на прежних местах.
Дела на предприятии постепенно улучшаются.
Олег с семьей в Москве.

2005

60-летие Победы в Великой Отечественной войне. Получил поздравления от Путина, Чернецкого, Шалимова, коллектива отдела. От генерального директора Шалимова получил подарок — часы.

С 16 по 27 июня пролежал в больнице с желчным пузырем. За 4,5 тысячи рублей проверили на томографе.

15 августа Вера уволилась и стала неработающим пенсионером. Трудится теперь только в саду. Лёня — в брокерской конторе трейдер. Ася пошла в первый класс.

Олег в Москве работает в Агентстве национальных новостей. 28 декабря у Олега умерла жена Венера.

2006

В апреле получил поздравление от Путина в связи с 61-й годовщиной Победы, благодарность от директора предприятия и премию 1000 рублей.

Освоил конструкторскую программу «Компас», проектирую на компьютере. Кульман просто выбросил.

Лёня перешел на работу в газету «Из рук в руки». Олег работает в журнале «Автомобили».

В марте провел межевание сада, хотели с Верой перебраться в Москву или Подмосковье, поближе к Олегу с ребятами. Когда узнали про цены на московские квартиры, сады — увидели, что это нереально.

30 октября получил «Свидетельство о государственной регистрации права» на земельный участок площадью 1304 квадратных метра (13,04 сотки).

2007

Космос засоряется обломками. 11 января китайцы уничтожили собственный спутник, репетируя атаку на вражеские космические объекты.

Работаю там же. Зарплату увеличили до 19000 рублей.

С днем Победы поздравил Путин. С 75-летием поздравили директор предприятия и коллектив отдела, написав стихи:

Мы знаем Вас немало лет,
И к юбилею написали Ваш портрет.
Какая основная в Вас черта:
Принципиальность? Честность? Прямота?
Активность? Нравственная чистота?
А, может, основной и вовсе нет:
Вы — гармонично сложенный букет,
В котором щедро сложены цветы
Ответственности, мудрой простоты,
Великодушия, душевной теплоты,
Сердечности, любви и доброты.

Лёня работает там же, в газете «Из рук в руки». На работе нашел свою будущую жену — Елену Анатольевну Непомнящих.

В саду собрали: картошки — 24 ведра, моркови — 23, свеклы — 4, яблок — 8 ведер.

Купил цифровой фотоаппарат за 12000 рублей. Очень удобная вещь.

2008

Работаю там же. Зарплату повысили до 28000 рублей.

Путин поздравил с 63-й годовщиной Победы в Великой Отечественной войне. Стал членом «Союза машиностроителей России».

10 апреля родилась Илона — дочка Лены и Лёни.

А сын Олега Егор поступил в МАИ (Московский авиационный институт).

2009

В космосе опять обломки: 12 февраля над Красноярским краем столкнулись два искусственных спутника — российский и американский.

Работаю там же, средняя месячная зарплата — 33000 рублей.

Поздравил президент Д. Медведев.

Олег с ребятами в Москве. Работает журналистом на Первом канале, побывал в Испании.

Вера все лето в саду. Приезжали Егор и Ася на каникулы. Егор вытянулся ростом с отца, Ася растет мало.

2010

Работаю там же. Получил поздравление от Медведева в связи с 65-летием Победы и медаль «65 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов».

Генеральный директор в связи с днем Победы объявил благодарность и дал премию 10000 рублей.

Урожай собрали вдвоем с Верой. Вера стала болеть. Ходили и ездили по больницам и поликлиникам. Давление низкое.

2011

7 марта в больнице № 6 умерла Вера. Последний месяц поочередно дежурили — жили в больнице, в Вериной палате. Меня в реанимацию не пустили, это были очень тяжкие дни в моей жизни.

Хоронили мы Веру на Лесном кладбище, а потом по русскому обычаю были поминки, проходили они в столовой нашего предприятия.

С 1 марта я уволился. Стал свободен и после похорон не знал куда себя девать, чем заняться, никак не мог прийти в себя. Но сад требовал внимания, надо было готовить его к приезду Аси. Постепенно стал смиряться с утратой.

Лёня решил увеличить крыльцо в саду. Убрали яблоню, убрали старое крыльцо, залили фундаментные столбики под новую веранду. До декабря веранда была почти готова — осталось зашкурить и покрасить. Купили вагонку, и я обшил веранду.

С Лёней убрали урожай: картошки — 32 ведра, моркови — 8, свеклы — 4 ведра.

Медведев и Мишарин поздравили с днем Победы.

Уволился я по специальному приказу. На предприятии, чтобы стимулировать добровольное увольнение пенсионеров, была введена специальная система. Тем, кто по собственному желанию увольнялся, в течение 5 лет предприятие выплачивало от 10 до 3 тысяч рублей ежемесячно. По последнему приказу, по которому я уволился, полагалось:

— единовременное пособие 100 тысяч рублей;
— первый год: 7800 рублей ежемесячно;
— второй год: 2600 рублей ежемесячно.

Хороший приказ, но последний.

2012

Тяжелая работа — писать мемуары. Вспоминать прошедшее годы тяжело, все время грызет мысль: кому это надо? Думаю, хотя бы для внуков пишу, может быть, им будет полезно узнать, как мы жили, какое было время. Хотел написать послесловие с оценкой всего происходящего, но передумал, решил, что пора ставить точку.

елена минакова

полынное лето в готопутово

(фото автора)

Дом Людмилы Григорьевны Ермолаевой стоит почти на самом краю села Готопутово Сорокинского района Тюменской области — дальше уже погост. При приближении дом выглядит нежилым. Густо заросли травой ворота. На звук чьих-то шагов приоткрывается занавеска, и появляется лицо пожилой женщины. Каким-то отрешенным взглядом она пытается разглядеть пришедших.

Привыкла Людмила Григорьевна, что в село, хотя и нечасто, приезжают ее бывшие ученики — немало лет отдала она местной школе. Коренная сибирячка, она окончила Тобольское педагогическое училище. Работала в Жидоусовском детском доме воспитателем, затем уже заочно окончила Тюменский институт культуры и искусств. В Готопутовской восьмилетней школе вела уроки рисования и труда вплоть до выхода на пенсию в 1994 году.

В следующем, 2017 году, Людмиле Григорьевне исполнится 80 лет!

По давней традиции бывшие ученики приезжают сюда к родительским могилам. Здесь, в березнячке, и у Людмилы Григорьевны похоронены два близких человека. Сын, умерший от болезни, которую он приобрел в Якутии на тяжелой работе, и муж Александр Леонидович Ермолаев, известный в советскую пору агроном и председатель колхоза «Родина».

Судьба этого человека примечательна. Многие годы на своем посту Александр Леонидович Ермолаев проявлял себя как настоящий хозяин земли. До сих пор, вспоминая о нем, говорят: «Честный был человек». Многим семьям односельчан помог он, построив добротные дома. Сам же с женой и тремя сыновьями довольствовался малой избенкой — комната да кухня. Тут и жили они всегда, даже в пору расцвета колхоза «Родина», который слыл миллионером и считался лучшим в Тюменской области.

Не заслонила великую заботу председателя о своем крае даже личная трагедия. В 1930 году отца Александра Леонида Васильевича Ермолаева репрессировали по «классовому признаку» и выслали из Сорокинского района — он имел очень крепкое хозяйство. В ссылке и родился Александр.

История сибирского села отразила в себе изломы и перемены всех лет борьбы за будущее!

Село пережило даже несколько названий — от Голопупово до Готопутово. Характерность этих мест отразил в свое время в «Записках о путешествии в Сибирь» Александр Николаевич Радищев: «Переехав Вагай, места становятся пустее. От Кусеряка до Голопутова волок, то есть пустое место, где начинают строиться мужики...» Вот здесь-то, на вольных и пустых землях Приишимья, еще в 1735 году и образовалась деревушка Голопупова. Во второй половине XIX века здесь был волостной центр Ишимского уезда Тобольской губернии. В деревянной казарме, обнесенной тыном, находился полуэтап — попутный ночлег арестантов. До революции здесь работали два завода, две кузницы, маслодельня, мельница, в общем, жизнь кипела. Стояла и церковь Ильи Пророка. До 1935 года она несколько раз перестраивалась под разные хозяйственные нужды, а в 1984 году была окончательно разрушена.

Развалины маслозавода на берегу извилистой реки Ик напоминают о былом достатке тех советских лет, когда народ после огромных потрясений взялся за восстановление хозяйства. Колхоз «Родина» объединял уже несколько сел. Появились высокоудойные стада, широкие посевные площади. В каждом селе были свои школа, медпункт, магазин, клуб. У людей были работа и гарантия устроенного быта. Накатила перестройка с инфляцией — это резко изменило колхозную жизнь. Откуда-то у колхоза появились огромные долги — пришлось урезать площади, распродавать технику. Люди пытались заняться частным хозяйством, но у них не было опыта, а прибыли получались ничтожными. Колхозное имущество стало дробиться — его просто растаскивали. В поисках куска хлеба люди подались в города. Позакрывались больницы и школы. Кто-то брался открывать предприятия, но заканчивалось это, в большинстве случаев, банкротством.

У Людмилы Григорьевны Ермолаевой было две заботы — следить за родными могилками и как-то выживать. На кладбище она всегда плакала и досадовала, что честное служение «Родине» не защитило ее

Хорошо, когда приезжают гости... Еще несколько дней их можно вкусно вспоминать!

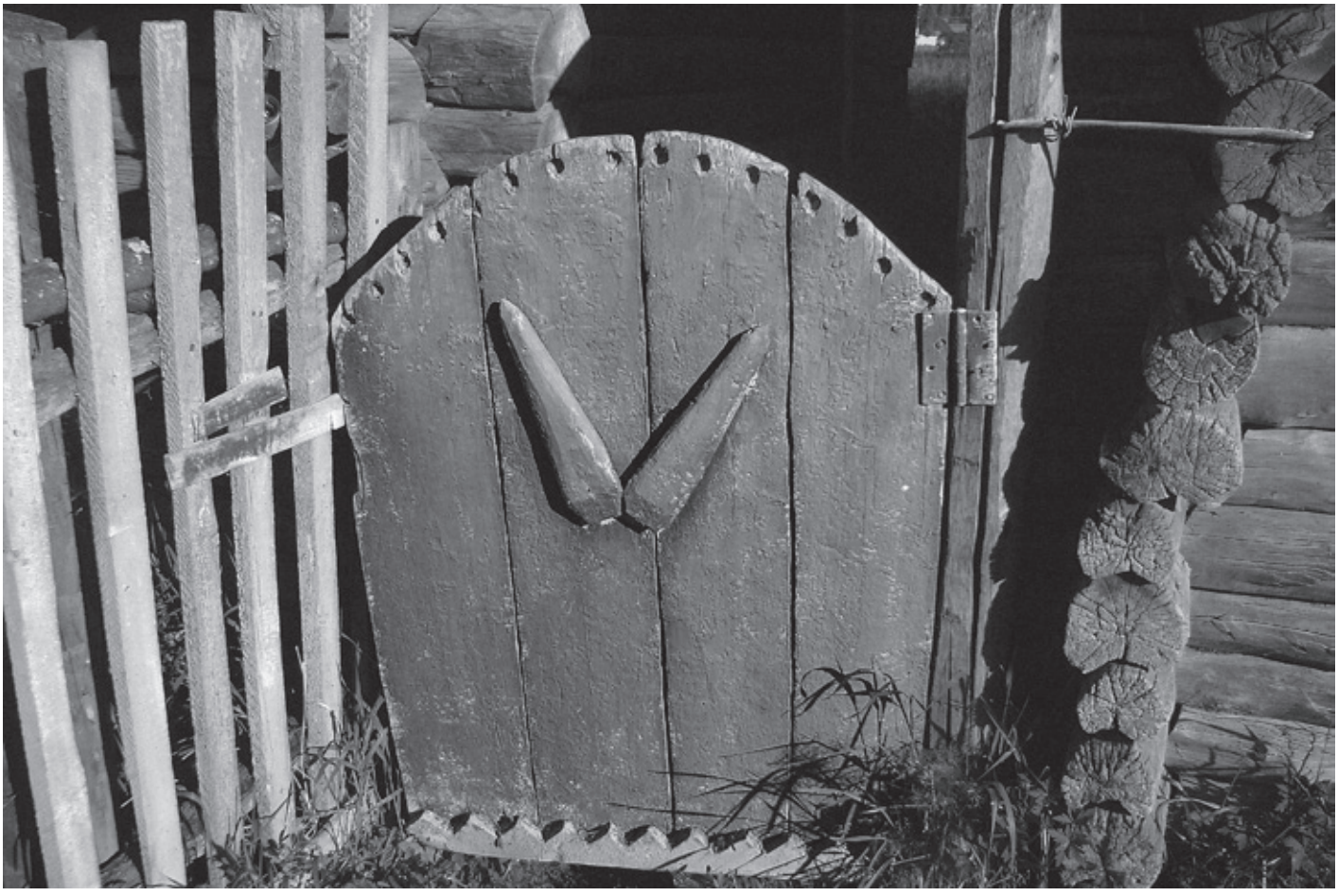
от нищеты. Может, поэтому прошлое добрым словом вспомнить она не может.

Сегодня Людмила Григорьевна за порог почти не выходит. Ноги уже не несут. Тянутся дни от пенсии до пенсии. «Спросите меня, сколько я трачу на лекарства? — с печальной улыбкой спрашивает она и тут же сама отвечает: — А нисколько с такой-то пенсией! Лекарство мое такое — пойду, полыни нарву да обвяжусь, как могу. Помогает или нет, не знаю, но засыпаю. А в больницу позвонить, так сразу допытываются, с какого я года. Узнают и отказывают».

Средний сын живет в этом же Сорокинском районе, но в другом селе. Младший сын — рядом. Уже много лет он страдает тяжелым недугом, но поддерживает мать. Приходит и внук помочь. Теперь они регулярно приносят из магазина по списку продукты. А начнут цены называть, Людмила Григорьевна удивляется — откуда такие, только что гречка была в два раза дешевле!

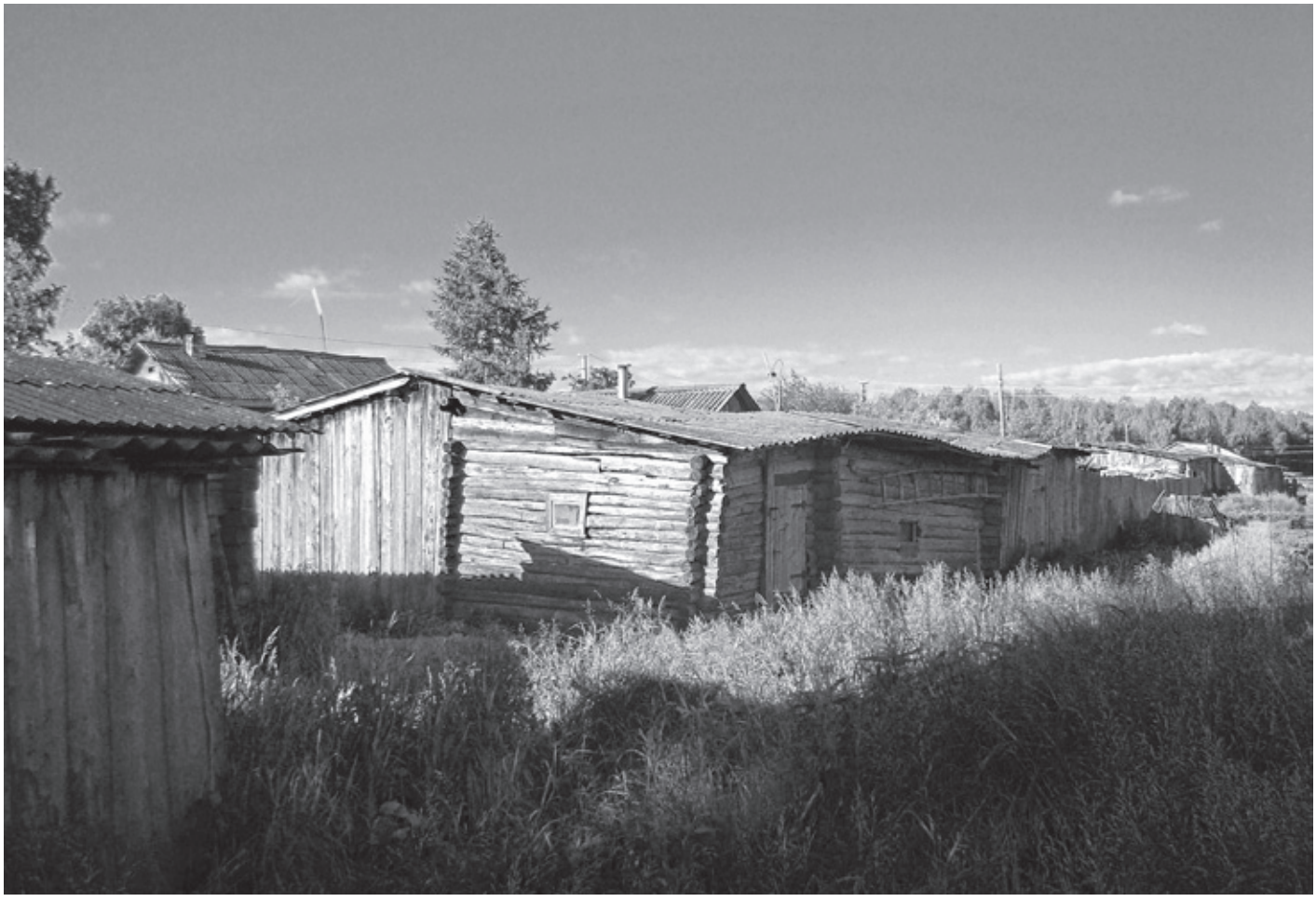
Лето 2016 года, судя по огороду Людмилы Григорьевны, получилось неурожайное, одна смородина чернеет. Остальное просто не растет — может, оттого, что вода держалась долго при разливе Ика. Говорят, нынешнее затопление по своим масштабам — второе такое за 100 лет. А по весне в этом году Готопутово потеряло 13 сельчан. Один за другим стали умирать. И не по возрасту, а кто от чего. У одного сердце прихватило, и пока добирался до больницы, умер по дороге — инфаркт...

сергей перунов

высокий свет земного беспокойства

По паспорту я Перунов Сергей Александрович. Родился в 1976 году в городе Шадринске Курганской области, однако, в детстве много времени проводил в сельской местности, что очень четко отразилось в судьбе и в творчестве.

Учился в Шадринске в школе, потом на физмате педагогического института, но спустя три года бросил его и ушел в армию. Служил на Северном Кавказе в городе, который раньше назывался Святой крест, а ныне Будённовск.

После армии снова учился, на этот раз уже на филфаке того же Шадринского педагогического. В 2001 году перевелся на заочное отделение, женился и уехал в Челябинскую область.

Работал учителем русского, литературы и физики в селе Селезян под Челябинском. А в 2003 году привела судьба в милицию, оттуда прямиком в полицию. И вот уже 13 лет я — следователь. В 2011 году вернулся на пмж в родной Шадринск.

Город наш известен в литературе тем хотя бы, что училась здесь в техникуме известная поэтесса Ксения Некрасова (ее называли «Хлебников в юбке»). Писатель Василий Иванович Юровских тоже наш земляк. Витор Петрович Астафьев у нас бывал, к Василию Ивановичу приезжал. А еще скульптор Шадр — автор «Булыжника — орудия пролетариата» и «Девушки с веслом», художник Федор Бронников, народный академик Терентий Семёнович Мальцев — все шадринцы. И список можно еще продолжать и продолжать...

Осенью 2015 года в Шадринске проходила конференция писателей Урала, на которой вручались премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка, который также неоднократно бывал в нашем

городе, работал, упоминал его в своих произведениях.

А я сам пишу с начала девяностых годов минувшего века. Началом своего литературного пути считаю апрель 1994 года, когда познакомился с ныне покойным поэтом и сценаристом, выпускником ВГИКа Сергеем Чепесюком, войдя в руководимое им литературное объединение.

С того времени был победителем нескольких городских и областных литературных конкурсов. За прошедшие 20 лет публиковался в шадринских, челябинских и курганских газетах, альманахах, коллективных сборниках, немного в московских журналах «Знамя», «Наш современник», в альманахе Ассоциации писателей Урала «Чаша круговая».

В 2015 году был победителем всероссийского литературного конкурса МВД РФ «Доброе слово» в номинации «Поэзия». 3 марта 2016 года мне вручена полномочным представителем президента И.Р. Холманских Литературная премия Уральского федерального округа. В апреле 2016 года принят в Союз писателей России.

До сего дня издал три официальных книжки стихов: «Весна-река» (1999), «Неопалимая рябина» (2012), «Берёзовое причастие» (2005), около дюжины самиздатовских. Готовится к изданию очередная книга стихотворений и поэм.

Влияет ли моя работа на то, что я пишу и как? Конечно, влияет. Часто приходится встречаться с людьми, находящимися, что называется, на грани, а то и за гранью. Видеть то, что другие люди, гражданские, не видят. Но по тем же причинам и хорошее становится гораздо ценнее... А вообще, следственная работа никогда не была для меня основой жизни. Разве что в материальном плане. Я все же поэт прежде всего и всегда был лишь поэтом. И это, как все чаще мне кажется, не просто «высокие слова».

Не выше, не ниже, а сбоку припёка —
вот место поэта до смертного срока.
В кварталах сырых параллельного мира
по нем коммунальная плачет квартира...
(из черновиков ещё 2012 года)

С уважением,
Сергей Перунов

берёзовое причастие

Не с белого листа писалась жизнь моя,
с берёзовой листвы в родимой роще,
что тыщу лет шумела до меня,
и столько же кукушка ей пророчит.

На древней бересте, как на роду,
судьба моя записана задолго.
Я участи счастливее не жду
взамен сыновней верности и долга.

На древе родовом я лишь листок,
в великой Книге Жизни — лишь страница.
Но мне не зря дарован был глоток
берёзового сока — причаститься.

душа народа

Александру Михайловичу Виноградову

Слов кровное родство
давайте помнить будем:
щт корня одного
слова Любовь и Люди,

Начало и Конец,
и Крест и Воскресение,
Творенье и Творец,
и Времени Вращение.

Из устья да в уста,
из речи в речку снова, —
чиста, как береста,
славянских слов основа...

Но ранит нам сердца,
как та шальная пуля,
свист подлого словца
в эфирном смутном гуле.

И хочется пропасть,
оглохнуть, задохнуться,
но не попасть под власть
безвкусного искусства.

Срывается на крик,
ошпарен ядом едким
родной язык — Аз Зык —
мой голос — голос предков!

Нам нынче норовят
взамен богатств бесценных
дешёвый суррогат
подсунуть непременно.
Чтоб знать забыли мы,
кто есть мы и откуда,
чтоб души и умы
сковала нам остуда.

Душа Народа — речь.
Что может быть дороже?
Сумеем уберечь —
себя не изничтожим.

земной поклон

Родиону и Марфе Долгих,
моим крутишинским предкам

Как живые предо мной,
на крылечке рядышком,
Родион — прапрадед мой,
Марфа — прапрабабушка.

Не живали для себя,
а себя прославили:
вы одиннадцать ребят
на ноги поставили.

Внуки, правнуки пошли,
веточка за веткою,
шлют со всех концов земли
весточки приветные.

Ну, а коли в перечёт
свояков да деверей, —
заколышется наш род,
как листва на дереве!

Так от корня одного,
заревого зёрнышка
сад ветвился родовой,
поднимался к солнышку.

Если всех собрать сейчас,
мир бы охнул — вишь, их сколь!
Не хватило бы для нас
площади Крутишинской!

Кабы не лихие дни,
войны, смуты разные,
втрое больше бы родни
собралось на празднике!
Справили бы пир горой
с пирогами, с песнями.

В пляс пошли бы круговой
сёла все окрестные!

Вам, прапрадед Родион,
Марфа прапрабабушка,
благодарный наш поклон
до земли, до травушки!

по грибы

Памяти деда Ивана Захаровича Тарабукина

От мошкары создав себе завесу —
попыхивая «примкой» с однова,
шёл дед заветной тропкой —
в гости к лесу,
и расступалась перед ним трава.

Распахивали ясные оконца
полянки,
бликовала береста,
к себе манили старого знакомца
грибные потаённые места.

Привет вам, сыроежки и маслята!
Как поживаешь, тёзка, Иван-чай?
Любая травка памятна и свята,
весь этот лес, весь милый отчий край!

Шёл дед и вспоминал о каждом шаге,
что в жизни довелось ему пройти —
от сопок уссурийских и до Праги.
Сколь это будет? Полземли почти!

Не раз в невозвратимые потери
зачислен был на страшной той войне.
Когда вернулся, сам с трудом поверил,
что на чужой не сгинул стороне.

Природа там богаче, да, но только —
не зря гласит народная молва:
дороже нет берёзового колка,
в какой ходил по грузди сызмальства.

...А я с корзинкой поспешал за дедом,
на бабочек глазел да на стрекоз,
и никакой заботушки не ведал,
и дедовых не видел светлых слёз.

ползуниха

У нас зовут клубнику «ползунихой»:
её всего удобней брать ползком.

Ни клещ, ни овод, никакое лихо
не разуверят ягодника в том.

Какой азарт! Сперва на донце лягут,
едва его покроют… Но, гляди, —
уж полведра отборных крупных ягод,
а сколько справа, слева, впереди!

С утра в росе весь вымокнешь, а после
пропаришься как в бане на полке.
Как здорово в траве душистой ползать,
с букашками дружить накоротке!

И знать, и верить искренне и просто:
мы — ягодки все поля одного,
и мураши, и люди, и берёзки,
что — вон — глядят с пригорка своего.

…Потом идёшь домой с ведёрком полным
и доброй силы чувствуешь приток.

И долгою зимою есть что вспомнить
за чаем, да с вареньицем притом.

печка

Голландка — печка круглая,
с особым шиком, дескать.
— Слышь, как полешки хрумкает,
аж за ушами трескат!

Дымок цигарки дедовой
струится в поддувало.
Сиди себе, беседовай
о том, что было-стало.

Играя, блики пламени
простенок лаком кроют
и озаряют в памяти
всё доброе, родное.

Тепло плывёт по горнице
волной истомы сладкой.
За мир в душе
покорнейше
благодарим голландку!

письмо астафьева

«Под горой живая река с мерцалой синью…»
из письма В.П. Астафьева Е. Капустину.
дер. Сибла. 07.04.1975 г.

Река с мерцалой синью под горой,
манящее молчанием заречье…
Как вечен свет, далёкий и родной,
так вечно беспокойство человечье.
И человечье только ли?
Близки
в печали тайной — травы, люди, птицы.
От капли малой до большой реки, —
всё словно ждёт чего-то,
всё стремится
как будто вспомнить что-то, что давно
забылось…
Только отблеск звёзд высоких,
воды впитав, на илистое дно
неслышно опускается в протоке.

у истока судьбы

Памяти писателя Василия Ивановича Юровских

Оставляем родные гнездовья
без надежды вернуться назад.
Но они в нас фантомной любовью,
тихой болью, как прежде, горят.

От того и не ладятся судьбы,
бестолково проходят года,
и бурьяном в душе безрассудным
прорастает беда-лебеда.

И какого всё ждём мы ответа,
ищем счастья какого вдали,
за своей суетой несусветной
зов не слыша родимой земли?

А пустая изба сиротливо
в помутневшую воду глядит,
словно броситься хочет с обрыва,
да мешают ей ветви ракит.

Нет, нигде нам не будет покоя,
ветер в поле лови — не лови,
наше счастье вот здесь, над рекою,
у истока судьбы и любви.

По весне возвращаются птицы,
с доброй весточкой к дому летят.
Вот бы верности нам поучиться,
вместе с ними вернуться назад…

неопалимая рябина

Я хотел бы прожить на земле этой долгую жизнь,
научить своих внуков любить, и работать, и верить,

что когда-нибудь в мире не будет ни злобы, ни лжи
и откроются к вечному счастью заветные двери.

Я б хотел пережить всех ровесников и написать
мемуары толковые, чтобы потомки узнали,
как мы жили и как добывали свою благодать —
из позорных времён да по зёрнышку светлой печали.
А ещё — чтоб душа, отлетая в осеннюю грусть,
пусть уже попрощавшись со всем дорогим и
любимым,
вдруг узрела на миг Золотую Великую Русь,
возрождённую в пламени неопалимой рябины.

над рекой

Старый храм с провалившимся куполом,
побывавший на долгом веку
и колхозным амбаром, и клубом,
в обмелевшую смотрит реку.

Там у берега бродит по зарослям
заблудившийся пёстрый телок,
догнивает (никто не позарился)
плоскодонка, уткнувшись в песок.

Зарастают тропинки нехожие
безымянной травой-муравой.
Вновь безвременье, вновь бездорожье —
то былинным ветрам не впервой.

Осыпается ягода спелая.
Даль небес голуба и пуста.
И берёзка на храме Успения
зеленеет заместо креста.

«платформа 184 км»

Вдоль насыпи медовый донник.
Увит вьюнками семафор.
И дольки солнышка в ладонях
ромашки носят с давних пор.
Здесь остановка лишь по требованию.
Бывает, в летние деньки
из электрички, словно с неба,
десантом скачут грибники.

В бору аукается сонном
протяжный гул — мечте вдогон.
А рельсы чутким камертоном
настраивают сосен звон.

Но вмиг звучание убавится,
когда, свой сокращая путь,
на камертон присядет бабочка,
минутку чтобы отдохнуть.

первый снег

Впервые видя белый свет,
по голым веточкам кленовым
скользит весёлый первый снег,
своим сияньем зачарован.

Искрится в нимбах фонарей,
прохожих дрожью пронимает.
И удивлённый воробей
его за мошек принимает.

А снег летит, а снег спешит,
кружа, снижаются снежинки.
Желает снег от всей души,
чтоб всем досталось по смешинке.

Он не успеет: до земли
не долетит, в моём дыханье
растает первенец зимы —
и станет новыми стихами.

ветерок

Всё тает и течёт, недели две ещё,
и снимем мы тяжёлые одежды.
Приветствуем тебя, весною веющий,
прохладный водянистый ветерок,
ты вербы распушил, вернул надежды
и растопил в берёзках сладкий сок!

Без устали ты носишься над праздничным
весенним миром, то спешишь на берег
речушки, то в саду у нас проказничать
торопишься, то в форточку влетишь,
то вдруг взовьёшься к самой стратосфере,
то вновь колышешь у реки камыш.

Как юный ангел, только оперившийся,
везде успеть ты хочешь, непоседа,
весь мир обнять, сейчас тебе открывшийся,
увидеть, и запомнить, и понять.
Ты даришь столько радости и света,
неся на крыльях Божью благодать!

мужыкант

У большого магазина,
у высокого крыльца

с утреца сидит мужчина —
на трёхрядке «ум-ца-ца».

Рядом в баночке помятой
мелочь, несколько рублей.
На чекушечку, понятно,
собирает дуралей.

А у ног его синицы
шелуху в снегу клюют.
А от песен гармониста
в сердце — радости салют!

И прохожие бросают,
не скупясь, по медяку.
И давно уже хватает
на чекушку мужику.

Но играет, не уходит,
не для денег, для души.
И задорно так выводит,
хоть бросай всё да пляши!

по дороге в нижний яр

По какой нужде — не помню,
только солнышко взошло,
напрямки да через пойму
мы поехали в село,
что лежит неподалёку
и зовётся Нижний Яр.
Ту «короткую дорогу»
долго буду помнить я!

К водопою той дорогой
шли колхозные стада,
а скота водилось много
в достославные года!
Как телега наша только
не распалась на куски:
путь был гладким, как скатёрка
из-под стиральной доски.

И в прямом и в переносном
смысле был я потрясён...
разнотравья духом росным,
дикой радостью во всём!
До сих пор: глаза закрою —
луг цветущий предо мною!
А на холке синяки —
это, право, пустяки.

одинокая песня

В сухопаром осиннике возле болотца
с полведёрка опят в редкий год наберётся.
Но зато там такая стоит тишина,
что Земли одинокая песня слышна.

Ветер в такт ей легко камышами шуршит,
и осинки тропу осыпают листами.
И, как эхо в осенней глубокой глуши,
из души осенённой стихи льются сами...
Я вернусь лишь под вечер, мокрёхонек весь.
Дома вновь заворчат, с неподдельным испугом:
«Выпей чаю с малиной да на печь-ту лезь,
не иначе, водил тебя леший по кругу».

Хорошо растянуться на русской печи:
от болезни любой нет лекарства полезней!
Только сердце всё так же тревожно стучит,
всё мне слышится та одинокая песня.

провода

«Над полем низко провисая,
Лениво стонут провода...»
А. Твардовский. «Рожь, рожь...». 1939 г.

Вороньё по ближним колкам
разлетелось — кто куда.
На ветру сыром и колком
стонут в поле провода.

Их ещё не сняли воры,
но уже электроток
отключён к сельцу, в котором
три избы, старух пяток.

Перестройка, крах державы,
рынок (в скобочках — разбой)...
Был колхоз, когда-то славный,
развалился сам собой.

Все разъехались — кто в город,
кто на кладбище, и вот —
пять старух тоску и горе
делят уж не первый год.

Трудно им, конечно, трудно,
хуже, чем в года войны.
Как на острове безлюдном
посреди большой страны.

Родина, Россия, где ж ты?
Не осталось и следа.
Как последняя надежда —
в поле снежном провода.

над исетью

Табунами тучи над Исетью
гонит ветер, щёлкая кнутом.
Было так назад тысячелетья,
будет так, когда и мы уйдём.

Как же наши мелочны обиды,
суетны и бестолковы дни.
За дровами леса мы не видим
и живём, как будто бы одни.

Опрометью только и приметим,
как, ремённым щёлкая кнутом,
табунами тучи над Исетью
гонит ветер вдаль за окоём...

Солнышка за мороком тяжёлым
не видать, не слышен птичий звон.
Говорят же старики по сёлам:
— Дождь с полдён — так, верно, на семь дён.

забытый летний вечер

Закат жарптицевого цвета
над тихой улочкой села.
С ним догорело наше лето,
и наша юность отцвела.

Я, как бесценную святыню,
держал в руке Её ладонь.
Казалось, вечно не остынет
в душе зажёгшийся огонь.

Мы попрощались на дороге.
И надо мной, кривя оскал,
смеялся месяц тонкорогий:
— Что ж, даже не поцеловал?!

А я был рад: какие годы,
ещё сполна своё возьму!
Не зря звезда за огороды
скатилась, рассекая тьму.

Давно уж отхолостовали,
и звёзд — как яблок в Светлый Спас.
А вечера того едва ли
счастливей вспомнится сейчас.

азимут судьбы

К осени трава от солнца выгорит,
как мальчишек русые чубы.
И дожди просыплются на пригород,
в ближних колках вновь пойдут грибы.

В огородах на кострищах жертвенных
задымит увядшая ботва.
В путь пора, однажды предначертанный,
птицам перелётным отбывать.

Ну а нам — запасы делать на зиму,
складывать за пазухой избы,
по приметам прадедовым азимут
проверяя собственной судьбы.

приисетье

Обнищало нынче Приисетье,
многих деревень недостаёт,
не одну войну и лихолетье
перешедших, словно речку вброд.

Это что ж за времечко такое?
Вроде нет ни сечи, ни чумы,
отчего ж, как прежде, над рекою
труб печных не тянутся дымы?

Петухи на зорьке не горланят,
ботала коровьи не бренчат,
на вечорках, как бывало ране,
не звенит задорный смех девчат.

Не медовым духом разнотравья,
гарью от лесов заволокло
край родной, как будто стало явью
в старых книгах проклятое зло.

Для того ль шли прадеды седые
за Урал с Онеги, с Холмогор,
чтобы мы все добрые труды их
привели в забвенье и разор?

Для того ли не одно столетье
проливали кровь свою и пот?

Нешто басурманам Приисетье
по кабальной грамоте пойдёт?

сергей мальгавко (фото)

их сдружило море и связало слово

Они никогда не виделись, но дружба их, морская и мужская, крепла и продолжалась многие годы. Ко времени знакомства у каждого уже почти определился свой порт приписки. Писатель, киносценарист и капитан дальнего плавания Виктор Конецкий жил и работал в Ленинграде, а писатель, художник и тоже человек с большим опытом мореплавания Евгений Пинаев прибился к уральскому берегу — сухопутному Свердловску. В далеких 1980-х их соединила, прежде всего, ностальгия по неисчислимым морским дорогам, дающим постоянную пищу для художественного воображения.

Началось все с неожиданного телефонного разговора. Потом пошел обмен впечатлениями и книгами. Пинаев выслал Конецкому свою книгу «Мир дому твоему» и акварельные работы. Из Ленинграда пришел теплый ответ — книга с повестями и рассказами «Путевые заметки с морским пейзажем». На светлом фоне форзаца Конецкий оставил автограф:

«Боцману-дракону Пинаеву от квази-капитана Конецкого на добрую память. 27.06.85 г.».

Здесь же следует текст-признание:

«1. Самое хорошее в Вашей книге — боцманские записки (но без дурацкой могилы Маркса и отказа выпить с американскими морячками).

2. Акварели Ваши наполнили меня бело-черной завистью. Они такие «мокрые» и свободные! Очень завидно.

3. Удачи Вам во всех обширных начинаниях.

В.К.».

По поводу шутливых реплик. Пинаев пояснил, что как-то они с командой оказались в Лондоне, и их сразу же повели на Хайгетское кладбище исключительно отдать дань великому коммунисту — Карлу Марксу — «Бороде». А время это можно было потратить и по-другому. Вот по поводу чего Конецкий иронизирует в своем письме. А что касается «американских морячков», то они были не в курсе наших суперстрогостей, когда пытались угостить советских парней своим виски. Об этой встрече, тоже в Англии, Пинаев рассказывал в публикации «Над нами паруса».

Хронику отношений заполнили письма. Не все они, к сожалению, сохранились. На их страницах звучал юмор, но чувствовались порой тревога и печаль, которые тогда витали над людьми, пытающимися оставаться свободными в своем деле. Да и сейчас эти ощущения многих не отпускают.

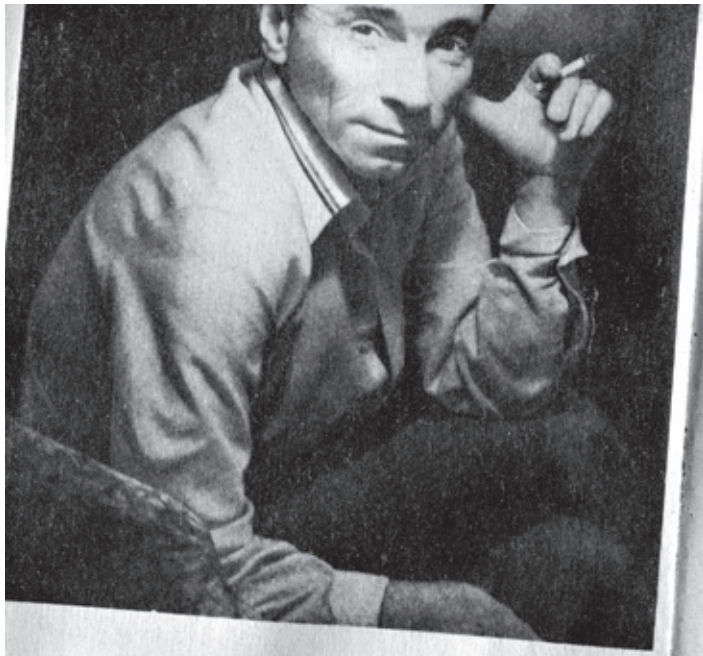
1983 год... Из Ленинграда приходит конверт с типографским следом того времени: изображен октябрьский флаг и так далее... А в конверте листок, размашисто заполненный с обеих сторон:

«Дорогой Евгений! (Отчество угадать не могу).

Спасибо за письмо, хотя оно и грустное. Замечательные слова Вы нашли: «Существование смысла при оторванности ощущается острее и ценится дороже».

Я сейчас в Вашем положении — с морями завязано. И вообще, время пришло, а начальство, как Вы, вероятно, догадываетесь, от моих последних книг не

Ледовые брызги

ИЗ ДНЕВНИКОВ ПИСАТЕЛЯ

Евгению Тихонову — на всякие добрые плавания и с пожеланием удачи на всех фронтах —

Даниил Гранин

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ 1987

04.12.87г

в восторге: из БМП вышибли. В 55 году я был КМ** «МРС-823» на перегоне, тогда Моряков был командиром моего отряда. На «Крузенштерне» я крутился еще в 45 году, когда стоял у набережной Красного флота — хороший барк! Дай ему господь — пусть плавает подольше.*

Очень заинтриговало то, что Вы бросили институт Сурикова — это была мечта всей моей жизни с раннего детства. Неужели совсем бросили живопись? Такого в жизни не бывает — не хочу верить.

Спасибо Вам за добрые слова. Будете в Питере, звоните обязательно.

С дружеским морским приветом,

Ваш Конецкий. 03.06.83 г.».

Упомянутый в письме Моряков работал в Морском агентстве по перегону судов. Именно к нему попал еще в студенческие годы Пинаев. Он тогда был в Ленинграде и пришел в агентство узнать, что и как. Моряков принял его, выслушал и предложил отправиться на север в Арктику. Сам он был командиром отряда судов, участвовавших в перегоне по Северному морскому пути. В 1958 году Пинаев отправился в рейс на спасательном буксире «Бдительный», а Конецкий плавал в те же годы на МРС — малом рыболовном сейнере. Эти суденышки моряки называли «мартышками», именно на таком сейнере Конецкий дошел аж до Камчатки.

По текстам писем видно, что в какие-то моменты Пинаев шел по морскому следу своего старшего товарища. Оба навсегда побратались с морем и тосковали по нему в каждой разлуке, оба в своем литературном творчестве постигли глубины интеллектуальной маринистики.

Виктор Викторович Конецкий — писатель с именем, морской офицер, вся его судьба крепко связана с флотом. С 1953-го по 1955-й служил на судах Аварийно-спасательной службы Северного флота, некоторые его наблюдения той поры легли в основу новеллы «Путь к причалу» и одноименного фильма. После демобилизации в должности капитана МРС-823 принял участие в перегоне судов по Северному морскому пути из Петрозаводска до Петропавловска-Камчатского. Это был первый в истории переход каравана малых судов в условиях Арктики. Северным морским путем он прошел четырнадцать раз. Добрался, пересекая океаны, и до берегов Антарктиды. Теперь он ходил в рейсы на торговых, научно-исследовательских и пассажирских судах. С середины 50-х, не оставляя флота, начинал писать и публиковаться. Из-под его пера вышли десятки книг.

Книги ленинградского писателя всегда занимали самое почетное место на книжной полке уральского писателя Пинаева. Бросив суриковский институт, он отправился на долгие десять лет нести морскую службу сначала матросом, потом боцманом на рыболовных и учебных парусных судах. Плавал на самом знаменитом русском паруснике «Крузенштерн». В этом году знаменитому барку исполнилось 90 лет. Хотя Пинаев «суриковку» и оставил, но кисть из руки не выпустил, продолжал искать новые сюжеты, делал выставки и был принят в Союз художников. На полотнах самобытного мастера запечатлено увиденное в странствиях к берегам Кубы, Африки, Англии, Арктики, Америки. Окончательно Евгений Иванович пришвартовался к уральскому озеру Таватуй, которое дает ему некоторое утешение, он называет воды озера Мини-Балтикой. В книгах Пинаева живет неистребимый дух романтики, показано мужество в схватке с грозной стихией, и в воспоминаниях оживают портреты друзей.

Но вернемся к дружеской переписке двух моряков. 1986 год — очередное письмо:

«Дорогой Евгений!

С июля я плавал в Арктике. Вернулся и вот смотрю на завал из почты. И вижу, что на присыл книги с «Катькиным столбом» не ответил. Стучу себя по пустой башке. Извини, брат. Рассказ хороший и запомнился. Только вот: Венера не звезда, а планета — две большие разницы, как говорят в Одессе. Это для Симонова — один черт, а для нашего брата... Нет в нашем деле мелочей.

Исповедь твою прочитал с болью — слишком многое слишком хорошо знакомо из собственного опыта. Однако не занимайся самоедством: нас еще героями назовут за то, что мы в такое время не только не скурвились, но даже умудрялись заниматься искусством. Это я серьезно.

Слайды твои смотрел только через лампочку (то есть на лампочку) — фильмоскопа нет. Нравится мне и писаное, и рисованое, и боль твоя. Однако — терпеть надо.

Обнимаю тебя!

В.К., 02.11.86.».

Только люди с твердым и чистым пером могу так искренно и отрыто болеть от того, что творится вокруг, и так доверительно делиться друг с другом своей болью, своими мыслями.

А строки Симонова, которые прозвучали в рассказе «Катькин столб», такие: «Над черным носом нашей субмарины взошла Венера, странная звезда. От женских ласк отвыкшие мужчины, как женщину, мы ждем ее сюда». Герой Пинаева решил, что поэту простительно называть планету звездой для красоты слога, потому что он не был судоводителем.

В 1987-м писатель Виктор Конецкий присылает на Урал своему литературному собрату книгу «Ледовые брызги» с автографом:

** БМП — Балтийское Морское пароходство*

***КМ — сокр. капитан морской.*

Евгений Пинаев в своей мастерской, незадолго до пожара

Фото Евгения Козлова. На берегу Таватуя, в поселке Калиново, где живет писатель и художник Евгений Пинаев

Мемориальная доска на доме, где родился писатель Виктор Конецкий. Санкт-Петербург, ул. Набережная Адмиралтейского канала, №9

«Евгению Пинаеву — на всякие добрые надежды и с пожеланием удачи на всех фронтах, Ваш Конецкий. 04.12.87 г.».

Замыслил Евгений Пинаев написать портрет Конецкого, имея только его фотографию. На воплощение замысла ушло много времени. Когда работа была почти завершена, Виктора Конецкого уже не было — он ушел из жизни в 2002 году. А в 2008 году мастерская Евгения Пинаева попала в пламя пожара, который перекинулся с соседского двора. Тогда сгорела огромная часть архива, погиб в огне и портрет. Единственное утешение, что почти все работы в это время находились в персональной экспозиции, организованной Ирбитским государственным музеем изобразительных искусств. Пламя пощадило книги Конецкого с его автографами, облизав только переплеты.

Об этом страшном происшествии было рассказано в первом номере «Проталины». Пережив потрясение, Евгений Иванович переслал номер «Проталины» в Санкт-Петербург вдове писателя Конецкого — Татьяне Валентиновне Акуловой, так как не мог не поделиться своим горем.

В августе 2016 года из Санкт-Петербурга пришла весточка от Татьяны Валентиновны — письмо и книга воспоминаний о Викторе Конецком «Человек из морского пейзажа». В объемистом сборнике, вышедшем в свет в 2014 году, собраны больше двух десятков очерков литераторов и мореплавателей, которые знали и помнят певца морских дорог, капитана дальнего плавания, «морского волка». В их числе Даниил Гранин, Игорь Кузьмичёв, Андрей Битов, Юрий Рытхэу, Григорий Данелия, Игорь Золотусский, Глеб Горбовский, Валерий Попов и другие...

Интересно и письмо Татьяны Валентиновны:

«Дорогой Евгений Иванович!

В архиве Виктора Викторовича нашла Ваше письмо мужу и две замечательные Ваши работы. И устыдилась, что до сих пор не послала Вам книгу. Исправляюсь.

Я писала в «Каравеллу», чтобы уточнить Ваш адрес, но ответа не получила, так что посылаю на деревню Дедушке.

С уважением,
будьте здоровы,
Татьяна Акулова-Конецкая.
19.08.16.».

Хотя это письмо, по словам пишущей, было отправлено «на деревню Дедушке», оно все равно нашло своего адресата.

Редакция журнала «Проталина»

Дорогой Евгений!
(счастья угадать не могу)
спасибо за письмо, хотя
оно и грустное.
Замечательные слова Вы
нашли: «и существование смысла
при отсутствии ощущения
встреч и увлечённых чтений».
Я сейчас в Вашем положении –
с морем давно. И вообще
время пришло, и начальство, как
Вы вероятно догадываетесь, от
моих писулек книг не ждёт
восторга: ну БМП вышибал.
В 55 г. я был КМ «МРС-823»
на переходе, тогда мореплаванье было
командирам много отрады.
Да и «Кругосветка» я крутанул
еще в 52, когда он стоял
у нас, Красного Знамени. – Хороший
барк! Дай ему Господь – пусть
плавает подольше.

на вечном причале

Снимки из архива «Проталины»

29 сентября 2016 года ушел из жизни Евгений Иванович Пинаев — художник, писатель, моряк. А для нас он был просто близкий человек. Родной по духу и четко понимающий цели и задачи нашего дела. Евгений Иванович с самого первого номера был в составе Общественного совета «Проталины», а, по существу, кровно жил интересами журнала.

Он щедро отдавал сердечное тепло людям, отыскивая крупицы таланта, и рад был каждой такой находке. Его талант освещал многие страницы «Проталины». Благодаря ему мы обрели много хороших авторов, потому что он был по-настоящему предан литературному делу и неутомимо боролся за то, чтобы «Проталина» держала верный курс. Он и сам всегда твердо придерживался своего жизненного курса, а это требует большого мужества и целеустремленности.

Евгений Иванович любовно относился к людям, всегда хранил память о своих друзьях, людях тоже необычных, и в страницах его воспоминаний живут их имена.

В этом номере идет материал об удивительной дружбе двух единомышленников, никогда не встретивших друг друга. Их связывала переписка, согревала любовь к морю и верному Слову. Евгений Иванович в начале сентября предоставил нам свою переписку с известным писателем-моряком Виктором Конецким. Мы подготовили материал к публикации. И решили уже ничего не менять во временной подаче этого текста, оставили все, как было при нашей работе.

13 сентября Евгению Ивановичу исполнилось 83 года. Его душевное беспокойство, его творческая щедрость и дружеская теплота остаются с нами.

Редакция журнала «Проталина»

С молчаливым другом

Друзья далеко, а как будто рядом

Перед последним мазком… Как-то недавно Евгений Иванович рассказал про свой сон, будто его кисть пишет «Рифы».

Наконец-то «Бродячая кошка» пришвартовалась. Писатель дает автограф на долгожданной книге

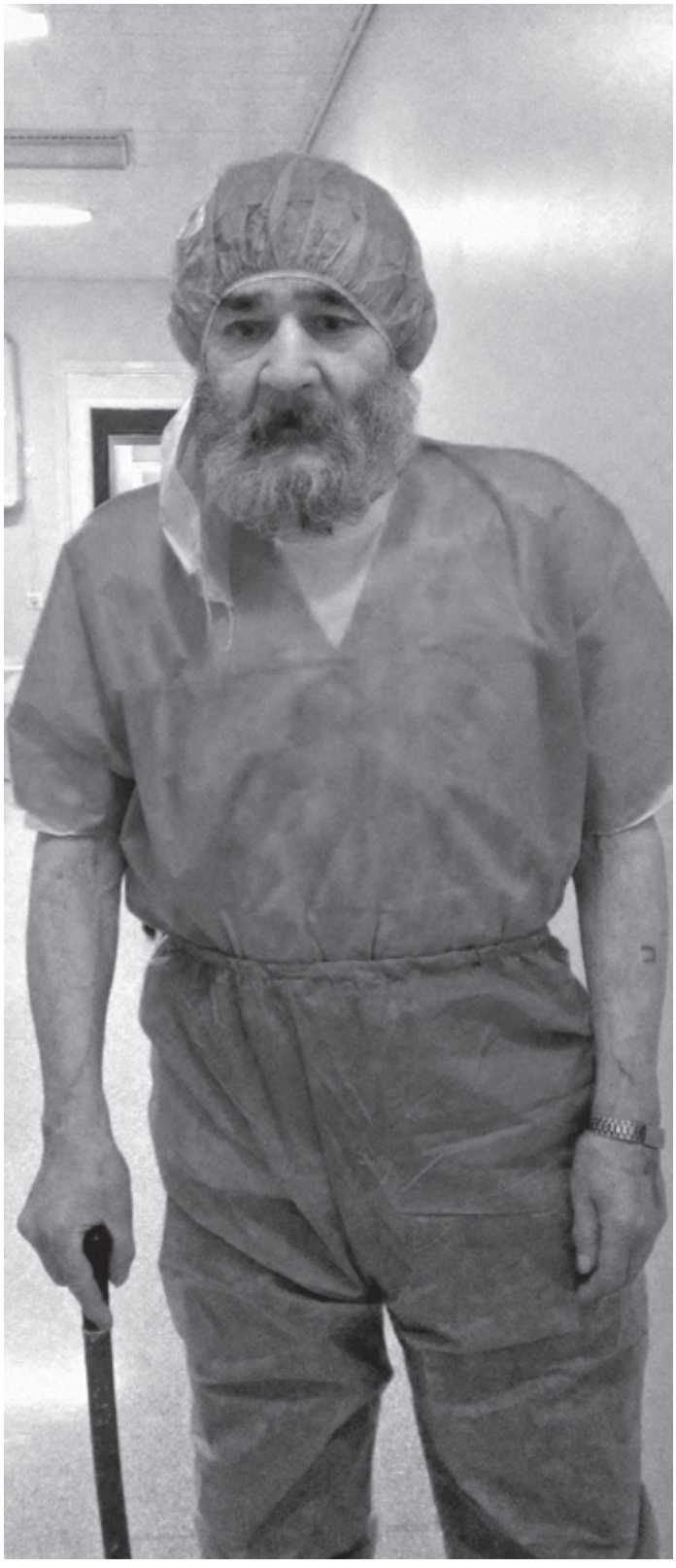
Письменный верный стол

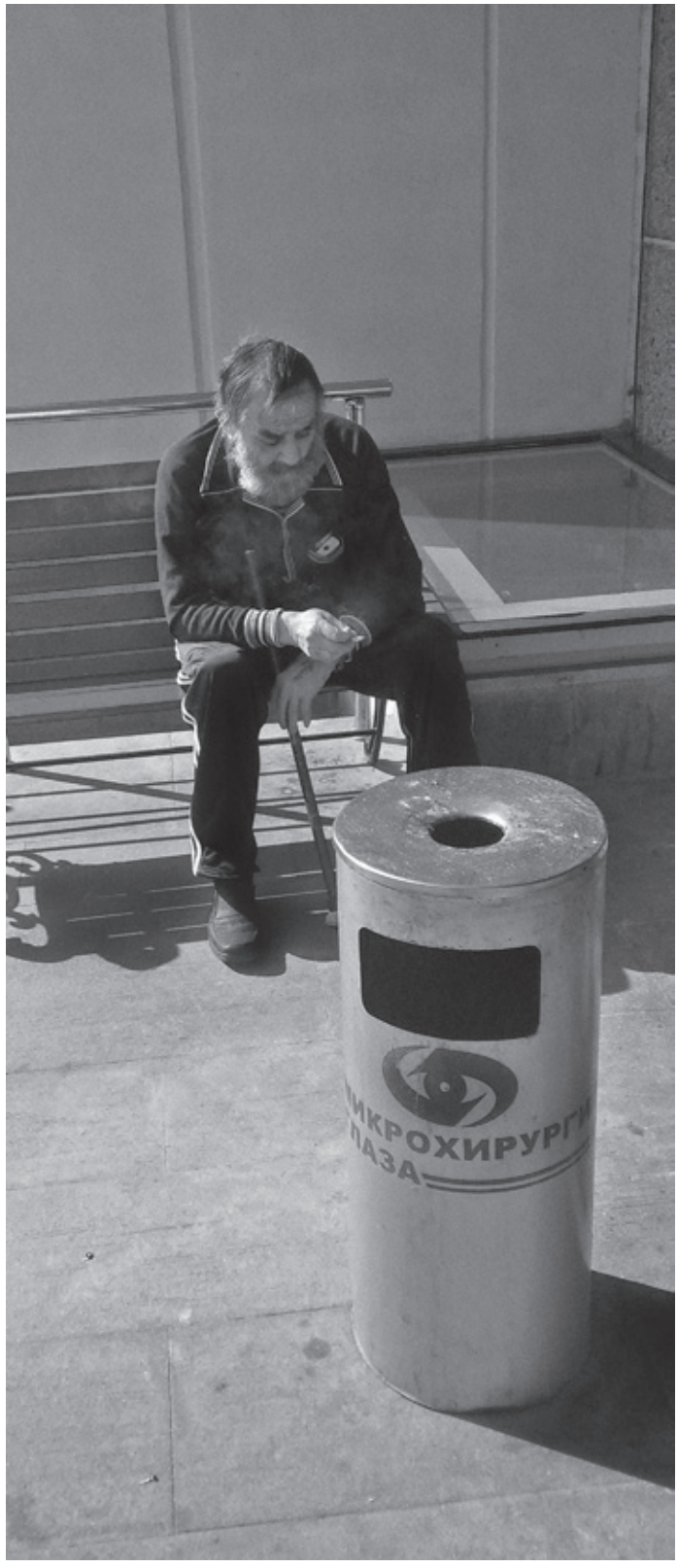
На пепелище своей мастерской. Огонь уничтожил самое ценное для художника — его архивы и морские «трофеи» из дальних плаваний

Все крепче держит земное притяжение, а флаг все равно на мачте

В операционной экипировке перед отчаянным боем за зрение

Во дворе клиники. 2015 год

Автопортрет

татьяна осинцева

ожившие голоса мертвых

Свидетельства трагедии Александро-Невского прихода и его прихожан

Родилась Татьяна Осинцева в Свердловске. Окончила радиотехникум и Уральский государственный университет по специальности «История искусств». Много публиковалась в различных изданиях. Ее перо очень любопытно и всегда наготове, ее интересуют многие аспекты жизни — поэзия, драматургия и, конечно, история. И вот судьба ее привела к полкам с многотомными архивами, страницы которых так неохотно и медленно открывает история.

Живет и работает Татьяна Осинцева в Екатеринбурге.

Всех уровняют могильные плиты,
Но скоротечной судьбе вопреки
Мертвого времени сок ядовитый
Долго питает живые ростки.
Светлана Марченко

Это рассказ о трагических страницах русской жизни, о переживании прошлого, которое стучится в наши сердца, как пепел Клааса. В жизни прихода одного уральского села как в капле воды отразилась судьба нашей Родины, нашей веры, всего нашего народа.

В какой-то момент начинаешь понимать, что каждая история — это не только чье-то личное дело. Все оставляет свой резонанс. Память и памятование — общее дело всех.

Самое главное, что я увидела, знакомясь с архивами, — не надо ничего придумывать и комментировать. Вопиющие факты говорят сами за себя. Все документы — следственные дела из ГААОСО (Государственного архива административных органов Свердловской области).

Рассказ относится к августу 1937 года. В центре событий — Александро-Невский приход уральского села Шурала, тогда там служил настоятелем отец Михаил Хлопотов. Речь пойдет также о священниках Невьянского благочиния — протоиерее Григории Лобанове, протоиерее Леониде Коровине, диаконе Николае Иванове и других.

Трагично сложилась судьба и двух архипастырей, возглавлявших свердловскую кафедру в 1935—1937 годах. Это архиепископы Макарий Звездов и Петр Савельев, они были арестованы и расстреляны.

Все, чьи имена названы, были арестованы 6 августа 1937 года по ложному обвинению в участии в контрреволюционной повстанческой организации церковников. Это было сфабрикованное в недрах НКВД дело об организации, которой фактически никогда не существовало.

немного предыстории

Это все свидетельства о том, как планомерно и систематически уничтожалось православие в России.

Для того чтобы система безбожной власти задействовала, были избраны два главных оружия: страх и быстро сфабрикованный образ врага. «Враги народа» придумывались в самых разных типах: диверсанты, шпионы, троцкисты, перечислять можно бесконечно… И практически огульно врагами объявлялись люди, причастные к церкви — «мракобесы в рясах», любые религиозные организации.

Активно разрушала православные устои и вдруг возникшая «обновленческая» церковь, предлагавшая свои новшества в расчете на покровительство советской власти. А власть в свою очередь могла рассчитывать на встречное угодничество со стороны обновленцев для укрепления нового режима. Опорой «новшества» стали молодые священники из далеких приходов, занявшие высшие вакансии. Это был удар по многовековой православной традиции, по существу, раскол, хотя и без этого происходили споры и трения между направлениями, в частности, между сергиевским и григорьевским по именам сановитых церковников. В Екатеринбурге оказалось, что большинство прихожан были «григорьевцами».

Сложившаяся ситуация привела простых верующих в полное замешательство. С одной стороны агитируют обновленцы, а с другой идет тотальная слежка, составляются так называемые «меморандумы» на владыку, батюшек и соседей. Все эти обстоятельства будут отражены в документах многочисленных следственных дел.

С 1934 года в атмосфере тотальной слежки как предвестие новой волны террора возникает повод для особо крупного дела — дела «церковников».

Сохранилось обвинительное заключение по делу Петра Холмогорцева — митрополита григорьевского направления. По нему проходили 22 человека. Следствие якобы установило, что в 1934 году в Москве митрополит Сергий Страгородский создал антисоветский блок — «Объединенный церковно-политический центр», который объединил, как утверждалось, все повстанческие организации церковников, стоящие на одной фашистской платформе. В деле читаем:

«На Урале уполномоченным этого центра являлся митрополит ВВЦС Петр Холмогорцев и епископ Тихоновской ориентации Макарий Звездов и Глеб Покровский, которыми и была развернута интенсивная работа по созданию на Урале контрреволюционных повстанческих кадров из числа церковников, кулаков и антисоветских элементов.

В 1935 г. духовенство возглавили Петр Холмогорцев, епископ Петр Савельев и митрополит Трубин».

По документам значилось, что Петр Холмогорцев входил от контрреволюционной организации церковников в Уральский повстанческий штаб (УПШ), объединяющий контрреволюционные повстанческие формирования троцкистов, правых, эсэров и церковников.

Дела фабриковались для того, чтобы осуществить все последующие репрессии. А целью их было — обезглавить руководство Русской православной церкви и так решить очередную идеологическую задачу.

1937-й — России черный год

30 июля 1937 года вышел приказ всем известного наркома внутренних дел СССР Н. Ежова «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов».

В соответствии с этим приказом всем подразделениям НКВД предписывалось начать операцию по репрессированию «врагов народа».

Требовалось приговорить к расстрелу или заключению на десять лет в ГУЛАГ 268 тысяч 950 человек по всей стране. Операцию планировалось начать 5 августа 1937 года и закончить в четырехмесячный срок, однако в январе 1938 года было разрешено репрессировать еще 56 тысяч человек. Все республики, края и области получили свою квоту репрессируемых лиц. Сотрудникам НКВД в это время было официально разрешено применение к подследственным физического воздействия, то есть пыток.

На Урале, согласно этой разнарядке, следовало репрессировать 10 тысяч человек (из них 4 тысячи должны быть приговорены к расстрелу, а 6 тысяч — к заключению на 10 лет в ИТЛ). Но по показаниям высших начальников УНКВД по Свердловской и Пермской областям было репрессировано в два раза больше. В документах упоминается цифра 24 тысячи человек.

Возможно, этому акту предшествовало бедственное состояние колхозов (неурожай 1936 года), которое не отвечало заданной сверху оптимистической настроенности, что в стране «жить стало лучше и веселей», а победа социализма не за горами. Необходимо было заглушить недовольство, найти виновников экономического и социального неблагополучия.

Несмотря на массовое закрытие церквей, религиозная жизнь не умирала, духовные ценности по-прежнему играли большую роль в жизни и укладе людей, особенно деревенских. Документы свидетельствуют, что многие продолжали участвовать в богослужениях, посещать церкви и соблюдать обряды. В престольные праздники рабочие старых уральских заводов не выходили на работу. Верующие сохраняли и передавали из

поколения в поколение иконы, священные книги, молитвенники.

Для верующих появлялась минимальная возможность создать пространство индивидуальной свободы. Вторая «пятилетка безбожия», которая должна была пройти с 1932 года и завершиться ударными темпами за четыре года в 1936-м, никак не изменила коренным образом религиозную ситуацию.

Все это требовало неотложных действий со стороны власти. Был сотворен сценарий борьбы с врагами. А врагами этими выступали не кто-нибудь, а сами граждане, жители страны, строящей светлое будущее.

дело об уральском повстанческом штабе

Перед нами местный циркуляр от 7 августа 1937 года с протоколом допроса арестованного В. Матвеева. От него получено признание о существовании в колхозе «Новая деревня» Ирбитского района Свердловской области контрреволюционно-фашистской группы.

Как добыли эти показания у никому не известного В. Матвеева, можно только догадываться. Это было обозначение «сигнала тревоги». Готовность к чрезвычайному положению.

В это же время у начальника УНКВД по Свердловской области Дмитриева созрела идея «Уральского повстанческого центра» (в городах Свердловске и Перми).

Дмитриеву это пришло в голову или еще кому, никто уже не скажет. Но подчиненные, которым пришлось в 1939 году, во время «бериевской чистки», давать показания о собственных подлогах, утверждали, что именно Дмитриев играл первую роль в этом закручивающемся сценарии.

По документам можно представить, как Дмитриев собирает начальников отделов и их замов в кабинете и заявляет:

«Мы даем серьезные доказательства того, что на Урале существует широкое повстанческое подполье, которым руководит Уральский повстанческий штаб. В УПШ входят председатель облисполкома, первый секретарь горкома ВКП(б), митрополит Петр Холмогорцев и другие».

Для справки: митрополит Петр Холмогорцев уже проходит по делу Всесоюзной антисоветской церковной организации с центром в Москве, но и он, по версии следователей, вовлечен в Уральский повстанческий штаб, а с ним и другие церковные люди.

Митрополит Петр Холмогорцев относился к григорьевской ориентации. Очевидно, НКВД показалось, что он был более авторитетной фигурой, чем, например, архиепископ Петр Савельев — тихоновской ориентации, который возглавил епархию совсем недавно. Дело Петра Холмогорцева насчитывает 17 томов. И именно в тех папках находится дело архиепископа Петра Савельева, управляющего Свердловской епархией.

По мнению Дмитриева, Уральский повстанческий штаб должен был свергнуть советскую власть на Урале и совершить вооруженный переворот. В качестве доказательства прилагались описания грядущих террористических актов в адрес советского правительства.

В одной из бумаг упоминается, что митрополит Холмогорцев и архиепископ Савельев готовили террористический акт по подрыву генераторов на Первоуральском новотрубном заводе.

Чтобы придуманное дело об УПШ обросло подробностями, появился новый циркуляр с более конкретным описанием замысла предполагаемых диверсантов. В нем уже были использованы показания заместителя командующего Уральским военным округом Василенко. Позже Василенко вместе с его начальником Горбачевым был расстрелян. Василенко якобы возглавлял военное руководство повстанцев, а начальник артиллерии округа Блюм должен был поставлять оружие формируемым подразделениям.

Таким образом, в поле зрения УНКВД по Свердловской области попадают крупные военные, партийные начальники и хозяйственники.

По «ориентировке» Дмитриева, Урал разбит на 6 повстанческих округов. Первичная боевая единица — взвод от каждого колхоза. Во главе четырех взводов — ротный командир. Далее перечислялись так называемые повстанческие округа.

Из показаний Кричмана, зам. начальника 3-го отдела УНКВД, на имя секретаря Обкома ВКП (б) от 20.01.1939 г.:

«Создавались липовые дела с громкими названиями и крупными масштабами. Таким делом является так называемый Уральский повстанческий центр.

Это дело было создано бывшим начальником УНКВД Дмитриевым, его помощником Дашевским, бывшим нач. 3 отдела Боярским.

О том, что данное дело является липовым, я узнал только после разоблачения вражеского руководства и ареста указанных выше лиц...»

А вот показания Калугина из этого же дела. Именно лейтенант Калугин подписал все расстрельные справки на шуралинцев, невьянцев, архиереев и многих других по следственным делам, попавших в поле внимания.

Из показаний Калугина, особоуполномоченного УНКВД по Свердловской области о подлоге:

«Боярским был написан список лиц уже арестованных, несколько сот человек. После этого дела Боярский был по-

слан в Нижний Тагил, где вошел в сговор с арестованным петлюровским офицером Булгаковым, который написал списки на 2 тысячи человек. (...)

Имея эти два коллективных дела (Свердловск и Пермь), провокационным путем, и созданные повстанческие округа, Дмитриев обманывал Наркомвнудел, ЦК ВКП (б) и весь оперативный состав в области, утверждая, что аналогичные округа должны быть в др. районах».

Нужно отметить, что события разворачиваются очень быстро. Циркуляр появляется в начале августа, и уже с 5 августа начинаются аресты.

Заслуживают внимания показания бывшего начальника УНКВД по Свердловской области Боярского:

«Летом 1937 г. Дмитриев однажды у себя в кабинете собрал всех начальников отделов Управления, сообщил нам, что в Свердловске скоро состоится судебный процесс над участниками Уральской право-троцкистской организации и заявил, что к этому процессу мы не готовы, не имеем документов, главным образом, о повстанческой деятельности право-троцкистской организации на Урале.

Дмитриев предложил всем начальникам отделов, в т. ч. и мне, вести следственную работу в этом направлении...

...Когда я доложил протокол допроса Кандалинцева (бывш. нач. Камского речного пароходства) Дмитриеву, он созвал к себе на совещание всех начальников отделов, ознакомил с показаниями Кандалинцева и заявил, что на Урале, несомненно, существует большая повстанческая организация.

Тут же вызвал к себе стенографистку и в нашем присутствии продиктовал директиву начальникам городских и районных отделов НКВД, в которой указал, что аппаратом Управления вскрыта на Урале большая повстанческая организация, которая создана по принципу формирования воинских частей, что эта организация делилась на корпуса, полки, роты и взводы со штабом в Свердловске...

...Дмитриев дал мне понять, чтобы я при любых обстоятельствах имел бы список участников повстанческих формирований, что он крайне необходим для представления судебного процесса.

Такими указаниями Дмитриева я был озадачен, я думал, как можно добыть списки повстанческой организации, и решил составить подложный список, в который включить уже арестованных и подлежащих аресту кулаков и прочих арестованных, хотя ничего и не имевших в связи с этим делом.

Составив этот список, уговорил одного из фигурантов дела засвидетельствовать, что перечисленные в этом списке являются участниками повстанческой организации, и, что этот список, якобы, изъят у него при аресте.

Я вызвал к себе Алексеева, который вел следствие по делу Ветошева, и рассказал ему установку Дмитриева.

Короче говоря, я предложил Алексееву совершить подлог. Алексеев, выслушав меня, ответил: «Хорошо, я это сделаю...»

Алексеев составил список арестованных и подлежащих аресту кулаков на 2 тысячи человек.

Вскоре, после составления этого подложного списка, подлежащие аресту, были арестованы, а следствие в отношении их провели как на участников повстанческой организации.

Не дожидаясь ареста всех включенных в этот список, я вернулся в Свердловск и на докладе у Дмитриева заметил ему, что составлением списка участников организации мы совершили подлог.

На это мне Дмитриев ответил: «Вы рассуждаете, как провинциал, который никогда не вел больших следственных дел. Этот список нам крайне нужен для судебного процесса».

Из допроса Боярского:

«По прибытии в Н-Тагил с группой опер сотрудников я ознакомился с наличием арестованных, в т. ч. с Булгаковым. Я доложил по телефону Дмитриеву по существу его показаний, Дмитриев предложил мне поступить так же, как в Коми-Пермяцком округе.

Я вызвал Шарикова, передал ему разговор с Дмитриевым и предложил составить подложный список участников повстанческой организации.

Шариков на мое предложение согласился и составил такой список, заставил Булгакова подписать его как список участников повстанческой организации».

Случайно или неслучайно, но арестованного по фамилии Булгаков допрашивает сотрудник НКВД Шариков. И не только допрашивает, но и приписывает ему ложный список на 2 тысячи человек.

Процитирую показания Боярского дальше:

«Вопрос: т.о. Вы путем подлога создали два следственных дела на якобы существовавшие повстанческие организации?

Ответ: В этом я признаю себя виновным. Вместо того, чтобы вскрыть в действительности существовавшие повстанческие формирования и арестовать подлинных участников этих контрреволюционных формирований, я следствие повел по неправильному пути, не вскрыл до конца формирования. Предал суду путем оговора и подлога и тех, которые не имели никакого участия в этих контрреволюционных формированиях.

Почему я так поступил? Почему я совершил подлог?

Потому что путем этого подлога я имел возможность рапортовать о хороших успехах в следственной работе.

Путем обмана советской власти, репрессий в ряде случаев ни в чем неповинных людей, я хотел нажить себе авторитет.

Вопрос: Значит, Алексеева и Шарикова Вы втянули во вражескую работу?

Ответ: Да, в этом я признаю себя виновным, именно я потребовал от них совершить эти подлоги, а в последующем они уже сами стали фальсифицировать следственные документы, приклеивая всем арестованным ярлык участника контрреволюционной повстанческой организации. И на основании этого производили аресты др. лиц, не причастных к этим организациям...»

Еще из допроса Боярского:

«Вопрос: Назовите дела, которые были созданы путем провокационных методов ведения следствия?

Ответ: Точно назвать количество дел и лиц, привлеченных к ответственности по этим делам, которые были созданы путем провокационных методов ведения следствия, я не могу. Из числа арестованных кулаков, так называемых трудпоселенцев и лиц инонациональностей в количестве 24 тысяч человек.

Путем провокационных методов ведения следствия были созданы в действительности не существовавшие шпионские, диверсионные и др. контрреволюционные формирования».

Из показаний бывшего сотрудника УНКВД по Свердловской области Шарикова:

«Мне достался петлюровский офицер Булгаков, сознавшийся до меня ранее. Я доложил его дело Боярскому...

Булгаков составил список человек на 2000, который, якобы, был у него обнаружен.

Так был «вскрыт» Тагильский повстанческий округ.

В Тагиле я понял, что все эти округа — фикция, и то, что у повстанцев обнаруживалось — тоже подлог».

Из материалов следственных дел видно, что контрреволюционной повстанческой организации церковников на Урале фактически не существовало, а ее создали следственные органы провокационным путем.

Из заключения по арх.-следств. делу №№ 2271/2264 от 18.09.1954 (цит. по ГААОСО, Ф. Р-1, Оп. 2, № 24181 — первый том, всего в 17 томах, т. 8, с. 192):

«В 1938 году и позже в органы прокуратуры МВД и Президиум Верх. Совета СССР подало заявление 34 человека, осужденных к 10 годам лишения свободы, в которых арестованные указывали, что они не являлись участниками контрреволюционной повстанческой организации и осуждены необоснованно.

В числе подавших такие заявления 14 человек арестованных, которые на следствии признали свою причастность к контрреволюционной повстанческой организации церковников. В своих заявлениях они указывают, что признательные показания на следствии в 1937 г. дали под вымогательством следствия.

По жалобам арестованных в 1934—1941 гг. в органах УНКВД проводилась проверка, которой также не установлено существование данной контрреволюционной организации».

Из заключения видно, что уже в 1938 году ситуация стала проясняться, но люди продолжали сидеть в лагерях, а об убитых никто и не вспоминал.

Из показаний бывшего сотрудника Пермского НКВД Аристова:

«Я, получив 10 арестованных, возился с ними целые сутки и не мог получить, кроме как нескольких показаний об антисоветской агитации, но, когда я показал эти протоколы Королеву, то он меня выругал, назвал бездельником, не умеющим работать, и прочитал целую лекцию, что кулак, белогвардеец или прочий арестованный, это враг, идеологический враг, а поэтому: что ты с ними разговариваешь! Напиши протокол, что он участник повстанческой организации. Укажи, кем завербован, напиши 2-3 факта диверсионной деятельности и заставь подписать протокол, о встретившихся трудностях можешь получить консультацию у меня или у Овсейчика».

Но существовали и другие «инструменты» для вынуждения дачи ложных показаний.

Из показаний оперуполномоченного УНКВД по Свердловской области Солоновича:

«Агентурных или каких-либо других материалов, которые бы подтверждали контрреволюционную деятельность арестованных лиц, в большинстве случаев не было... Основанием для ареста лиц, на которых не имелось компрометирующих материалов, являлось социально чуждое происхождение... Повседневное проведение массовых операций и поступление в тюрьму каждую ночь вновь арестованных не представляло возможности при имеющемся составе следователей развернуть обстоятельное расследование в отношении каждого арестованного... Решающую роль играла камерная обработка...».

Из показаний начальника внутренней тюрьмы УНКВД по Свердловской области Талашманова следует, что арестованные разводились по кабинетам следователей, где предлагалось подписать «признание». Тех, кто отказывался, отправляли в «камеру не признавшихся». Из подписавших заявления создавалась активная группа, которая внедрялась в камеру не признавшихся. После обработки не признавшиеся снова вызывались на допрос. Тех, кто снова упорствовал, оставляли стоять в коридоре до утра... С применением этого метода почти все без исключения подписывали протокол.

Для террора 1937 года характерны следующие черты:

— все дела оформлялись как политические;

— оправдательных приговоров не было: или расстрел, или 10 лет ИТЛ;

— особо крупные коллективные дела объединялись в тома;

— фотографии не делались;

— допросы (до 60 страниц!) писали сами следователи, а арестованные только подписывали каждую страницу, поэтому подпись под листами была формальностью;

— существовали клише, то есть одинаковые протоколы;

— обеспечивался повышенный скоростной режим (часто в течение одной недели, а иногда в течение одного дня).

Кроме групповых дел следователи фабриковали и одиночные. Так, священник из Кушвы Петр Торопов был приговорен к расстрелу за то, что на два часа задержал богослужение, и это повлияло на явку граждан к началу праздничной первомайской демонстрации.

Священник села Салка Нижнетагильского района Аким Рысев приговорен к расстрелу за то, что крестил четырех пионеров, которые после этого вышли из пионерского отряда.

Священник села Нижнее Шалинского района Лука Агафонов приговорен к расстрелу за то, что ходатайствовал во ВЦИК, чтобы не закрывали церковь.

Только в 1956 году сама власть наконец признала факт грандиозной фальшивки. Никакой повстанческой организации церковников на Урале не существовало. Это утверждает Определение 663 от 19 июня 1956 г. Военного Трибунала Уральского Военного округа.

Григорий Лобанов

дело григория лобанова

Следственные дела членов приходского совета Александро-Невской церкви села Шурала и ряда невьянских священнослужителей объединены были в «дело Лобанова».

Следственное дело архиепископа Макария Звездова находится в коллективном деле Л.П. Смирнова на 30 человек. Протокол допроса архиепископа Петра Савельева также имеется в деле Смирнова. Следственное дело архиепископа Петра Савельева находится в коллективном деле Петра Холмогорцева.

Дело Лобанова было доставлено из Кировграда в Свердловск с вещественными доказательствами в особом пакете. А это и допросы арестованных, и их анкеты, и справки обысков, и еще компромат в виде пары-тройки фактов, хотя бы и вымышленных, но призванных свидетельствовать об антисоветском духе «церковников». Короче говоря, Кировский райотдел УНКВД предоставил весь набор документов, чтобы в Свердловской тюрьме № 2 следователи особенно не морочили себе голову.

К сожалению, фактов взаимоотношений настоятеля шуралинской церкви и священства города Невьянска не сохранилось в деле. А очные ставки в то время не проводились.

Несомненно, они все были знакомы лично — все-таки одно благочиние, а приходская жизнь небольшого города — почти сельская. Будни сменяют праздники, церковное хозяйство требует попечения, прихожане оставались со своими бедами и бедностью.

Почему бедностью? Да потому что в анкетах всех арестованных шуралинцев в графе «имущественное положение» написано «бедняк», «беднячка», «из бедняков». Что с них взять? Зато потом в «расстрельных справках» написано: расстрелять с конфискацией имущества.

Ко времени ареста настоятель Александро-Невского храма отец Михаил Хлопотов уже не имел дома, а жил в трапезной при церкви. И все равно — «расстрелять с конфискацией имущества».

Есть информация о том, что священнослужители Невьянского благочиния, проходившие по этому делу, были хорошо образованы, а в глубинке в те времена это еще было редкостью. Следователи, как правило, имели «низшее образование», так отражено в их анкетах.

Благочинный Невьянского округа протоиерей Григорий Иванович Лобанов родился в 1881 году в поселке

Серебрянского завода Кушвинского уезда. Окончил учительскую семинарию. В 1909 году рукоположен в сан священника и назначен к церкви села Новоалексеевского Екатеринбургского уезда. Лобанову довелось служить в разных храмах. С 1930 года он — настоятель Вознесенской церкви города Невьянска и благочинный Невьянского округа. Известно, что отец протоиерея Григория Лобанова имел корову, лошадь и земельный надел, а также красильную мастерскую. Жена отца Григория была учительницей. У них были три дочери и сын, которые жили в Свердловске. Одна из дочерей тоже учительствовала.

Невьянский приход был достаточно крепкий благодаря не только церковным активистам, но и священству. Под руководством Григория Лобанова служили Леонид Коровин, Григорий Пономарев, диакон Николай Иванов.

Невьянские священнослужители сообща заботились о находящемся в ссылке болящем владыке Макарии Звездове, собирали ему посылки, деньги и лекарства, о чем доносили в райотдел НКВД неутомимые информаторы, судя по всему, добровольно.

Все священнослужители были арестованы 6 августа 1937 года.

Первоначальные допросы снимали сотрудник Кировградского райотдела В.М. Сапожников, который отдавал протоколы начальнику Кировградского райотдела УНКВД по Свердловской области И.М Бахареву. В 1939 году они будут привлечены за фальсификацию дел (в том числе и этого) и дадут показания о деле Лобанова. Бахарев умрет в 1939 году под следствием. Сапожникова привлекут для дачи показаний снова в 1954 году, и он расскажет, хоть и немного, о начале сфальсифицированного дела.

Из показаний Сапожникова:

«... название организации как фашистской повстанческой является вымыслом, подсказанным мне по указанию начальника РО НКВД Бахарева (Ивана Митрофановича). Фактически же никакими материалами о практической повстанческой деятельности я не располагал...

...За давностью времени личность Кичигина К.П. (прихожанина шуралинской церкви — был расстрелян с остальными)... обстоятельства его допроса я не помню, а поэтому не могу сказать, соответствуют ли его показания действительности.

Из перечисленных по показаниям Кичигина лиц я помню Хлопотова, Просвирякова, Кириллова, которые являлись участниками антисоветской группы в селе Шурала Свердл. обл., возглавляемой Хлопотовым. К Хлопотову неоднократно съезжались служители церквей окружающих сел на нелегальные совещания.

Других фактов его антисоветской деятельности не помню».

То есть факта встречи священника с другими священниками было достаточно, чтобы судить об антисоветской деятельности. И не только судить, но и «сшить дело».

Из допроса Сапожникова следует, что никакими фактическими материалами о повстанческой деятельности следствие не располагало. Однако в декабре 1954 года тот же Сапожников выдает версию «недораскрытия» дела. Он утверждает, что факты были, но их подробно не задокументировали по вине руководства отдела и УНКВД. Другими словами, руководство «не доглядело» — Сапожников остался верен своей «вере». Такая упертость в своей непогрешимости характерна была для многих сотрудников НКВД, даже для тех, которые были уличены в фабрикации и подлоге.

Отец Григорий отрицал свое участие в контрреволюционной деятельности и только на третий день допроса все подписал. Скорее всего, это был заранее изготовленный протокол.

Вот протокол допроса Лобанова:

«Вопрос: Какая цель преследовалась Вами при подаче сведений — списка епископу Савельеву Петру на весь духовенствующий и монашествующий состав, как штатный, так и внештатный?

Ответ: Да, такие сведения — списки на духовенство и монашествующий состав, находящийся в районе независимо от их работы и церковной ориентации, я по заданию епископа Савельева Петра действительно предоставлял. Я знал отлично, понимаю и осознаю, что это Савельеву требовалось для изучения им кадров на периферии, на котором бы он и в целом наша контрреволюционная повстанческая церковная организация, я лично ее руководитель, в районе могли опереться в своей деятельности и черпать, пополнять свои контрреволюционные силы для борьбы с Советской властью».

Отец Григорий как человек с учительским образованием и опытный священнослужитель и в страшном сне бы не выговорил: «...черпать, пополнять свои контрреволюционные силы для борьбы с Советской властью», «изучение кадров на периферии». Этим нечеловеческим языком чекистской канцелярии могли изъясняться только ее работники для того, чтобы сначала изобличать, а потом уничтожать.

Отец Григорий был арестован 6 августа 1937 года, осужден 25 сентября 1937 года и расстрелян 29 сентября 1937 года в полночь.

Одновременно с настоятелем невьянской церкви был арестован протоиерей Леонид Коровин. Здесь нужно отметить, что при обыске у отца Леонида было изъято много книг церковного содержания.

Протоиерей Леонид Михайлович Коровин родился 2 апреля 1889 года в городе Верхотурье Пермской губернии в семье священника. После окончания в 1910 году Пермской духовной семинарии он был направлен в село Балакино Верхотурского уезда, где стал заве-

дующим земским училищем и преподавателем Закона Божиего. В 1911 году был рукоположен во священника и направлен служить в Верхнюю Туру. Одновременно занял должность законоучителя двухклассного Верхнетуринского училища. С 1912 года служил в Надеждинском заводе (ныне город Серов). Последним местом его служения был город Невьянск, где протоиерей Леонид Коровин поселился после тюменской ссылки. Там он жил в своем доме с женой и двумя детьми.

В 1928 году отец Леонид привлекался органами НКВД по ложным доносам, называемым «информсводками». В информсводке от 10.06.1926 года указано, что «при Колчаке у попа Коровина состояли на квартире офицеры и Коровин выдавал им советских работников».

В архиве хранится Дело № 67888 (ГААОСО, Ф. Р-1, оп. 2) по обвинению гражданина Коровина Леонида Михайловича по ст. 58-10, согласно которому его следовало отправить в ссылку через ПП ОГПУ сроком на 3 года, считая срок с 22.10.1928 года. К делу подшито заключение от 10.12.1931 года, в котором указано, что Коровин, находясь в ссылке, «поддерживал широкие связи со ссыльными попами, совершал нелегальные религиозные обряды».

Камерный помощник прокурора Балакина свидетельствовал, что Коровин является служителем культа в одном из мощных пролетарских центров СССР — Надеждинском заводе на Урале. Что он выступил с воззванием организовать материальную помощь «томящимся в тюрьмах» священникам-тихоновцам и замечал, что всюду идут аресты священнослужителей. Тем самым Коровин сеял недоверие к советской власти, преследующей якобы духовенство. А потому личность Коровина следует рассматривать как социально ненадежное лицо.

Во время первого ареста Коровина в 1928 году по доносам ряда лиц, утверждавшим, что он призывает прихожан Спасо-Преображенской церкви города Надеждинска помогать арестованным священникам, подследственный отказался от своих слов. В итоге он был отправлен в ссылку сроком на три года.

На момент второго ареста отец Леонид служил в Вознесенской церкви Невьянска. Он был арестован органами НКВД Кировградского района в августе 1937 года как член контрреволюционной повстанческой церковно-монархической организации, возглавляемой архиепископом Петром Савельевым.

Отец Леонид полностью отрицал все измышления следователей о существовании такой организации. Предъявленных обвинений в антисоветской деятельности не признал. Подтвердил, что отвозил от епископа Петра Савельева в Москву два пакета, о содержании которых осведомлен не был. Один пакет был доставлен лично Сергию Страгородскому, второй — его заместителю Александру Лебедеву. Священник Леонид Коровин подтвердил то, что действительно вел дневник, где писал о существующей власти (дневник был изъят), а также помогал материально епископу Макарию Звездову. Также у него были найдены 115 книг дореволюционного издания, что в 1937 году считалось «контрреволюционной монархической литературой» (из дела подвижника Свердловской епархии священника Леонида Михайловича Коровина).

Сам отец Леонид объяснил свой визит в Москву поездкой за святым миром и ходатайством священнослужителей Свердловской епархии перед Московской патриархией о присвоении владыке Петру чина архиепископа, что более похоже на правду.

В деле отца Леонида хранится заявление его жены А.П. Коровиной от 18 февраля 1957 года. Это тетрадный листочек в клеточку, текст написан ручкой с пером фиолетовыми чернилами, очень грамотный текст, ни одной ошибки. Сколько в нем мужества и отваги перед безжалостной системой!

Вот это письмо:

«В 1937 году 6 августа мой муж Коровин Леонид Михайлович, священник, 1889 г.р., проживающий в то время в Невьянске Свердловской области, был арестован сотрудниками Кировградского отдела УНКВД по Свердловской области и неизвестно, куда отправлен.

На мой запрос прокурор Свердл. обл., отношением за № 6-К-4869 от 26.2.1939 г. сообщил, что муж осужден 25 сентября 1937 г. и отправлен для отбытия срока.

До настоящего времени мне неизвестно, за что арестован мой муж и какова была его дальнейшая судьба, а потому прошу ответить на следующие вопросы:

ЗА ЧТО МУЖ МОЙ БЫЛ ПРИВЛЕЧЕН?

КЕМ И ГДЕ ОСУЖДЕН?

НА КАКОЙ СРОК И КУДА БЫЛ ОТПРАВЛЕН?

ЖИВ ЛИ? ЕСЛИ ЖИВ, ГДЕ НАХОДИТСЯ?

МОЖЕТ ЛИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ВЕРНУТЬСЯ К СЕМЬЕ?

РЕАБИЛИТИРОВАН ЛИ?

(подпись)»

И вот документ с грифом «секретно» для дальнейшего составления ответа:

«Коровин Л.М., 1889 г.р. 25 сентября 1937 года был осужден тройкой УНКВД Свердловской области.

ПОЛАГАЛ БЫ (типографски на бланке):

1. Зарегистрировать смерть Коровина Л.М. Невьянским ГорЗАГСом Свердловской области.

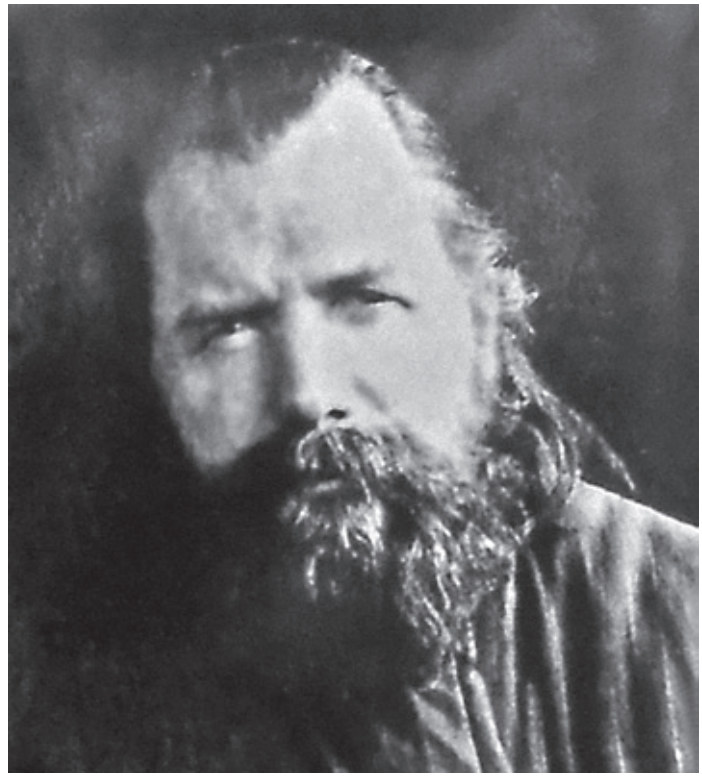
2. Гр. Коровиной объявить, что ее муж был осужден на 10 лет ИТЛ и умер в заключении 17 июня 1943 года от воспаления воротной вены».

На самом деле, как мы знаем, Леонид Коровин был расстрелян в сентябре 1937 года. Но в справках о смерти в ИТЛ, выдаваемых родственникам репрессированных, слово «расстрел» не использовалось. Был специально разработан перечень заболеваний, якобы повлекших за собой летальный исход во время отбытия наказания.

Леонид Коровин был приговорен 25 сентября 1937 года к расстрелу. Расстрелян 29 сентября 1937 года.

Друг и сподвижник отца Леонида диакон отец Николай Иванов также отказался от всех обвинений и не упомянул ни одной фамилии при допросах.

протоиерей михаил хлопотов и его приход

Михаил Хлопотов

Перед тем как Михаил Хлопотов и его прихожане были арестованы, в органах РО УНКВД появился «меморандум» Кировградского райотдела УНКВД по Свердловской области. Составлен он был 5 сентября 1937 года. В нем цитировались разные слухи и неблаговидные разговоры по отношению к советской власти. Подписан этот меморандум начальником Кировградского РО НКВД, старшим лейтенантом госбезопасности Бахаревым, вторая подпись: Сапожников.

При обыске вместе с церковной литературой был обнаружен пакет с перепиской. Литература стала «неоспоримым доказательством» для ареста священника и членов церковного совета. К перечню литературы прилагался и список «повстанцев». Список этот потом появился в деле архиепископа Петра Савельева.

20 человек священнослужителей и мирян Невьянского района, в том числе 12 жителей села Шурала во главе с настоятелем Александро-Невской церкви Михаилом Хлопотовым и членами его прихода оказались в числе контрреволюционных элементов, которые поступили в «разработку».

В деле Лобанова сохранились протоколы допросов Михаила Хлопотова и членов его прихода. В отличие от многих дел, которые имеют общую кальку, это дело имеет не только информсводку, то есть «меморандум». Есть здесь любопытный документ о деятельности и жизни отца Михаила и верующих Шуралы.

К сожалению, пока живы родственники этого человека, мы не имеем права называть его имя. Да и вопрос его виновности в деле ареста шуралинцев остается открытым.

Как бы то ни было, но в руках кировградских следователей оказалась обширная информация о том, что у отца Михаила собирались священники и верующие и они разговаривали, выпивали и даже провозглашали тосты «за свержение советской власти», которые слышал один из сельчан в феврале 1937 года через двойное стекло дома. Самого-то его не пригласили за стол. Пришлось подслушивать.

Можно ли представить такую картину, что зимой к небольшому окошку деревенской избы прильнуло чье-то чуткое ухо и уловило компромат? Можно, но только в протоколе, написанном чужой рукой.

Вот показания свидетеля, записанные 5 августа 1937 года, за сутки до ареста всех обвиняемых шуралинцев. Если учесть, что свидетель на тот момент был молодым человеком, а к тому же обыкновенным сельским жителем, то можно сделать вывод, что его рассуждения про контрреволюционную монархическую организацию явно написаны чужой рукой. И вот еще почему так думается. Если из каждого вопроса (и ответа) убрать выражения «контрреволюционная деятельность», «монархическая организация», «борьба против советской власти» и т.п., то это будут вполне мирные вопросы про то, как живут верующие люди в Шурале. Обыкновенное стукачество, а не навет, который бы стал основанием для расстрела.

Тем не менее простое перечисление имен прихожан с добавлением нужной политизированной риторики создало совершенно ужасную и опасную картину готовящихся «диверсий» и прочей антисоветской работы.

Из показаний свидетеля следовало, что священник Хлопотов, как и другие участники контрреволюционной монархической организации, распространяет среди населения имеющуюся у него контрреволюционную литературу, проводит нелегальные собрания, во время церковной службы произносит проповеди контрреволюционного содержания. Свидетель рассказывал, как он лично увидел через окно в доме сидящих за столом Хлопотова, Кичигина, Кирилловых, мужа и жену, и неизвестных гостей:

«Хлопотов, поднимая стакан, сказал тост, призывающий к свержению Советской Власти. Кичигин, уже поддержав его выступление, дополнил его, вызвав смех у присутствующих, после чего начали распевать песни...»

Свидетель упомянул и то, что Кичигин якобы неоднократно рассказывал, что в 1930 году хранил в церкви око-

ло двух пудов скопленного им серебра царской и советской чеканки и, возможно, многое присвоил. На вопрос, из каких источников это известно, свидетель пояснил, что он является верующим человеком и постоянным певчим шуралинской церкви, в результате чего имеет общение со священником Хлопотовым и всеми перечисленными людьми.

Все смешалось в голове у молодого сельского жителя: и сплетни, и политика, и праздники, и будни, и деньги, и вера, и его бедность, и страх перед людьми в погонах.

На следующий день после доноса — 6 августа 1937 года — прошел обыск в церкви в присутствии священника Михаила Хлопотова, церковной старосты А.В. Калининой и понятых. Со слов Хлопотова, указанной литературы в церкви хранится около 336 книг. Причем подробной описи нет. Указанная литература опечатана в отдельном шкафу печатью сельского Совета.

Вот эта литература и послужила основанием для ареста священника и членов церковного совета.

Еще несколько слов об отце Михаиле Хлопотове. Уроженец Нижнего Тагила, 1878 года рождения, по происхождению сын дьякона, священник. Женат, жена Наталия Григорьевна — домохозяйка. Супруги были бездетны и усыновили мальчика из бедной семьи. Воспитали его как родного.

На отца Михаила заводили дело еще в 1931 году. То есть он был «под прицелом» органов, как и Леонид Коровин, как и Григорий Лобанов.

По первому делу Михаил Хлопотов 29 апреля 1931 года дал подписку о сотрудничестве с органами ОГПУ. Но никаких сведений фактически не давал, а в апреле 1932 года от работы с органами ОГПУ категорически отказался. Кроме того, рассказал в камере священнику Луканину и другим о том, что он арестован за то, что является сотрудником ОГПУ и не доносил никаких сведений, чем расконспирировал себя.

В обвинительном заключении подшита справка от врача с подписью и печатью от 07.06.1932 года: «Гр. Хлопотов Михаил Филимонович страдает рассеянным склерозом головного и спинного мозга». На все вопросы, задаваемые следователем, отвечает: «подписку давал в болезненном состоянии, более показать ничего не могу».

29 июня 1932 года уполномоченный 3-го отдела СПО ПП по Уралу, рассмотрев следственное дело № 9418/9 по обвинению Хлопотова Михаила Филимоновича по ст. 58-10, нашел:

«Хлопотов М.Ф. 53 лет, уроженец города Н-Тагила, по происхождению — сын дьякона, сам служитель культа, священник, грамотный, б/партийный, был привлечен к ответственности за расконспирацию как осведомителя ОГПУ, но под следствием прямого факта расконспирации не установлено, а потому, принимая во внимание вышеизложенное и руководствуясь ст. 4 УКП постановил: «Следственное дело №9418/9 по обвинению Хлопотова М.Ф. дальнейшим производством прекратить, обвиняемого из-под стражи освободить, дело сдать в архив УСО ПП». «Прямого факта расконспирации не установлено».

На момент повторного ареста священнику шуралинской церкви было 59 лет. Он жил в трапезном помещении церкви. Совершал богослужения в Александро-Невском храме, где и был арестован 6 августа 1937 года.

Первоначально его допрашивали в Кировградском райотделе УНКВД по Свердловской области. Снимали показания Сапожников и Бахарев. Впоследствии оба были арестованы за фальсификацию данного дела и сами давали показания. Как уже было сказано, Бахарев умер в заключении в 1939 году, а Сапожников в 1954 году упоминает, что он не допрашивал отца Михаила Хлопотова и не понимает, как его подпись оказалась под протоколом священника.

Но Сапожников стоит до последнего, утверждая, что отец Михаил участвовал в антисоветской деятельности, хоть фактов, подтверждающих это, не имеется. А просто: дело пошло по другому руслу, и мы не смогли изобличить отца Михаила.

Нужно отметить, что протоколы допросов по делам, проходившим в 1937 году, сочинялись следователями, о чем свидетельствуют впоследствии сами работники НКВД. В протоколе допроса от 17 августа 1937 года отражено, что обвиняемый Хлопотов в предъявленном ему обвинении виновным себя не признал ни в начале допроса, ни в конце. Но в этом же протоколе содержится его обстоятельный рассказ как раз о том, как создавалась и действовала та самая контрреволюционная повстанческая организация для проведения активной контрреволюционной деятельности. Обвиняемый тут же назвал членов организации, имена идейных руководителей...

Священнослужитель никогда не будет лжесвидетельствовать против своих прихожан, тем более отдавая себе отчет, какое страшное время на дворе. Нет, список приходского совета села Шуралы в протоколе допроса Михаила Хлопотова вписан чужой рукой, как все, что касается «антисоветчины».

Суконный язык этого протокола, к тому же повторяющийся в показаниях других арестованных, не может быть языком образованного священнослужителя. И смысла нет там, где имеется злой умысел.

Выписка из протокола заседания тройки при УНКВД Свердловской области от 25 сентября 1937 года:

«Слушали: дело по обвинению Хлопотова Михаила Филимонович 1878 года рождения. Уроженец г. Нижний-Тагил. Судим за контрреволюционную деятельность. Священник.

Обвиняется в том, что являлся руководящим участником контрреволюционной фашистско-повстанческой организации церковников на Урале.

По заданию организации организовывал и руководил контрреволюционной повстанческой группой, на территории Кировградского района.

Используя церковную трибуну, среди населения вел махровую контрреволюционную пропаганду, направлен-

Отец Михаил с семьей

ную на дискредитацию политики партии и Советского правительства.

Открыто призывал население к свержению существующего строя в СССР путем вооруженного восстания».

(Допрос снимал следователь Сапожников).

Тройка УНКВД постановляет:

«Постановили: Хлопотова Михаила Филимоновича РАССТРЕЛЯТЬ. Лично принадлежащее имущество конфисковать».

К этому прилагается справка о его расстреле за подписью лейтенанта ГБ Калугина…

25 сентября 1937 года тройкой УНКВД при Свердловской области были приговорены к расстрелу и расстреляны 29 сентября в 12 часов ночи в подвалах НКВД города Свердловска, затем погребены в общей могиле на 12 км Московского тракта:

Коровин Леонид Михайлович, 1889 г.р., священник Вознесенской церкви г. Невьянска;

Лобанов Григорий Иванович, 1881 г.р., благочинный церквей Невьянского округа, протоиерей Вознесенской церкви г. Невьянска;

Иванов Николай Иванович, 1906 г.р., протодиакон Вознесенской церкви г. Невьянска;

Мухин Александр Андреевич, 1884 г.р., священник Никольской церкви пос. Верх-Нейвинск.

И верующие Шуралы со своим настоятелем:

Хлопотов Михаил Филимонович, 1878 г.р., настоятель церкви с. Шурала;

Просвиряков Василий Степанович;

Кириллова Мария Федоровна, 1905 г.р., член церковного совета, певчая с. Шурала;

Щелконогова Татьяна Федорова, 1894 г.р., псаломщица, монахиня;

Кичигин Константин Павлович, 1904 г.р., член церковного совета с. Шурала.

Архиепископ Петр Савельев был расстрелян 23 октября вместе с архиепископом Макарием Звездовым, митрополитом Петром Холмогорцевым — григорьевского направления, епископом Леонидом Марченковым — обновленческого направления, в 12 часов ночи в подвалах НКВД города Свердловска, все погребены в общей могиле на 12 км Московского тракта.

Остальные были осуждены на 10 лет ГУЛАГа.

Из обвинительного заключения по делу Лобанова и Хлопотова следовало, что по заданию свердловского епископа Петра Савельева, являющегося руководителем работавшей на Урале контрреволюционной фашистской повстанческой организации церковников, действовали две группы. Одну создал Лобанов в городе Невьянске и другую Хлопотов в селе Шурала. Организация ставила своей целью свержение советской власти и восстановление капиталистического строя в России. Обвиняемых по делу проходило 8 человек. Сбор сведений шпионского характера по заданию епископа Петра Савельева осуществлялся для передачи агенту одного из иностранных государств Лебедеву Александру Васильевичу. Допрошенные в качестве обвиняемых участники организации виновными себя признали полностью, за исключением Иванова Николая Ивановича и Коровина Леонида Михайловича. Последние — частично. Подписано: «УНКВД по Свердловской области, Бахарев, Сапожников».

А вот документ о реабилитации:

«Постановление Президиума Свердловского Областного суда от 13 декабря 1956 года (по делу 44 У-510 С, с. 258, ГААОСО № 8355 Р-1, оп.2, дело 20939)

гриф «секретно»

г. Свердловск

Президиум Свердловского Областного суда в составе: Председателя Президиума Шведовой З.И., членов Президиума Куклинова Н.Н. и Бисеровой А.В. с участием и.о. прокурора Свердловской области Мухина И.П., рассмотрев дело по обвинению Лобанова, Хлопотова, Кичигина и других, и заслушав доклад члена суда Комиссарова К.И. УСТАНОВИЛ:

Лобанов, 1881 г.р., русский, бп
Хлопотов, 1878 г.р., русский, бп
Кичигин, 1904 г.р. русский, бп
Кириллова, 1905 г.р., русский, бп
Щелконогова 1891 г.р., русский, бп
Иванов 1906 г.р., русский, бп
Коровин, 1889 г.р., русский, бп

— все на основании Постановления тройки УНКВД по Свердловской области от 25 сентября 1937 года подвер-

81

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА.

ОБВИНЯЕМОГО ХЛОПОТОВА МИХАИЛА ФИЛИМОНОВИЧА.

От 17 Августа 1937 года.

ХЛОПОТОВ Михаил Филимонович 1878 г. рождения, урожд. г.Н-Тагил, Свердлов. области, русский, грамотный, б/парт., работает священником Шуралинской церкви, проживает с.Шурала, Кировградского района, Свердловской области, ул.Ленина дом № 14.

ВОПРОС: Вам пред"явлено обвинение в том, что до арест Вы являлись организатором контр-революционной монархической повстанческой организации церковников, существовавшей в селе Шурале. Признаете ли себя в этом виновным?

ОТВЕТ: В пред"явленном мне обвинении виновным себя не признаю.

ВОПРОС: Следствие располагает точными данными о Вашей деятельности по созданию упомянутой контр-революционной повстанческой организации. Прекратите запирательства и дайте следствию откровенные показания.

ОТВЕТ: Будучи уличенным фактами пред"явленными мне следствием в пред"явленном мне обвинении виновным себя признаю. Я действительно являлся участником контр-революционно монархической повстанческой организации церковников в селе Шурала до момента моего ареста.

ВОПРОС: Кем и когда создана указанная контр-революционная организация?

ОТВЕТ: Я будучи враждебно настроен по отношению ВКП(б) и сов. власти начиная с декабря 1936 г. приступил к об"единению вокруг себя группы людей также враждебно настроенных против ВКП(б) и сов. власти и из указанной группы людей создал контр-революционную повстанческую организацию для

гнуты расстрелу за участие в религиозной фашистско-повстанческой контрреволюционной организации, и по заданию которой вели антисоветскую пропаганду.

Протест прокурора Свердловской области, а котором ставится вопрос о прекращении данного дела, президиум находит подлежащим удовлетворению.

Осужденные Иванов и Коровин во всех своих показаниях категорически отрицали свое участие в контрреволюционной деятельности.

Остальные осужденные вину свою признавали, однако, судя по всем объективным обстоятельствам дела, видно, что эти их показания не соответствуют действительности.

Такой вывод вытекает из следующих фактов.

В показаниях Лобанова, Кичигина и Хлопотова указывается, что их в контрреволюционную деятельность вовлек Савельев.

Однако дело по обвинению Савельева военным трибуналом 19 июня 1956 года прекращено на том основании, что оно было сфальсифицировано органами следствия.

Осужденные (кроме Коровина и Иванова) как на участников их организации указывали еще на многих других лиц, которые либо вовсе не привлекались к ответственности, либо привлекались, но дела в отношении их прекращены производством судебными органами. Все это свидетельствует о недостоверности показаний осужденных, признававших свою вину в антисоветской деятельности.

В подтверждение их обвинения органы следствия ссылались на показания осужденного по другому делу, но будучи передопрошенным в 1954 году, последний заявил, что его показания относительно контрреволюционной деятельности Хлопотова и других сфальсифицированы.

Проводившие расследование данного дела бывшие работники НКВД Казанцев и Сапожников на допросе в 1954 году по существу признали, что следствие вели тенденциозно, что им вообще неизвестно, существовала ли в действительности фашистско-повстанческая контрреволюционная организация на Урале.

Изложенное свидетельствует о явной неосновательности осуждения Лобанова, Хлопотова и других, поэтому президиум

ПОСТАНОВИЛ:

Протест прокурора Свердловской области удовлетворить.

Постановление тройки УНКВД по Свердловской области от 25 сентября 1937 года отменить, а дело в отношении Лобанова, Хлопотова, Кичигина, Щелконоговой, Иванова и Коровина производством прекратить за отсутствием в их действиях состава преступления.

Председатель Шведова».

В деле имеется также документ от 25 июня 1958 года под грифом «секретно» на бланке Управления Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР по Свердловской области. К нему приложены копии определения по делам Холмогорцева, Звездова и других, а также архивно-следственные дела по обвинению Холмогорцева П.Г., Старцева А.С., Лобанова Г.И., Краева М.Н. и других с материалами проверки, из которых видно, что так называемое контрреволюционная организация церковников на Урале была сфальсифицирована бывшими работниками УНКВД Свердловской области.

Отмечено, что все указанные лица проходили в связи с делом епископа Петра Савельева, который был реабилитирован военным трибуналом 19 июня 1956 г. Дело его было сфальсифицировано органами следствия.

А еще ранее, в 1955 году, был издан приказ МВД СССР № 00107, согласно которому дела сотрудников НКВД уничтожались.

из практики подвальных расстрелов

Первые сведения об этом трагическом месте появились в прессе в 1989 году. В частности, выяснилось, что в 1967 году при строительстве спортивной базы «Динамо» строители наткнулись в нескольких местах на захоронения людей. Множество человеческих останков лежало друг на друге. У всех в черепе были отверстия от пуль. О находке сообщили тогдашнему начальнику УВД Свердловской области Еремину. Но тот лишь приказал закопать всё обратно и забыть о происшествии, пригрозив невольным свидетелям в случае распространения информации расстрелом. Позже, в 1989 году, нашлись свидетели того, как происходили сами захоронения жертв сталинских репрессий. Двое охранников, сторожевших в 1930-х годах территорию захоронений, рассказали, что рвы были расположены рядами. Каждый ров был 45 метров в длину, 4 метра в ширину и по 2 метра в глубину. Тела свозили сюда по ночам в грузовиках и скидывали в яму. После большого количества публикаций в прессе в 1990 году прокуратура произвела частичную эксгумацию одного из захоронений около Ново-Московского тракта. С одного только квадратного метра были извлечены останки 31 человека. Органам НКВД в то время спускали «сверху» план по расстрелам. В Свердловской области сталинский план перевыполнили. Невинных людей арестовывали, пытали, предъявляли им совершенно абсурдные обвинения. В подвалах НКВД на Ленина, 17 только за неполные два года (1937–1938) расстреляли около 20 тысяч человек. Порой за одну ночь расстреливали до 400 человек.

Все расстрелянные закапывались близ Свердловска на 12 км Московского тракта на территории, принадлежащей УНКВД области. Поскольку в состав Свердловской области входила тогда и Пермская, здесь же захоронены расстрелянные священнослужители и миряне Пермской епархии.

О масштабах этого массового убийства говорят такие сведения. Следствие по групповому делу архиепископа

Александро-Невская церковь села Шурала

Макария Звездова проходило с 3 по 20 октября 1937 года. В материалах указано, что все 30 человек были арестованы 3 октября, за 16 дней было проведено следствие, сняты допросы, а 23 октября 10 человек расстреляны в 12 часов ночи в подвалах НКВД Свердловска, затем погребены в общей могиле на 12 км Московского тракта. Хотя есть еще документ, который гласит, что арестовано было 65 человек, расстреляно 16, остальные 39 человек не сознались.

На основании протоколов 1937 года трудно и во многих случаях почти невозможно представить духовный облик людей, оказавшихся под следствием. С некоторыми делами явно «поработали»: не по одному разу менялась нумерация страниц (первоначальные номера страниц зачеркнуты или подтерты). О внешнем облике, о служении, о том, что пришлось пережить тому или иному человеку (а среди них есть и уже прославленные в сонме исповедников и новомучеников российских), можно получить более подробную информацию из дел начала 1930-х годов. В них отражаются этапы исповеднического пути священства за время Гражданской войны и первых лет коллективизации.

1937 год для многих стал «последним рубежом».

В ходе массовых репрессий 1937—1938 годов Свердловская епархия была практически ликвидирована, большинство клириков были расстреляны или находились в лагерях. В эти годы в Свердловской области были расстреляны 7 архиереев, принадлежавших к разным церковным течениям, репрессированы более 150 священнослужителей (из них 93 расстреляны) и не менее 500 членов церковных общин. Всего в 1918—1944 годах были репрессированы не менее 340 священнослужителей, из них расстреляны 148. После 1938 года на Урале не осталось ни одного епископа, уцелевшие священники переходили на гражданскую работу. В 1937–1938 годах было закрыто не менее 53 церквей.

Прихожане села Шурала в полной мере приняли на себя все гонения этого трагического для страны государственного управления.

В жизни небольшого села отразилось подлинное народное горе репрессий, сопровождавших идею «весь мир насилья мы разрушим до основанья». Мир был разрушен до основанья.

Остается открытым вопрос о местных невьянских следователях-палачах, которые и в далеком 1954 году доказывали, что действительно имелась колоссальная угроза советской власти, но они не все успели записать, о чем они сожалеют.

Выписка от 12.06.1955 года из арх.-следственного дела № 967156 (нах. в КГБ СССР). Дело № 23154 (копия) цит. по ГААОСО, Ф. Р-1, Оп. 2, № 24181 — первый том, всего в 17 томах, с. 194) свидетельствует:

«В закрытом судебном заседании в гор. Москва 31 мая 1939 г. рассмотрела дело по обвинению быв. пом. нач. УНКВД по Свердловской области Боярского Н.Я., быв. зам. нач. 3 отдела того же УНКВД Кричмана С.А., быв. зам. нач. 3 отдела Ермана М., быв. нач. УНКВД по Пермской области Вайнштейна Л., быв. нач. Пермского Горотдела НКВД Левоцкого В. — всех пятерых в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-7 и 58-11 УК РСФСР. (...)

Они, будучи организационно связанными с одним из руководящих участников а/с заговорщической организации, существующей в органах НКВД Дмитриевым и, работая руководящими работниками в УНКВД на протяжении 37—38 гг. по заданию названного Дмитриева проводили вражескую деятельность, выразившуюся в проведении массовых необоснованных арестов граждан и подлогов и фальсификаций в следственной работе».

Впоследствии все были приговорены к различным срокам (от 15 до 25 лет) с поражением в политических правах и конфискацией имущества.

Коварство органов, занимавшихся репрессиями, было еще в том, что они занимались не просто подлогом (чего церемониться, когда разнарядка!), они инсценировали лжесвидетельствование. Когда ставится задача убить и как можно больше, все остальное отступает на второй план.

В делах остались следы чудовищной, придуманной ими же — «писателями» протоколов, лжи, всевозможных оговоров на совершенно невинных людей со стороны таких же невинных людей. Да, следы остались, несмотря на то, что многие подробности деяний НКВД были уничтожены в 1955 году.

Отец Михаил и его приход — малая родина Шурала — исповедники православной веры. Тут отразилась трагедия страны и Русской православной церкви, тут и начинается исток памятования, к которому мы припадаем.

Высота духа невинных свидетелей веры и низость других, уничтожающих свой народ — вот водораздел, который всегда существовал в мире, а в России особенно.

Вечная и светлая память новомученикам, погибшим во имя истинной веры.

валерий костюков

тяжесть балканских объятий

Валерий Костюков — наш постоянный автор из города Березовского Свердловской области. Профессиональный музыкант, неунывающий оптимист, он всегда умеет выйти из самых сомнительных ситуаций, в которые его вовлекает неугомонная натура. Обо всем, что довелось испытать, автор повествует с глубоким проникновением в суть вещей и изрядной долей самоиронии.

Этот рассказ дался ему трудно, и он долго не решался его начинать. Обычный его иронизм отступал перед горечью пережитого. Не отпускала боль разочарования. Но, наконец, сюжет вызрел и вот вылился на страницы «Проталины».

На снимке автор запечатлен на исходе этой зимы в ста метрах от своего дома на фоне дорожной мелодии.

Замечено, что умные люди с годами вычеркивают из памяти все плохое, а хорошее бережно хранят. Только дураки тащат с собой по жизни гирю неприятностей.

Вспомнив это, я подумал, что вроде бы глупость не входит в список моих многочисленных недостатков, немало из тяжелых воспоминаний стерлось в памяти, и решился я на описание самых значительных и серьезных событий в моей жизни.

Конец девяностых в России. Лихие годы позади. Рэкетиры и бандиты, награбив достаточно, чтобы отобранное у пионеров российского бизнеса можно было считать первоначальным капиталом, сами стали заниматься бизнесом. Бывшие бандиты поменяли кожаные куртки и спортивные штаны с кроссовками на костюмы из дорогих магазинов. Кровавых денег хватало и на открытие торговых центров, и на покупку заводов, и на оплату избирательных кампаний. В нашу жизнь вернулось слово «партия», партии росли и множились, бывшие вымогатели разжились мандатами и начали писать законы, по которым должна была жить Россия.

Наступила относительная стабильность. Российские предприниматели, которые десять лет назад открыли свои дела и умудрились дожить с ними до начала двухтысячных, привыкли к непрекращающейся борьбе с чиновниками, как моряки на судах, бороздящих северные моря, привыкают к ледяным штормам. Хочешь ходить по морю — научись бороться с бурей. Хочешь в России иметь свой магазин, автосервис, киоск — умей ладить с чиновниками. У них тоже есть забота о своем благополучии: хочешь сидеть в мягком кресле начальника — умей добывать деньги любыми способами. Не надо никого бить темной ночью по голове, нужно придумывать и внедрять в жизнь приказы, предписания, рекомендации — любым путем обирать предпринимателей да вообще всех, кто зарабатывает деньги официально, законным путем. Ничего личного — за Родину радеем! Деньги для бюджета добываем! А поступили деньги в бюджет — теперь надо думать, как распорядиться ими в свою пользу.

Информация от администрации: «Сообщаем, что теперь, на основании решения областного правительства,

вы имеете право материально поддерживать общественные фонды и организации».

«Ну, наконец-то! Ура! Есть куда бросить кусок, чтоб не сожрали, пусть в ущерб семейному бюджету, но все-таки жить дозволено», — радостно восклицает владелец автомагазина или фотоателье. Звонит «нужным людям» в администрацию, и те поясняют, что теперь он может поддержать общественный фонд, председатель которого — мэр города. Может и не поддерживать, но полученное письмо с радостной вестью имеет регистрационный номер, а значит, есть люди, которые отследят, воспользовался получатель такой благородной возможностью или….

Следующая заманиха: «Доводим до вашего сведения, что конкурс на право изготовить новую вывеску для вашего магазина выиграла фирма «Вымпел плюс». Если в течение месяца со дня получения настоящего письма вы не заключите договор, администрация района пересмотрит договор аренды помещения для вашего предприятия».

Хозяин звонит в указанную фирму и выясняет, что стоимость совершенно не нужной ему новой вывески вдвое превышает среднюю цену по городу на этот вид услуги.

И так идет эта бесконечная волынка с вымогательством.

Избавившись от большевиков, страна не избавилась от всех худших черт ушедшего. Новая власть не торопилась поднять с колен свое государство после перестройки. Все вошло в стадию полумер: вроде уже и не так плохо, но еще далеко не так хорошо, как бы хотелось и чаялось людям.

Россия все еще не собралась с силами, чтобы стать на путь цивилизованной страны. Планировалась перестройка, а всех заполонило желание куда-то побыстрее «пристроиться», чтобы зацепиться и думать о своем куске от общего пирога.

Я понял, что светлые перспективы, которые так явно маячили перед людьми, скрылись за туманным горизонтом.

Мы с женой, имея свой маленький бизнес, в котором работали лучшие швеи в городе, не бедствовали, но у нас были дети. И нам ужасно не хотелось, чтобы они тоже всю оставшуюся жизнь «пристраивались». Наши умные, талантливые дочери должны были нормально жить в нормальной стране.

Мы стали думать, что и как сделать, чтобы наши представления об их будущем перестали быть несбыточной мечтой.

Где людям хорошо?

Там, где их нет.

Значит, нужно уезжать из страны.

В букинистическом магазине я купил уникальную книгу «Иммиграция в сто стран мира».

Стоила она тогда восемьсот рублей, как двадцать бутылок хорошей водки. И это была нормальная цена для такого издания.

Никогда я не держал в руках ничего подобного.

Книга была издана в Чехии, материалы для нее собирали тысячи агентов по всему миру. Она постоянно переиздавалась, чтобы все, описанное в ней, не теряло актуальности.

В ней не было ни одного формального совета или рекомендации.

Читатель выбирал страну, открывал главу, относящуюся к иммиграции в эту страну, и получал пошаговую инструкцию: с чего начать, куда пойти и что сделать. Пакеты документов, сроки рассмотрения различными инстанциями… И что самое поразительное, в книге упомянуты те затруднения, о которых нигде не говорится, и даже сказано, как их обойти. Выглядело это примерно так:

«Когда вы получите весь пакет документов и отнесете его в указанный отдел, чиновник сообщит, что подписание документов может замедлиться по определенным причинам. Убедитесь, что в кабинете кроме вас и его никого нет, после чего решайте вопрос обычным латиноамериканским путем. Предложите сорок долларов США, если не согласится, добавьте еще десять. Помните, это именно та сумма, которая его устраивает. И если он продолжит торговаться, делайте вид, что собираетесь уйти. Вопрос будет решен. Не давайте больше! Помните о тех, кто придет после, так же, как думал о вас тот, кто был здесь раньше».

Такие подробности были описаны в книге для каждого этапа оформления документов.

Не могу удержаться, чтобы не привести еще один пример. Мексика. Один из официальных способов получения гражданства. Авторы книги рекомендовали:

«Приезжаете в адвокатскую контору. Вот перечень нескольких, самых проверенных таких контор… Платите деньги. Вот определенная сумма, актуальная на этот год… Адвокат повезет вас в деревню, где вы «родились». В каждой церкви есть книга, в которую вписываются все новорожденные. И когда год заканчивается, на листе оставляется несколько пустых строчек, в которые, даже спустя много десятков лет, можно вписать еще несколько рожденных якобы в этот год. Итак, в книге появляется запись, которая говорит о том, что в 1952 году вы — новорожденный Пабло, появились на свет в семье Хуаниты (или Маргариты) и Родригеса (или Фернандо) Кантарес (или Фигарес)».

Я ясно представил это себе. Как меня везут на местное кладбище, где я, пустив скорбную слезу (матушка была так добра, а отец всегда баловал), кладу букет цветов на могилы почивших «родителей». С бутылочкой текилы еду навестить повивальную бабку, которая все еще жива и помнит, как я, озорник этакий, звонко заверещал у нее на руках, появившись на свет. После чего, через некоторое время, взамен моего паспорта,

который упал в пропасть на глазах свидетелей, получаю новый.

Когда я рассказал об этих пунктах эмиграции своему знакомому майору милиции, он, захлебываясь от возмущения, подтвердил эту информацию рассказом о конкретной неудавшейся операции. Помню этот рассказ почти весь. Он со злым волнением говорил:

«Мы его, гада, семь лет искали. Чудом нашли в этой самой Мексике! С ним на улице столкнулся потерпевший, который был там по турпутевке. Тот его не заметил, а терпила проследил, адрес записал, дом сфотографировал. Домой вернулся и сразу к нам. С трудом выбили командировку, прилетели, нашли адрес. Приходим. Ну что, мол, добегался? Собирайся. А он спокойненько так отвечает:

— Куда это вдруг?

— Коля, ты дурку не гони, сам знаешь, куда. Домой. Там тебя нары заждались.

— Вы что-то путаете, амигос. Во-первых, я не Коля, а Родригес. Во-вторых, мой дом здесь, в-третьих, если вы не прекратите нарушать мой покой, я вызову полицию.

— Ты — Родригес? Ну-ка в зеркало посмотри на рожу свою тагильскую!

Смотрит в зеркало. И нагло так заявляет:

— Да, мы — мексиканцы, очень красивые люди. Особенно я, потому что похож на отца — дона Педро.

И ржет!

Приезжает полиция. Проверяет документы и его, и наши.

Объясняем, кто мы и зачем здесь.

— О! Господа, мы уважаем коллег из России. Но если наш гражданин подтвердит, что вы доставляете ему неудобства в его собственном доме, мы будем вынуждены проводить вас в участок.

И мы ни с чем так и уехали!»

Но хватит. Добросовестно просмотрев книгу, мы приняли решение: подходящая страна — Аргентина.

Был куплен самоучитель испанского, начались занятия. Но недолго длилось это вникание в тонкости языка, на котором говорят примерно пятьсот миллионов человек в мире.

Объясню, как это произошло.

Я шел за машиной. Мой большой вишневый Opel Omega Caravan стоял на стоянке около гостиницы «Большой Урал».

Проходя мимо киоска Роспечать, я увидел в его витрине новую газету «Иностранец» и тут же купил. В тот момент, когда у меня в руках оказался купленный номер «Иностранца», по сути, начался новый период моей жизни.

Я спокойно продолжил движение в сторону автостоянки, и вроде бы ничего, совершенно ничего не произошло. Но на самом деле с этого момента купленная газета уже разделила мою жизнь на два периода — «до» и «после».

Вечером, листая газету, я увидел большую статью с интригующим названием «Курица — птица, Болгария — заграница». Существует такой вид неправды — когда обманывают, говоря правду. То есть все, что сказано — соответствует действительности, но это неправда. Потому что это НЕ ВСЯ правда. По этому принципу и была написана статья о Болгарии в «Иностранце», конкретно о плюсах иммиграции из России в эту страну. Полуправда была очень убедительной, ведь все, что мы прочли, вполне совпадало с нашими представлениями о стране. Мы трижды всей семьей отдыхали там: прекрасное море с чистыми пляжами, ласковое солнце, чудная природа, улыбающиеся продавцы, дешевые фрукты и вина, которых мы дома не видели! И еще в школе нам объясняли, что болгары — наши самые лучшие друзья, потому что Россия, ценой жизни многих тысяч своих солдат, не раз освобождала болгарский народ от поработителей — турок и фашистов. Братушки, в общем.

Мы поняли, куда нужно ехать, и в тот миг, когда мы поблагодарили Бога за такую своевременную подсказку, где-то за нашей спиной не Он, а рогатый и хвостатый, радостно ухмыляясь, бесшумно захлопал в ладоши.

Сдав в «бук» испанский словарь, я купил теперь огромный болгарский, который лежал на витрине так, как будто его положили специально для меня.

Две недели, «сидя на телефоне», я общался с девочками из варьете «Космос». Одна из артисток, когда коллектив ездил на гастроли в Болгарию, вышла там замуж и осталась. Наконец я нашел номер ее телефона. Сначала она сильно удивилась, узнав о наших планах, но потом сказала: «С большими деньгами, я думаю, можно ДАЖЕ ЗДЕСЬ устроиться». Позже мы поняли значение этих слов.

Летом 1999-го наша очередная поездка в Болгарию была уже не только туристической. Мы встречались с агентами по продаже недвижимости, ездили смотреть дома на побережье, квартиры в Варне.

Выяснилось, что приобрести недвижимость в стране может только юридическое лицо. Самостоятельно зарегистрировать фирму без знания языка было нереально, и мы поехали к моей давней знакомой, оставшейся когда-то в Болгарии. Ирина жила в деревне, в двухстах километрах от побережья. Перед встречей она предупредила: «Приедете, у любого спросите, где «Ирка-хореографка» живет».

Я взял напрокат малолитражку, вооружился атласом автомобильных дорог, который бесплатно предлагался фирмой, и мы с женой отправились в первое автопутешествие по Болгарии.

После разбитых российских дорог передвигаться на новеньком «Фиате» по здешним автострадам было сущее удовольствие. Идеального качества асфальт, который даже в деревнях был лучше, чем в Екатеринбурге на центральных проспектах, везде четкая разметка, огромное количество указателей — все это превращало деловую поездку в приятную прогулку.

Нам уже объяснили систему общения с дорожной полицией. Нарушил правила, плати штраф. Полицейский, доброжелательный, как продавец фруктов на рынке, покажет тебе фото твоего нарушения и таблицу, в которой указана сумма штрафа за данный вид нарушения. После чего сообщит, что ты можешь заплатить полную стоимость по квитанции или ровно половину без таковой. После того, как ты сделаешь выбор и рассчитаешься, он пожелает тебе доброго пути и обязательно предупредит, где на твоем маршруте находятся его коллеги, чтобы ты был острожен и не платил дважды.

Европа, блин!

В деревне Борово мы быстро нашли Ирину Матвееву и ее сына Владимира с женой. Они очень приветливо встретили нас, угостили всем, что мы с собой привезли, добавив к нашим деликатесам болгарских помидорок.

Во время застольной беседы мы договорились, что за тысячу долларов США Володя оформит все документы на фирму, которую мы назвали «Валекс» по нашим с супругой именам — Валерий и Александра. Это было якобы стандартное вознаграждение, которое брали адвокаты в Болгарии за такой вид услуг. Позже я узнал, что реальные затраты на все составили сто долларов, а девятьсот — были чистая прибыль. Огромная, по болгарским меркам, сумма. Для примера, месячная зарплата «Ирки-хореографки», которая преподавала в балетной студии деревни, равнялась пятидесяти долларам.

Деревенская балетная студия. Европа, блин!

В тот момент балканский капкан с ухмылкой раскрылся, и это была лишь первая наша тысяча, которая успешно разместилась в карманах новых «друзей».

Было понятно, что нужна еще одна поездка для того, чтобы закончить то, что было начато в первой. Мы уже поняли, что приобрести недвижимость не проблема, так как в Болгарии никто не отменял правило «продать трудно, купить легко». И сейчас я опишу, какая многосложная, я бы сказал, филигранной тонкости дорожка была сплетена судьбой, чтобы завести нас в самую крупную западню за всю историю нашего балканского приключения.

Мы жили в городке Албена, самом фешенебельном курорте Болгарии, который коммунисты и жулики, объединившись, успели прибрать к рукам во время развала социалистической системы. Собственники навели там свой порядок, то есть все, что только можно, стало сдаваться в аренду на летний туристический период… за огромные деньги. Представьте себе — город разделили на квадратные метры, и за каждый — несколько тысяч долларов за сезон. Хороший бизнес: миллионы при полном отсутствии каких-либо для себя проблем. Проблемы, конечно, были, и в изобилии, но только у тех, кто арендовал объекты, а не у хозяев земли.

Каждый вечер, прислушиваясь к ресторанной музыке, я порой улавливал звуки хорошей гитары. Акустика местности была такова, что мелодии долетали до наших окон за несколько сотен метров от того места, где играли. Я безошибочно определил, что коллега играет на гитаре Гибсон, причем не корейского или японского производства. Звучал тяжелый, настоящий американский инструмент. Дорогая гитара, в бедной Болгарии музыканты на таких не играли, это я уже знал, послушав и посмотрев десяток местных ансамблей, работающих в барах и кафе.

В один из вечеров мы с женой пошли на этот, ласкающий мой слух голос гитары. Пройдя триста метров от нашего отеля, мы поднялись на второй этаж маленького ресторанчика. На сцене стоял дуэт — девушка за синтезатором и гитарист, конечно же, с Гибсоном. В перерыве я подошел к коллегам, познакомился и предложил после работы присоединиться к нашему столику.

После полуночной беседы мы проникли еще глубже в капкан: музыканты дали нам номер телефона агента по продаже недвижимости, с помощью которого они сами недавно приобрели квартиру в Варне.

Отбывая домой, из аэропорта мы позвонили риэлтору Ирине, которая тоже оказалась нашей бывшей соотечественницей, — именно ей мы решили доверить приобретение нового жилья. Русская, да еще, как оказалось, и музыкант, что может быть для нас лучше? Мы договорились, что прилетим в Варну в апреле, когда будут самые низкие цены на недвижимость.

Через месяц мы вновь уже были в Болгарии. Эта поездка не стоит того, чтобы о ней рассказывать долго. Скажу только, что мы получили готовые документы на фирму «Валекс» и временные паспорта иностранцев. Только имея все это, мы могли приобрести квартиру в стране «лечо». Такой вот продуманный закон издали болгарские чиновники: недвижимость в Болгарии чужденец-иностранец может иметь, только если он является юридическим лицом. В чем хитрость? Объясню. Выкручивать руки Человеку для страны, метящей в члены Евросоюза, небезопасно. А с предпринимателем можно делать все что угодно, ведь внутренние проблемы экономики — личное дело любого государства. Лишить жилья Гражданина, пусть другого государства, — нельзя, но сделать невозможным жизнь предпринимателя, у которого есть недвижимость, а документы на фирму не в порядке, можно. Да, документы… О-о-о-о! Тут такой простор для законотворчества…

То есть мы получили возможность приобретения жилья, но попали в состояние крайней уязвимости со стороны власти. Только тогда мы этого, конечно, не понимали. Не знали мы и того, что одним из условий вступления Болгарии в Евросоюз было закрытие доступа к европейским странам через Болгарию всем бывшим «братьям» по соцлагерю. Оказались в немилости и те, кто уже обосновались здесь. Русские в этом списке персон «нон грата» прочно занимали первое место.

Но это все факты, которые стали очевидными для нас много позже.

А пока все было прекрасно!

Документы есть, лучший риэлтор ждет нашего приезда, впереди — светлое будущее в теплой, красивой, гостеприимной Болгарии!

Не сохраняя интригу, ведь я пишу не детектив, скажу, что далее все, чем мы восторгались раннее, я могу обозначить только кавычками. Называть Болгарию братской сейчас у меня не получается.

Вернувшись домой, мы начали подготовку к важнейшему событию нашей жизни.

Есть поговорка: «Один переезд равен трем пожарам». Чему же равен переезд за границу?..

Мы приняли решение ехать с вещами, ведь было огромное количество того, без чего невозможно жить, что может пригодиться и в быту, и в работе. Многие вещи продать здесь можно было только за бесценок, а за сколько их можно купить там? Расставаться же с сотнями книг домашней библиотеки мы не могли и не хотели.

Я не буду перечислять содержимое двадцатичетырехтонного контейнера. Скажу только, в качестве интересной подробности, что мы решили везти семь шифоньеров, по дешевке купленных на распродаже имущества одного общежития. В нашей огромной квартире они выполняли роль склада для швейной продукции. Когда они стояли в контейнере, в них было удобно складывать вещи. А в Болгарии они стали бы дровами, ведь в южном приморском городе Варна, как, впрочем, и во всех городах этой страны, не было центрального отопления, и в зимний период граждане согревали свои жилища печками. И было неимоверное разнообразие таких печек.

В течение двух недель наших сборов я каждое утро приходил в обувной цех Свердловского оперного театра, садился за длинный рабочий стол и вместе с мастерами шил балетные тапочки и пуанты. Изрезав руки до крови толстой дратвой, которой шилась обувь для артистов балета, я полностью постиг процесс изготовления того, чем, кроме многого прочего, можно было торговать в Болгарии. Мастером я не стал, но сшить и показать, как этот делается, я мог. Ни одно предприятие в этой стране не производило балетной обуви, но были театры и хореографические училища. А значит, был спрос, который удовлетворялся исключительно поставками из России от известного производителя, который в ценах не стеснялся, ведь конкурентов не было. И мы, хотя бы теоретически, могли представить удачу сбыта нашего товара.

Я взялся за гитару. Каждый день: час — читка нот с листа, час — разучивание репертуара, который в Болгарии мог быть востребован. Мировые хиты из репертуара самых разных исполнителей, которые я хорошо знал, потому что их знал весь мир, теперь шли в мою исполнительскую копилку, представилась возможность все это сыграть и спеть. В курортный сезон тысячи кафе и ресторанов Болгарии платят музыкантам неплохие для этой бедной страны деньги, в такое время моя основная профессия могла очень даже пригодиться.

Два комплекта промышленного швейного оборудования были приведены в идеальное состояние, снабжены запчастями и расходными материалами, вплоть до машинного масла. Несколько десятков отработанных годами лекал, десятки километров ниток, тысячи застежек-молний, кнопок для одежды, приспособлений для их установки и многое другое. Все это давало возможность открыть швейное производство в любой точке планеты, где есть электричество.

В апреле мы с женой полетели в Варну, где нас с распростертыми объятиями ждал риэлтор. Позже оказалось, что у высокой, стройной блондинки Ирины руки были загребущие, с цепкими когтями, которые гребли все, что только можно, не стесняясь в приемах и средствах. Кидала она даже коренных жителей, несмотря на их всякие высокие посты, ловко обходя законы. Белокурая красавица встретила нас в аэропорту на машине вместе с мужем. Привезла в город, быстро нашла съемную квартиру, хорошую и недорогую, после чего на следующий день мы отправились осматривать варианты нашего нового жилья.

«Идеален центр», так на болгарском назывался район, в котором на тихой улочке стоял наш будущий дом. Название района соответствовало его расположению в городе. Пять минут ходьбы до исторического центра, десять — до моря. В квартире размером 110 квадратных метров были две спальни, кухня, столовая, гостиная, перальня (помещение для стирки и прочих хозяйственных нужд) и два балкона, на одном из которых можно было справлять небольшую свадьбу. Вот только квартира эта была в процессе стройки: бетонный пол, кирпичные стены, бетонные потолки. «За тысячу долларов болгары через две недели превратят это все в хоромы», — говорила Ирина с такой уверенностью, что мы закивали головами — знаем, видели, как в Екатеринбурге эти самые болгары за три месяца отгрохали Театр кукол.

На третий день пребывания в стране мы с владельцем квартиры и Ириной отправились к нотариусу. До этого я сделал несколько десятков звонков одной из своих болгарских знакомых. У нее была подруга, адвокат, и мы хотели, чтобы она проконтролировала сделку. И вот ведь не мог ее телефон сломаться в другое время! Нет! Именно в этот день он у нее не работал, и именно по этой причине мы пришли оформлять сделку без поддержки. Ах, как же была рада наша Ирочка — ее афера удалась! Любой грамотный адвокат, увидев документы на недвижимость, сразу предупредил бы нас, что мы покупаем квартиру без так называемого «акта шестнадцать». То есть в доме, не принятом жилищной комиссией, а проще — на никому не принадлежащей стройке!

Заключив сделку, оставив солидный аванс, мы улетели домой, и там принялись за окончательные сборы. Из тех дней живо помнится только один забавный эпизод. Когда я заказывал контейнер для переезда, сотрудница, с которой я говорил по телефону, назвала сумму, в которую мне обойдутся транспортные услуги. Я опешил — сумма была нереально мала.

— Вы ничего не путаете?

— Вы отправляете вещи в Варну?

— Да.

— Все правильно.

— Да не может быть так мало.

— Все столько платят.

— До Варны, контейнер двадцать четыре тонны?

— Да.

— Не может быть.

— Мужчина! Мне работать надо. Вы спросили, я ответила. Последний раз говорю. Контейнер двадцать четыре тонны до Варны стоит столько-то.

— До Болгарии за такие копейки?

— Какая Болгария? Варна. Челябинская область.

Стало все ясно, оказывается, у нас на Урале тоже есть своя Варна.

Вылет был запланирован на конец июня. Для детей куплены путевки, чтобы первую неделю, пока бравые болгарские мастера превращают половину квартиры в «хоромы», они жили в комфорте. Мы решили скоротать это время у той хозяйки, в чьей квартире обитали при покупке своей недвижимости.

И вот контейнер отправлен. Мы провели последнюю ночь в нашей, уже пустой, квартире на постелях, которые соорудили из того, что нам одолжили наши соседи. Те, с которыми мы прожили в дружбе пятнадцать лет и с которыми расставались навсегда. Утром за нами заехал один из моих друзей и отвез в аэропорт.

Пять часов полета, и вот мы уже проходим таможенный досмотр.

Солнечная страна Болгария начала бить нас наотмашь сразу, как только мы окончательно ступили на ее землю, ведь теперь мы приехали не как туристы, а как иммигранты. А туризм и иммиграция — ох, какие это разные понятия!

Во время полета мы никак не могли найти ключи от нашей новой квартиры. После прохождения таможенных процедур, когда мы формально уже пересекли границу, мне пришла в голову мысль просветить все наши вещи, чтобы найти эти злополучные ключи. Мы подошли к человеку в форме, стоящему около таможенного прибора, просвечивающего вещи пассажиров, и попросили посмотреть, где находится связка ключей. Ушлый болгарин сразу понял — сегодня «его день».

— Вы не на отдых приехали? — спросил он.

— Нет, у нас в Варне квартира.

— А деньги есть с собой?

— Конечно.

— Сколько?

Наличными мы везли с собой пятнадцать тысяч долларов, остальные лежали на карте Visa, о чем мы и сообщили помолодевшему лет на десять от наших слов болгарину. Он с плохо скрываемой радостью показал нам на большой плакат, на котором на нескольких языках сообщалось, что сумму свыше трех тысяч долларов, ввозимую в страну, нужно декларировать. То есть всего лишь написать, что она есть в наличии. При отсутствии декларации все денежные средства конфискуются. Мы были в Болгарии раз пятнадцать, таможенное оформление всегда было очень простым, занимало минуты, и смотреть на какие-то плакаты нам не пришло в голову. И вдруг — отдать пятнадцать тысяч американских долларов за то, что не сказал «господа, у меня есть пятнадцать тысяч».

!!!!!

Чтобы описать наше состояние в те минуты, у меня не хватит таланта, но то, что лет пять жизни из срока, отмерянного мне судьбой, были вычеркнуты радостным таможенником, это наверняка.

Из первой ямы, в которую солнечная Болгария радушно собиралась нас бросить, вытащил нас вовремя появившийся Володя Матвеев. На протяжении всех месяцев пребывания в стране вкусных помидоров и дешевого вина он постоянно вытаскивал нас из бесчисленного количества различных ям, оврагов, капканов, уготованных нам. И делал это очень небескорыстно. Если про таможенника, который вскрыл нарушение правил пересечения границы, можно было сказать, что сегодня «его день», то для Володи весь последующий год был «его годом». Ведь он находился рядом с утопающими и, регулярно бросая им спасательный круг, имел за это хорошие дивиденды. Замечательная работа у него появилась. Постоянная. Хотя почему «появилась»? Он сам ее и создал. Ведь документы для нашей фирмы он оформлял вместе с болгарским другом, который, в отличие от него, был порядочным человеком. Они с женой в период нашей подготовки к переезду пытались написать нам об изменениях в политике страны, которые ставили под сомнение правильность нашего решения о переезде. Но ушлый Вова грамотно, как может сделать только человек, обладающий талантом ловкача, предусмотрительно прервал контакт с этими людьми, и их предостережения не дошли до нас. Впоследствии они рассказали нам, что единственная цель, которую преследовал товарищ Матвеев в отношении нас, выражалась словами «ну, уж пару-то тысяч долларов я у них возьму взаймы». Отдавать их он, конечно, не собирался. А то, что «пару тысяч» ему привезет семья с маленькими детьми, которая в этой поездке разорится… такая мелочь. Впрочем, выкрутасы «доброго помощника» стали нам известны много позже. А сейчас…

Болгарин прекрасно понимал, что деньги, конфискованные государством, не принесут никакой пользы его личному бюджету, и с легкостью вместо того, чтобы положить пятнадцать тысяч американских долларов в карман родины, положил триста в свой. При этом мы были рады, конечно, больше, чем он. Нет нужды объяснять почему.

Так закончилась первая из неприятностей, длинная череда которых нас ждала впереди.

Дети уехали в автобусе турфирмы на курорт Золотые пески, что в пятнадцати километрах от Варны, а мы отправились штурмовать нашу квартиру, ключей от которой мы так и не нашли. Обнадеживало, что у нас были владеющий болгарским проводник Володя и все документы на квартиру. Мы считали, что любой мастер возьмется открыть нашу стальную дверь. Но то, что могло быть нормой для России, не проходило в Болгарии. Первый ключар (мастер по замкам и ключам), которому мы

объяснили ситуацию, сразу же закивал головой. Я обрадовался и зря. Если болгарин отрицательно машет головой, это — да, если он кивает, то это — нет. Все наоборот. Следующие два ключара, которых мы нашли в нашем микрорайоне, услышав, что от них требуется, тоже закивали головами — нет. Было совершенно очевидно, что они боятся. Чего? Позже я понял. Всего! Боятся даже в ситуации, когда очевидно, что ничего криминального не происходит, а наоборот, маячит хороший заработок. На всякий случай болгарин скажет «нет» — а вдруг чего не так?

В конце концов отважный мастер, не побоявшийся «смертельного» риска, был найден. Дверь была вскрыта и вставлен новый замок. Наконец-то мы оказались в своей новой квартире, которая через две недели должна была превратиться в хоромы.

Щас!

За три месяца через наше жилье прошли несколько десятков разных халтурщиков, которых объединяло одно — они не умели делать то, за что я платил им деньги. Приходили двое, заливали пол, получали деньги и уходили. Потом мастер-паркетчик сообщал, что мой замечательный паркет из испанского дуба на такой пол не ляжет, потому что поверхность неровная. Приводил своего мастера, и тот переделывал то, за что лишь вчера я уже заплатил немалую сумму. Кафель в огромной ванной нужно было уложить так, чтобы вода из любого угла помещения стекала в сливное отверстие. Но после того как счастливый «мастер» с моими деньгами исчезал, выяснялось, что после пользования душем в углах образуются огромные лужи, никуда «уходить» не собирающиеся. Следующий спец сначала за отдельную плату долбил и убирал финский кафель и только потом укладывал новый. Проверяя результаты его работы, я, уже озверевший от потока оплачиваемого мной брака, смотрел на него так, что он, глядя на мою физиономию, молил Бога, чтобы результаты его работы меня удовлетворили и вода стекала куда положено.

И так делалось всё. После того, как основные работы все-таки закончились, и не за обещанную Ириной тысячу долларов, а за пять этих самых тысяч, и не за неделю, а за четыре месяца, мы с женой достали привезенные из России обои, клей и начали доделывать ремонт сами. Когда все было готово, квартира действительно превратилась в «хоромы». Такое жилье уже можно было выставлять на продажу.

Почему?

Да потому что за эти четыре месяца мы поняли, что жить в такой приветливой внешне стране мы не будем.

Ни за что!

Ведь мы узнали ту правду, о которой, конечно же, не писалось в той злополучной статье. А главное, мы узнали то, чего никогда не смог бы увидеть турист, легко и красиво отдыхающий несколько недель на курорте и посещавший красивую Варну, чтобы поглазеть на достопримечательности. Оставив деньги в ресторане, баре, магазинчике, он видел радостно и искренне улыбающиеся лица официантов и продавцов — милые люди! А чего не радоваться деньгам-то? Им все и везде рады. И болгары тут не исключение.

Когда я работал в свердловском ресторане «Космос», среди артистов варьете постоянно присутствовал цыганский коллектив. Точнее — коллективы, потому что, отработав примерно полгода, группа уезжала, и ее место тут же занимали коллеги-соплеменники. Одна артистическая семья передавала хорошую точку другой. Из череды артистов-цыган мне запомнился один танцор. Он относился ко мне с явной симпатией, потому что раньше был гитаристом, но в аварии сильно повредил руку, что поставило крест на его музицировании. Талантливый человек не смирился с трагедией и освоил искусство цыганского танца. Когда гастроли его семейного ансамбля подошли к концу, за прощальным коньяком он с огромной горечью сказал:

— Самая большая боль в моей жизни — то, что я цыган. Нет на свете более лихой и ненадежной нации, чем мы — цыгане.

И вот признание другого человека. В моем «болгарском» доме внизу работал магазин. Один хозяин, он же продавец, прекрасный человек с высшим образованием и отличным знанием русского. Серьезный меломан, коллекционер, глубоко разбирающийся в джазе… конечно, мы подружились с ним. Как-то я угощал его купленной в его же магазине водкой. Был теплый осенний вечер, мы сидели за столиком напротив его магазина. Я был щедр, он по-своему тоже — не успевал доставать со своей витрины покупаемые мной бутылочки. Они были маленькие, и выстроилась целая батарея. Изрядно набравшись, горестно покачав головой, он вымолвил:

— Я скажу тебе сейчас то, о чем знают все, но никогда нигде никто не скажет вслух. А ведь это самая большая боль, как я узнал. Во всех учебниках истории написано, что наши предки — волжские булгары. А знающие нашу историю люди утверждают, что произошли мы, болгары, от цыганского племени.

На первый взгляд, менталитет русских и болгар очень близок, об этом говорится во многих источниках. Но у нас, проживших в стране лечо уже полгода, сложился свой взгляд. Мы уже поняли, что нас окружают люди, приятные внешне, но порой непредсказуемо странные.

Если болгарин говорит «да» — это, скорее всего, «возможно».

Если болгарин говорит «возможно» — это, скорее всего, «нет».

Если болгарин говорит «нет»… это не болгарин.

Мы уже поняли, что ни одна договоренность не означает, что человек, который что-то обещал, собирается это исполнить.

Помимо толпы халтурщиков, которые бесконечно доделывали нашу квартиру, одолевали нас и обещалкины. Мы договаривались с ними о цене, виде работ, но они просто не приходили в назначенное время. Вот так: нахожу

в газете объявление, созваниваемся, человек приходит, проводит измерения, определяет объем работы, подсчитывает стоимость услуг. Жмем друг другу руки, и завтра в девять ноль-ноль… его нет. В десять нет. Звоню. Он сообщает, что задерживается и будет в одиннадцать. Когда я в половине двенадцатого снова звоню, он не берет трубку, и больше я никогда его не увижу. Ну, не понятно это русскому! Не хочешь — не берись, сам ведь объявление в газету дал. Но у болгар так не принято — говорить «нет» там, где он чего-то не хочет или с чем-то не согласен. Как я уже говорил, если болгарин говорит «да»… так вот, если болгарин говорит «да», это вообще ничего не значит, просто НИЧЕГО. Жить в окружении людей, с которыми зачастую трудно договориться? М-да…

Часто говорится, что болгарский и русский языки схожи. Это так и не так одновременно. Действительно, семьдесят процентов слов в наших языках имеют схожее звучание. Но если болгарин в нормальном разговорном темпе будет говорить, русский не только не разберет ни слова, но вообще не поймет, о чем хотя бы приблизительно идет речь. Через полгода жизни в Болгарии, если болгарин спрашивал: «Разбираш ли на български?», — я отвечал: «Разбирам, но не бързо», — понимаю, но не быстро. То есть если болгарин говорил достаточно медленно, я мог его понять.

Вообще, болгарский язык стоит того, чтобы написать о нем несколько подробнее. В некоторых случаях он был более русским, чем тот, на котором говорим мы, россияне.

Сахар в чай или кофе мы накладываем и размешиваем ложечкой, и почему-то так же мы называем предмет, с помощью которого надеваем туфли или ботинки. Болгары «нашу» обувную ложечку называют обувалка. Ручка для письма — писалка! Шариковая ручка — химикалка! У нас пищу готовит повар, а у них готвач. И продает продавач или продавачка. А вот что случилось, когда я забыл еще об одной особенности болгарского.

Еду из Варны в Софию. Нашел на карте, как можно скосить десяток километров пути, проехав через несколько деревень, а не по автобану. Тем более деревенские дороги у них не хуже, чем на тракте. Чувствуя, что немного потерял ориентир, останавливаюсь около деревенского жителя, спрашиваю. Он понимает, что мне нужно, и начинает объяснять, как проехать. Показывает вытянутой вперед рукой на перекресток, что виднеется вдали, и говорит «направо». Я благодарю и еду, поворачивая на перекрестке направо. Через несколько километров понимаю, что углубляюсь в какой-то лес вместо того, чтобы приближаться к трассе. Разворачиваюсь, чтобы вернуться к крестьянину, и вдруг вспоминаю, по-болгарски прямо — это направо, как мне и сказал пять минут назад доброжелательный селянин!

Кругом чужая речь и чужие люди, чужие по образу жизни, по образу мыслей, с другими понятиями о том, «что такое хорошо и что такое плохо».

Но ведь и это не все.

Нас греет память о русском героизме, и мы думаем, что любовь к нам распространяется на все последующие поколения спасенных нами, в частности, в той же Болгарии, которую освобождали от турецкого ига и фашистского нашествия ценой крови тысяч наших солдат. Но чтобы это помнить, надо иметь действительно духовное родство.

Когда болгары были с нами в одном социалистическом лагере, мы для них были «старшим братом», который никогда не отказывал в помощи. Прекрасная природа, море, солнце, земля, в которую «воткни черенок от лопаты — вырастет персиковое дерево», этого всего мало для обеспеченной жизни. А все, чего не хватало, дополнялось в ходе взаимных обменов, когда был Советский Союз. Они нам помидоры, мы им бензин. Они нам лечо, мы им газ. Они — вино, которым вся Европа завалена — пей не хочу, мы — химические комбинаты, которые до сих пор составляют основу промышленности страны. И в результате — прекрасная жизнь в прекрасной стране, достаток в каждой семье и благополучие в государстве. Но вот социализм закончился, поток того, без чего жизнь любой страны обрастает проблемами, тоже. И… о чудо! Один за другим исчезают признаки большой любви.

Стою в магазине за колбасой. Первая покупательница — болгарка, покупает тот же сорт, который нужен мне. Продавачка берет колбаску, отрезает металлическую проволочку, которая крепит оболочку, взвешивает, отпускает товар. Женщина уходит. Со следующей покупательницей происходит то же самое. И вот моя очередь. То, что я русский, продавцу известно, потому что я единственный в этом районе из России. Хозяйка прилавка, не отрезая проволоки, кладет колбасу на весы. Я издаю несколько звуков, вроде — проволоку-то убери. Она делает вид, что не понимает, хотя по лицу видно — все ей понятно. Тогда я, сделав страшную рожу, цежу свозь зубы что-то далеко не дружелюбное. Продавщица бледнеет, беспомощно озирается, трясущимися руками убирает проволоку, взвешивает, называет сумму, и, когда я ухожу, то вижу в стекле витрины, как она фартуком вытирает пот со лба. Значит, тут больше страха, чем любви.

Ну, и главное, власти последовательно проводили линию на выживание из страны граждан бывшего СССР. Поток законов о правилах пребывания в Болгарии этой категории жителей не прекращался. Выходили они каждые полтора-два месяца, причем каждый последующий перечеркивал предыдущий. А оформление жизни по новым правилам — это деньги, деньги, деньги. И нервы, нервы, нервы. Через полгода мы поняли, что рассчитывать на нормальную жизнь в солнечной Болгарии — наивно, глупо, а порой и опасно.

Мы стали готовиться к отъезду. И главной проблемой теперь оказалась продажа нашей квартиры. Такое жилье было не по карману среднестатистическому болгарину. Несколько месяцев наше объявление о продаже выходило в газете «Недвижимость», раз в неделю приходили потенциальные покупатели. Смотрели, видно

было, что им нравится, но они уходили, и больше мы их не видели.

Месяцы шли, деньги таяли. На месяц жизни я заработал, продав в антикварную лавку несколько сотен юбилейных медалей СССР, значков, монет и прочей исторической мелочи, среди которой был даже китель капитана милиции. Все это я запечатал внутрь звуковых колонок для магнитофона, по всем правилам контрабанды. И зря парился. Когда я приехал оформлять контейнер в отдел таможни, офицер, прочитав мою анкету, спросил: «Так вы и есть тот самый Костюков, гитарист?» Я ответил утвердительно. Посмотрев на огромную очередь, выстроившуюся около его кабинета, он сказал примерно следующее: «Вы меня не знаете, но я еще в студенческие годы был поклонником вашего университетского ансамбля, поэтому не буду я обижать искусство и не буду у вас ничего досматривать. Сомневаюсь, что вы наркоту или оружие везете. Вот вам пломба, поставите ее на контейнер сами и скажете, что я раньше осмотрел у вас все. Счастливого пути». Так что мои усилия для укрытия сомнительной ценности антиквариата были совершенно напрасными.

Не знаю, можно ли расценивать то, что мы сделали потом, как взятку Господу... Может, это просто совпадение. Но произошло вот что.

У нас в семье хранилась икона Николая Чудотворца, завещанная мне бабушкой, было ей лет сто, не меньше. Примерно в полметра высотой, она была заключена в красивейший, покрытый сусальным золотом киот. Очень красивая и дорогая. В один их дней мы взяли ее, завернули в простыню и отнесли в храм святой Петки, что находился в двух сотнях метров от нашего дома. У болгар Петя, Ваня — женские имена. И святая Петка носила при жизни именно такое имя — Петя.

Когда мы зашли в церковь и сказали, что хотим подарить эту икону храму, священнослужитель, к которому мы обратились, вытаращил на нас глаза. Несколько раз переспросил, потом умчался во внутренние помещения. Через несколько минут к нам вышли все, кто служил в храме. Батюшка принес фломастер и попросил, чтобы на обороте иконы мы сделали надпись:

От семейства Костюковых:
Нина Костюкова
Лена Костюкова
Александра Костюкова
Валерий Костюков

Когда мы через несколько дней зашли в храм помолиться, мы не увидели нашего дара. Задав вопрос, мы получили ответ: «Это самая дорогая и красивая икона нашего храма, она будет выставляться только в большие праздники». И действительно, в день святого Николая Угодника, когда народ валом валил в храм, наша икона стояла у самого входа, и каждый входящий прикладывался к ней, клал вознаграждение и только после этого проходил внутрь.

Она и по сей день хранится в храме, и когда мы приезжали с женой на отдых, всегда приходили повидаться с ней.

Так вот, на следующий после этого события день к нам пришел реальный покупатель! Моряк, работяга, он сказал, что такой суммы, которую мы хотим получить за квартиру, у него нет и никогда не будет. Единственная возможность купить такую шикарную недвижимость у него появится, если мы согласимся продать за те деньги, которые у него есть. И назвал сумму, за которую мы купили «стройку». То есть пять тысяч долларов, которые мы выложили за ремонт, должны были стать подарком.

Мы думали недолго. Появился реальный шанс выбраться из ямы, в которую нас бросила судьба, и мы не упустили его. Ударили по рукам. Болгарин попался честный и порядочный. Через месяц наша сделка состоялась, но отправиться на родину не получалось. Потому что испытания наши не закончились.

Прежде чем я опишу, что с нами приключилось после продажи квартиры, маленькое отступление. На каждое правило есть исключение. Все, что я понял о болгарах, не касалось нескольких людей, которых нам послала там судьба. С русской женщиной Тамарой, много лет назад вступившей в брак с болгарином Димитром, мы познакомились случайно на рынке, где она торговала фруктами. Когда мы рассказали, что собираемся купить в Варне жилье и переехать жить, она дала свой адрес и телефон. Впоследствии они с мужем помогали нам много и бескорыстно. Неутомимая оптимистка, она ходила с нами по магазинчикам и лавкам, предлагая для продажи наши швейные изделия, искала печку, когда наступили холода, не перечислить всего, что сделала она для нас в то трудное время. Перед самым отъездом мы вчетвером даже жили в маленькой квартирке Тамары и Димитра, в которой кроме хозяев ютилась еще и их дочь с двумя детьми.

Иванка Владимирова, Веселин Ковачев, Петко Великов, Иван Николаев-Терзиев. Перечисляю их имена на тот случай, если вдруг эти строчки попадутся им на глаза. Пусть знают, что с тех пор прошли годы, но не исчезли из моей памяти добрые воспоминания о них.

Итак, когда квартира была продана, нам оставался примерно месяц на то, чтобы оформить переезд домой. Новый владелец согласился ждать сколько нужно и даже предложил в качестве грузчиков при переезде своих друзей — моряков, причем по-болгарски бескорыстно: в обмен на кубометр паркета из испанского дуба, оставшегося у меня после ремонта.

Грузовые паромы в Россию ходили из Бургаса, который находился в двухстах пятидесяти километрах от Варны. Ехать в пароходство мы собрались на стареньком «Запорожце» Тамариного мужа.

В то время они жили в деревне, которая стояла по пути в Бургас, и чтобы не гонять машину туда-сюда, я решил добраться до них на рейсовом автобусе. Точнее, собрался ехать в назначенный день.

Когда я вышел из дома, сразу увидел то, чего в Болгарии не было уже пятьдесят восемь лет, — снег. Я не обратил особого внимания на покрывшие все десятисантиметровые сугробы — подумаешь, снег — невидаль для уральца! Но только когда я пешком добрел до автовокзала и попал внутрь, понял — это для меня «просто выпал снег», а в Болгарии такое явление — стихийное бедствие.

В теплой балканской стране обычные для России зимние осадки — это катастрофа! Все рейсы или отменялись, или задерживались. Потом опять задерживались. Через четыре часа я понял, что автопередвижение в стране парализовано. По телевидению без конца показывали новости, в которых сообщалось, что на помощь населению мобилизована армия, что в стране введено особое положение. Количество автомобильных аварий превышало все мыслимые и немыслимые пределы. Про зимнюю резину болгары даже не слышали, а на летней по снегу, да без малейшего опыта… На обратном пути я увидел, что на улицах разбитых машин было гораздо больше, чем тех, которые со скоростью три-пять километров в час пытались доползти до парковки.

Один мой знакомый говорил: «Мне сорок лет, и я первый раз в жизни держу в руках снег. Раньше я видел его только в кино».

Вся эта «экзотика» отодвигала наш переезд на неопределенное время.

Наш дом, как и почти все дома в Болгарии, был построен «в один кирпич», то есть толщина стены составляла пятнадцать-двадцать сантиметров. Температура в квартире упала до двух-трех градусов. Я помчался искать печку. В нашем доме, как и в любом другом, каждая квартира был оборудована дымоходом. Вся Болгария в зимний период отапливалась печками, обогревателями, центральное отопление с батареями было такой же редкостью, как у нас камин в квартире. На солярке, на газе, на дровах — каких только не было видов и типов! Болгарин никогда не выбросит пластиковую бутылку от кока-колы или старую косметичку жены в мусор. Все в печку!

Я купил красивую, с «золотыми» ручками чугунную «буржуйку», внутри облицованную специальным термостойким и сохраняющим тепло кирпичом. Установил ее в гостиной. Болгары на холодный период ставят обогревающий прибор только в одно помещение, обогревать всю квартиру безумно дорого. И в этом единственном теплом месте сидят всей семьей, спят, принимают пищу. Это, кстати, сближает членов семьи — все время вместе, в тепле, когда вокруг холод.

Дров хороших не было нигде. Продавались рубленая акация, клен и прочее, что никак не годилось для топлива. Несколько раз мы покупали «экобрикеты» — дрова из прессованных опилок. Все перечисленное горело коекак, отдавая мало тепла, и чтобы разжечь такое топливо, для растопки нужно было что-то хорошо горящее. В дело пошли наши шифоньеры. Все шесть штук. Потом книги. Полного собрания сочинений Голсуорси хватило на пять дней саги о растопке. Прекрасно горел «буревестник революции». Перебирали фотографии, со многими расстались, горели они хорошо, для разогрева болгарских дров подходили отлично. Вспоминались кадры из фильмов о блокадном Ленинграде. Успокаивала мысль: по сравнению с ленинградцами у нас райская жизнь. Лифта в доме так и не установили, только шахта, заколоченная досками, чтобы никто не упал, напоминала о том, что когда-то это удобство все-таки было предусмотрено проектом. Так что купленные дрова мы поднимали вручную на лебедке на свой шестой этаж. Я снизу крепил охапку деревяшек, жена с дочерьми втроем тянули за веревку и поднимали ее наверх. Чтобы не тратить газ, а баллоны заканчивались очень быстро, как заканчивается вообще все, за что надо платить, когда печка раскалялась докрасна, жена готовила на ней пищу, грела воду. Печка топилась днем, за ночь все выстужалось, поэтому мы спали в брюках, штанах, свитерах, шерстяных носках и даже иногда в шапках. Несколько одеял сверху, это само собой. Утром я растапливал печку, и когда температура в комнате немного поднималась, вставали жена и дочери. Как-то я увидел стоящий на остывшей печке стакан, в котором с вечера оставленная вода превратилась в лед, значит, температура за ночь опустилась ниже нуля градусов.

Через неделю такой жизни стало ясно, что потепления ждать нельзя — увидим ли мы, как тает снег, неизвестно, а вот как таят деньги, мы наблюдали каждый день.

Я поехал в деревню к Тамаре и Димитру. Страна приспосабливалась к жизни, в которой существует снег. Автобусы с колесами, обмотанными цепями, тихонько ходили по обычным маршрутам. Каким-то чудом мы с Димитром доехали до Бургаса, где я заплатил за доставку нашего контейнера до Новороссийска грузовым паромом «Средец» и за четыре пассажирских билета на него же.

Кстати, на момент экологической катастрофы наше общение со «спасателем» Владимиром Матвеевым прекратилось. Это была классика разрыва отношений должника, который не собирается отдавать долг, с кредиторами. Он нашел микроскопических размеров повод для обиды, конечно же, смертельно обиделся, и на этом наша «дружба» закончилась. Тысяча баксов, гигантская для Болгарии сумма, навечно осталась в его кармане, а мне досталась его расписка, которую я чудом вырвал у него и которая по сей день лежит среди моих документов.

Кто знает, может, она и «выстрелит» когда-нибудь?

Итак, домой!

На таможне в Бургасе болгарские взяточники нанесли нашему бюджету последний, можно сказать, символический удар — чтобы помнили!

На паспортном контроле выяснилось, что у дочерей не стоит отметка паспортного стола об убытии. Таможенники отводили их в сторону, спрашивали, как зовут меня, сколько мне лет и многое другое. Те же вопросы задавали про жену. Позже мы поняли — они принимали

нас за сутенеров, которые привозили в страну молоденьких проституток. С ума сойти! Видно, тут это практикуется, коли спрашивали.

Сообщив, что без этих отметок они не могут выпустить наших девочек из страны и увидев мою ошарашенную физиономию, офицер сразу успокоил меня, сказав на русском: «Не волнуйся, не так все плохо, как бы это тебе сказать — я хочу кушать, у меня тоже семья, понял?» Вместо ответа я вынул из кармана все оставшиеся болгарские деньги.

— Это все, что у нас есть. Еще четверо суток идти до Новороссийска.

— Давай, не обижу, я же не зверь, — сказал болгарин.

Взяв деньги, он начал беззвучно шевелить губами. Я понял — вычисляет сумму наших командировочных, которую может пожертвовать нам из уже своих денег. Что-то у него не получалось, и он решил сделать проще: поделить «по-братски» — половину себе, половину мне. Это были последние деньги, которые оторвала от меня солнечная Болгария.

Спасибо, что не забрал все, о, щедрый брат по православию!

И вот Новороссийск. Когда мы сошли с парома, встали в конец очереди к будке паспортного контроля и высунувшийся из нее офицер закричал: «Есть четверо русских, проходите без очереди!» — жена заплакала — МЫ ДОМА.

Добрались до гостиницы и разместились в двух номерах. В нашем с женой номере я включил телевизор. Потом свет в ванной, все светильники и люстру. Открыл на полную катушку краны с водой. Гуляй, Вася! В Болгарии мы с ума сходили от счетов за воду, электричество. Принимая душ, я стоял в тазу, чтобы потом эту воду вылить в унитаз и таким образом сэкономить. Никогда не горел свет в помещении, где никого нет, — за свет приходилось платить огромные суммы. Болгары вынуждены строго экономить, и мы делали то же самое. Я до сих пор, находясь в гостях, хожу и выключаю ненужный свет, не могу привыкнуть к тому, что МЫ, РОССИЯНЕ, ПОЧТИ ДАРОМ ПОЛУЧАЕМ ТО, ЧТО В ДРУГИХ СТРАНАХ СТОИТ ОЧЕНЬ ДОРОГО. ЦЕНИТЕ ЭТО, СОГРАЖДАНЕ!

Мы обустроились к часу ночи, и я отправился в круглосуточный гастроном. Это было шоу, на которое сбежались все продавцы.

Я, жадными глазами глядя на продукты, покупал.

— Это что, кефир? Давайте. А это колбаса, давайте полукопченую, докторскую и пельмени. О, сыр! Кладите. Ух ты, селедка! Беру. Черный хлеб, классно, булку. И батон, и сгущенку. Ого, масло сливочное — пачку и вторую шоколадного.

— Мужчина, вы откуда? Вроде на освобожденного не похожи, волосы длинные, как у артиста, и лицо интеллигентное, — с участием стали спрашивать продавцы.

— Девочки, милые, я из-за границы. У них ничего этого нет. Вместо масла — маргарин, колбаса — дрянь, кефира нет — они йогурт дуют. Молоко только кислое. Спрашиваешь: «молоко свежее?», отвечают «свежее», то есть свежее кислое молоко. Селедка, черный хлеб — экзотика. Сыр только соленый. Хлеб ихний — пенопласт по сравнению с нашим. О пельменях вообще понятия не имеют.

Сорокалетние «девочки» с пышными российскими формами сочувственно качали головами.

Два дня мы отъедались, нанося большой ущерб желудку.

Конечно, были в Болгарии очень вкусные блюда. Скара — металлическая решетка для приготовления мясных и рыбных блюд на огне, была в любом деревенском доме. Все, что на ней готовилось, было, как говорится, пальчики оближешь. После приготовления еды она никогда не чистилась, мало того, это даже в голову не могло прийти болгарину. За многие годы использования то, что намертво прикипало к ней, делало ее своеобразной визитной карточкой хозяев. Когда на скаре готовилось очередное блюдо, аромат растекался по всей деревне. Причем каждая скара имела свой, только ей присущий оттенок запаха. Любой житель деревни безошибочно определял, у кого сегодня праздничная трапеза, ведь каждая скара пахла по-своему.

Десятки, а то и сотни литров ракии стояли в укромном месте в каждом болгарском жилище. Изобилие фруктов было таким, что они практически ничего не стоили. Важно было только заиметь самогонный аппарат, на котором можно было гнать фруктовую водку. В каждом микрорайоне любого населенного пункта было место, куда жители, записавшись заранее, несли уже готовую для перегонки фруктовую жижу. И, что приятно удивляло, водка была в каждом доме, а алкоголиков не наблюдалось. За все время пребывания там я не встретил ни одного пьяного болгарина.

Но теперь болгарские водка и закуска остались уже только в воспоминаниях. А мы вовсю наслаждались родной едой, такой привычной и ужасно вкусной.

При оформлении контейнера Болгария умудрилась, хотя и косвенно, еще раз легонько тряхнуть наши истощенные карманы. Выяснилось, что стоимость вещей в контейнере оценена в германских марках. Но несколько дней назад как раз к моменту нашего возвращения этот вид валюты перестал существовать, Германия перешла на евро. Решение этого вопроса обошлось мне в сущие пустяки, я сбегал в магазин и купил два торта, чтобы таможенным девушкам в погонах было чем заесть мои две бутылки шампанского.

Через неделю мы вышли на перрон из поезда «Новороссийск — Екатеринбург».

В тайничке лежали оставшиеся от балканской авантюры деньги, на которые нам предстояло купить жилье. Бездомные, мы еще не знали, что за время нашего отсутствия цены на него выросли в четыре раза…

Но это уже совсем другая история.

игорь зубов

искренне ваш игорь зубов

«Искренне Ваш Игорь Зубов», — так всегда он заканчивает свои письма. Каждое его письмо — это и рассказ, и чувства, полные доверия.

Он хотя и ограничен в физических возможностях и не часто покидает стены своего дома, но связи с миром не теряет. Он постоянно находит друзей, какие-то темы для размышлений, и многое вдохновляет его на творчество, а порой и на отважные поступки. Так, увидев на телеэкране президента Аргентины, Игорь не смог сдержать своего восхищения перед этой женщиной. Он написал для нее стихи и послал адресату. К своему удивлению, получил ответ со словами благодарности.

В 2009 году в «Проталине» был опубликовано его небольшое произведение «Свет в окошке». А недавно Игорь поделился с нами своей радостью — ему вручили журналистский билет. Дружеский круг расширился, встают новые острые темы, о которых журналист Зубов не может молчать.

Важно, чтобы думающие талантливые люди, такие, как Игорь Зубов, могли равноправно быть в одном строю со всеми.

ау, люди!

Вот уже более четверти века предаваясь литературному творчеству и имея серьезные ограничения в трудоспособности, я пришел к выводу, что несомненным подспорьем в моем этом деле и некоторым окном в окружающий мир является Интернет. Пока мне удалось выпустить три авторских книжки стихов. Прошли публикации в коллективных сборниках, газетах и журналах, на радио и телевидении. Недавно меня приняли в Союз журналистов России. И что бы я тут смог без Интернета?

Как уже давно известно, правительством нашей страны начата широкая работа по претворению в повседневную жизнь граждан новейших телекоммуникационных достижений. Речь идет о том, чтобы через Интернет, не выходя из дома и не тратя времени на всякие ожидания, можно было что-то купить или узнать. В любой момент можно сделать денежный перевод, оплатить услуги коммунальных служб и средств связи, также и купить авиа- или железнодорожный билет. Да и дистанционное образование можно получить, и справки тоже. Все вплоть от оформления паспорта до записи к врачу

Но как зачастую бывает у нас — «Гладко было на бумаге!» Скажите мне, уважаемые сограждане, какой процент населения страны имеет устойчивый доступ к Интернету? А ведь матушка-Россия — это не только Москва с ее Рублевским шоссе, притчей во языцех... А сколько среди тех, кому доступен Интернет, людей с серьезными ограничениями в трудоспособности? Ограничения у них потому, что пенсия-то всего 13 тысяч рублей каких-то. Можно ли на это купить приличный компьютер и оплачивать Интернет плюс ЖКХ, телефон, не всегда бесплатную медицину, ну и продукты, цены на которые в магазинах не стоят на месте?!

Ох, как не хочется, но так и напрашивается вопрос — не пришла ли уже пора и государству, и бизнесу оказывать более адресную помощь лицам с ограничением в трудоспособности, которым Ин-

тернет и телефон нужны как воздух. Это не только средство общения, но и средство творческой реализации и интеграции в общество. Иными словами, я категорически считаю, что все декларации по доступности систем связи должны быть адресованы прежде всего людям, остро в этом нуждающимся. Хорошо, если найдутся понимающие и сумеют помочь как с компьютером, так и с оплатой Интернета и сотовой связи.

А как быть тем, кто вообще живет в отдаленных райцентрах, деревнях и селах нашей необъятной России и у кого каждая копейка на учете? Вот в Швеции, например, бесплатный Интернет для особо нуждающихся. Я не думаю, чтобы это стало слишком обременительно для поставщиков услуг Интернета. Вопрос этот адресован не к родине, а к государству, к «власть имущим». Вот только услышат ли они меня, и не будет ли мое обращение «гласом вопиющего в пустыне?»

русалка из монреаля

Галина Бойчук (Galina Boichuk), член Союза художников Украины, живет в Монреале, в Канаде. Она делает витражи и пишет картины. Одну из них она написала на мои строчки после того, как я выслал ей стихи.

Она решила послать мне эту картину. Посылка с подарками пришла, а картины в ней не оказалось. Думала Галя пригласить меня в Канаду. Но из-за моего самочувствия эта поездка для меня слишком сложная.

Ей 48 лет, у нее есть дочурка, которая вполне успешно занимается художественной гимнастикой...

Познакомился я с этой женщиной через Интернет, спасибо ему. У Гали есть теперь мои строки, а у меня — фотография ее картины.

акростих

Речная качнулась волна,
Утра полоска видна,
Солнечный луч на росе,
Алый рубин на траве.
Легкий клубится туман,
Кто-то шепнул: «Не обман
Ею оставленный след!»

как меня учили

Должен заметить, что ни дневников, ни записей о времени нашего с братьями детства у меня нет. Отец бросил нас троих с мамой. Мне тогда было года два.

После школы в деревне Новой маму приняли на работу переводом в интернат. Вот и работала она с утра до позднего вечера. На учительскую зарплату нужно было троих ребятишек накормить, одеть, обуть, в школу собрать. Года через три воинская часть железнодорожных войск, которая была шефом интерната, пошла маме навстречу и выделила нам квартиру в военном городке, где мы прожили около двадцати лет. Большинство ребят из военных семей в этом интернате получали восьмилетнее образование. Городок находился в Свердловске, на углу улиц Бебеля и Автомагистральной, а интернат — в 10-15 минутах ходьбы от него. Конечно, большим подспорьем было то, что мы жили в этом городке — соседи то дров для титана подбросят, то рубашки офицерские на лето принесут. Безусловно, выручал и огород. Деревенские бабушка с дедушкой — родители отца, забирали двух моих старших братьев на летние каникулы, я же ездил по санаториям с бабушкой — маминой мамой. С нами жила еще бабушка — вторая жена маминого деда, о ней стоит кое-что рассказать. Таисья Петровна Воронкова родилась в 1891-м, прожила до 1977-го, хлопотунья, обед, бывало, приготовит, за мной присмотрит, низкий ей поклон. Мама придет с работы: «Все на месте. Хлеб, сахар, масло есть? Тогда проживем!» Мама научила ребят не только помогать в доме, но и каждому дала выучиться, получить образование. Старший брат Сергей читать меня научил, привил любовь к книге, к фантастике, дал тем самым основы мировоззрения. С 1977-го по 1995 год он работал в ОКБ им А.Н. Туполева, лауреат премии Совета министров СССР. Сейчас он в дежурно-оперативной смене московского метро. Второй брат Святослав с 1974-го по 1981-й служил в группе Советских войск в ГДР, награжден медалью «60 лет Вооруженных сил СССР».

Мама до пятого класса учила меня сама, она ведь 48 лет посвятила школе, получила знак «Отличник народного просвещения». Потом приходили учителя из интерната, а затем уже из десятилетней школы. После того как подлечили в санаториях, лет двадцать неустойчиво, но немножко ходил сам. Был в Калуге, в Евпатории, летал на самолете к старшему брату в город Королев. Ну, а потом пришлось уловить «Искорку вдохновения», так я назвал один из своих рассказов. Вот за эту-то искорку в душе моей, видимо, и приняли меня в Союз журналистов.

Путевка в жизнь

В дендропарке — напротив цирка. Игорь Зубов и Наталья Шипова, преподаватель русского языка и литературы православной гимназии. Знакомство состоялось в клубе «Свезар», с тех пор нашли общий язык. Наталья помогала Игорю делать обложку его книжки.

арифметика на жизнь

Посвящается Александре Петровне Зубовой, моей маме

Раннее летнее утро постепенно набирало силу. Солнышко уже стало припекать, потихоньку подсушивая ночную росу на траве. Заглянув в окно, солнышко и разбудило своими яркими лучами мальчугана лет десяти. Слегка сощурившись, он посмотрел на окно, а потом перевел взгляд на стену, где тикали ходики. Родители были уже на работе, а его сестры и братья отдыхали в пионерских лагерях.

Мальчишка, еще минутку понежившись, соскользнул с постели. Прошлепал босыми ногами к умывальнику и, скорее для вида, чем для чистоты, ополоснул глаза и лицо. Проглотив нехитрый завтрак, он надел чистые брюки и рубашку. Сунув попутно в холщовую сумку учебник и тетрадку, вышел на улицу.

Окинув взглядом разноцветный мир летнего утра, вдохнув свежего воздуха, Димка зашагал по знакомой тропинке в нужном ему направлении. Вдали широкого поля уже видны были корпуса интерната. Возле него протекал ручеек, собравший в ложбинке небольшое озерцо. На его поверхности на ветерке поблескивали веселые солнечные зайчики. В воде уже с утра с наслаждением плескалась ватага местной ребятни. С нескрываемой завистью Дима смотрел на захватывающее под теплым, летним солнышком зрелище. И его ноги, казалось, сами собой замедлили шаг. Но вспомнив строгий взгляд отца, он вздохнул и зашагал по тропинке дальше.

Перед большой дорогой Дима поглядел по сторонам и перешел на другую сторону. Теперь он шел среди разнокалиберных домиков военного городка.

Тихо было в городке летом. Дети и жены военнослужащих разъезжались на каникулы и в отпуска. А главы семейств отправлялись на север области строить железную дорогу.

В воздухе плыл тополиный пух. Стоял устойчивый запах разогретой солнышком тополиной листвы, кустов акации, одуванчиков, клевера и подорожника. Кое-где возле домов сушилось на веревках выстиранное белье. Вдалеке звякнули ведра: кто-то набирал воду из ближайшей колонки. Высоко в голубом бескрайнем небе порхала пара ручных голубей из чьей-то голубятни.

Пройдя мимо булочной и поднявшись в горку, Дима миновал детский сад и подошел к знакомому двухэтажному дому. В нем жила его учительница начальных классов.

Дима вошел в подъезд и негромко постучал. Раздался знакомый голос:

— Да-да, входите, не закрыто!

Дима толкнул скрипнувшую дверь и шагнул в маленькую прихожую.

— Здравствуйте, Александра Петровна!

— А, Дима, здравствуй! Проходи, я сейчас.

Александра Петровна встретила его улыбкой. Ее темные глаза смотрели внимательно и доброжелательно.

Устроившись в большой светлой комнате за круглым, покрытым скатертью столом, они, как всегда, принялись осваивать нелегкие азы арифметической науки. После же было небольшое, но обязательное и такое вкусное чаепитие.

Так прокатилось-пролетело то теплое и, как тогда казалось, долгое, теперь уже такое безвозвратно далекое лето. Благодаря этому лету Димка не остался на второй год. Ему удалось закончить восьмилетку, в этой большой семье все учились.

Дима отслужил в армии. А дальше получилось так, что он стал директором вагона-ресторана на маршруте «Свердловск—Приобье», снабжал северян продуктами. И сколько бы ни прошло лет, Дима никогда не забывал свою учительницу. Даже приезжал к ней в гости с семьей. Это от нее, от этой скромной невысокой радушной женщины, он научился сердечности и вниманию к тем, кто рядом. Навещая уже поседевшую Александру Петровну, он так и говорил: «Здравствуй, Мать!»

Начинала свой учительский путь Александра Петровна в 1952 году. Совсем еще юной девушкой с толстой косой приехала она из Свердловска в деревню Новую Буткинского района, теперь это Талицкий район. Только у нее одной на всю деревню были наручные часы. Послевоенные переростки надолго запомнили ее фразу на первом же уроке: «Двойки буду ставить беспощадно». В этих строгих словах звучали искренняя тревога и забота о будущем подопечных. Может, именно эта строгость и спасла многих от кривой дорожки.

почему мне стала близка военная жизнь

Так сложилось, что детство мое прошло практически в среде военных, и именно поэтому, впитывая заботы и чаянья этих людей, я со временем проникся уважением к ратному труду. А когда наши войска вошли в Афганистан, мне было двадцать лет. Мно-

В следующий раз полетим вместе. Фотомонтаж Н. Шиповой

Игорь на Кубе. Фотомонтаж Н. Шиповой

гие из моего поколения оказались в пекле гражданской войны в этой далекой стране. Тогда ведь практически не бегали от армии, кого-то из ребят я провожал и встречал оттуда.

Двое парнишек мне писали письма — один с Тихоокеанского флота, второй из частей ПВО. И никто из них, пожалуй, не жалел о годах службы. Но война есть война, и по-всякому складывалась жизнь у тех, кто вернулся. Сыновья становились как бы старше своих отцов — менялась шкала ценностей. Я вдруг почувствовал какую-то двойственность пространства. С одной стороны, страна потребовала от них мужества и героизма. А с другой, кое-где могло прозвучать: «Я тебя туда не посылал!», — или в очереди: «А, может, он купил корочки ветерана!» Вот и захотелось поддержать мне этих ребят — словом в стихе. А немножко пообщавшись в молодежном клубе «Свезар» с бардом Женей Бунтовым, я понял, что попал в яблочко. Женя читал мои стихи и отобрал некоторые для книги памяти «Черный тюльпан».

Женя выполнял боевые задачи в Афганистане в составе 345-го отдельного парашютно-десантного полка. Награжден орденом «Красная звезда» и еще несколькими орденами. После службы он окончил Уральский государственный педагогический университет. Поэт, автор-исполнитель, народный музыкант-импровизатор, теперь он возглавляет культурный центр «Солдаты России». Спасибо ему, что заметил и оценил мои стихи.

***

Скатилась, упала звезда
В далеких горах Кандагара.
И, голос услышав с листа,
Заплакала русская мама.
И дрогнули листья берез —
То дождь зашуршал за оконцем.
И хмурилось небо от слез,
Ещё не согретое солнцем.
Письмо из далекой страны:
Вернется домой, я-то знаю,
Он с той не короткой войны,
Прошедшей по самому краю.

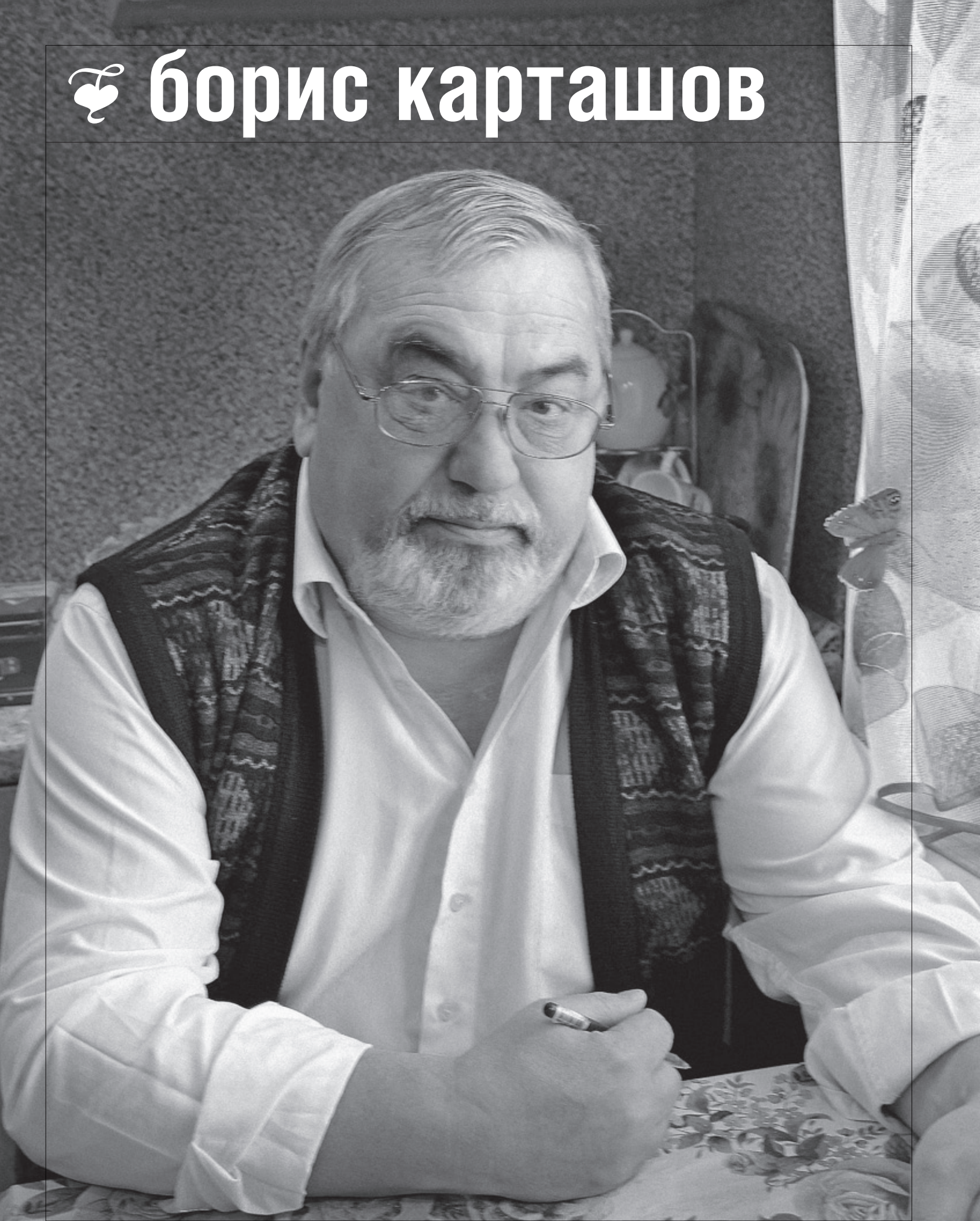
***

А в чем твоя Вера? —
Спросили меня.
Не знал, что ответить и как.
Быть может, ответ в пригоршне огня,
В которой горит сушняк.
И, может быть, в тонкой гитарной струне,
Которую тронул друг,
И в тихих словах об Афганской войне,
Упавших чуть слышно с губ.
И ветер качнул у моста ковыли,
Рябина вздохнула листвой,
И где-то у самой кромки Земли
Прошел самолет ночной.

На снимке запечатлена картина Галины Бойчук. Полотно посвящено творчеству Игоря Зубова

борис карташов

через козни хмеля и бездушия

Эти рассказы посвящены одной из самых трагичных страниц современной России — так называемой Первой чеченской войне, которая в середине девяностых унесла сотни тысяч жизней. Борис Карташов, автор рассказов, определил свое отношение к теме коротко и ёмко — «правда о той войне».

Он сам в этой войне не участвовал, но близко к сердцу принял всю кровавую неразбериху, бестолковщину в действиях, а порою и в бездействии, из-за чего были бесчисленные ненужные жертвы. В чеченской баталии принимал участие сын писателя Сергей Карташов. Он воевал там с февраля по июль 1995 года. Еще в еланской «учебке» (Еланские лагеря под Камышловом) он получил звание младшего сержанта. Когда начались боевые действия в Чечне, ему предстояло отбыть в город Чебаркуль, где создавалась сводная бригада самоходных установок, там стал командиром САУ. По словам отца Бориса Пантилимоновича, тогда, в сумбурные годы, повестка воспринималась как бедствие. Даже сами офицеры отдавали военные билеты родителям призывников, чтобы те по возможности хотя бы как-то смогли удержать детей до поры, пока не упорядочится все и не кончится эта мясорубка. Мать Сергея тоже получила такое предупреждение, но Сергей категорически отказался, заявив: «Как же я буду жить: ребята — на войну, а я — в кусты». Уже тогда проявились его лучшие человеческие качества.

Еще по дороге к боевым действиям колонну самоходок разгромили, сгорела штабная машина. Была сформирована новая боевая группа, буквально из тех, кто уцелел. В одном из боев Сергей получил контузию.

За отвагу, самоотверженность и личное мужество сержант Сергей Карташов награжден медалями Суворова и Жукова. Сейчас он живет в Екатеринбурге, кандидат в мастера спорта по боксу, женат, воспитывает дочь и двух сыновей.

Творчество Бориса Карташова уже знакомо читателям «Проталины». В его художественно-документальной прозе показаны многие изломы нашей истории. Сам он родился в 1951 году на севере Свердловской области в многодетной семье. Родители были раскулачены и отправлены в ссылку из Крыма на Урал. Случилось это еще в 1930 году. В «Проталине» были опубликованы две подборки рассказов «Вольные дети с улицы Победы»* и «Территория гонимых»** о жизни уральского поселка под названием «220 квартал», где прошли детство и юность автора.

Как и героям рассказов, Карташову пришлось преодолеть многое. Он окончил лесотехнический техникум, Высшую партийную школу при ЦК КПСС — факультет журналистики. Служил на китайской границе в Читинской области. Работал инженером в леспромхозе, инструктором Советского райкома КПСС в Тюменской области, журналистом в районной газете «Путь Октября», последние двадцать лет — директором типографии в городе Советском. Там он живет и сейчас.

** Карташов Б. Вольные дети с улицы Победы // Проталина. 2010. № 3–4 (10–11).*

*** Карташов Б. Территория гонимых // Проталина. 2012. № 1–2 (16–17).*

кружка

Вторую неделю батарея самоходных артиллерийских установок, в которой я, сержант Кондрашов, служу командиром САУ, с удвоенной энергией мотается по дорогам Чечни. Радость у солдат неподдельная — объявили тотальную охоту на басаевцев.

Вот и сейчас с ходу рванулся в бой. Корректировщик выдал по рации координаты нахождения боевиков. И закрутилось. Не успели сделать пару выстрелов, как с высотки прилетает подарок — это мина. За ней вторая, третья... Слава богу, промазали. А я у ствола орудия, глазом уже в прицеле. Наводчик крутит рукоятки поворотного и подъемного механизмов. Вот-вот лопнем от напряжения: гильза зашла, клин закрылся, блокировку сняли. Надо стрелять! Близко опять разрыв. Жму на кнопку. Выстрел! В прицел наблюдаю наш разрыв, видно, как оседает пыль от краснозема. Еще один снаряд — туда же, в это облако. Разрыв. Ответа нет. Значит, попали!!! Спрыгнул с орудия, весь в поту, трясусь.

Устал... День прошел, хочется есть. Вокруг полнейшая тишина. Только сейчас замечаю, что начинает темнеть. Однако надо подготовиться к ночевке. Орудие приказал отвести в кювет — хоть какая-нибудь защита. Снаряд в стволе оставил, гильза — на лотке, радиостанция — на приеме. Посадил дежурить наводчика за прицельные приспособления впереди башни, ракетницы ему дал. В случае чего — огонь на поражение; те же «мухи», гранаты — все у него под рукой. Механику-водителю сказал сидеть на месте, в готовности к маневру, и жевать, не выходя с места. Вроде все предусмотрел. С остальными сели трапезничать в боевом отделении, вкушать сухпай.

Галеты дерут горло.

— Чайку бы горячего, — жалобно ноет рядовой Князев.

Киваю головой в знак согласия, хотя понимаю, что нарушаю приказ — огня не разводить. А как жрать ту же тушенку прикажете? Галеты что, водой из канавы запивать?

— Ты подальше от установки разводи костерок-то. Да прикрой огонь листом фанеры, все не так видно будет, — советует Князеву ефрейтор Сизов.

Через полчаса котелок кипятка уже готов.

— Подставляйте кружки, — командую.

Ефрейтор ставит четыре кружки.

— А где пятая? — вопросительно смотрю на Сизова.

Тот, недовольно бурча себе под нос, плетется к костру за вещмешком, где хранится походная посуда. Темнота полностью окутала местность. Чертыхаясь, Сизов копается в вещмешке. Слышен его хрипловатый голос:

— Где эта чертова кружка?

Чиркает спичкой. Маленькое пламя освещает его лицо. Раздается сухой щелчок, и Сизов ничком падает на мешок. Все замерли. Дошло — выстрел! Через мгновение задраиваем люк самоходки.

— Снайпер, — сипит от страха Князев, — откуда он? Сизаря снайпер наповал... — продолжает сипеть он.

Меня бьет колотун. Беру рацию, но никак не могу включить. Наконец получается. Вызываю старшего офицера батареи. Сквозь шум слышу его голос:

— Почему не отдыхаете, сержант?

— У нас двухсотый, товарищ капитан.

— Что?! Когда?! — голос офицера переходит в крик.

— Ефрейтор Сизов. Кружку хотел достать из мешка, темно было... спичку зажег... — лопочу, — снайпер, это был снайпер... — и я отключаюсь, прерывая разговор.

Вот уже неделю наш расчет держат в резерве. Все время рядом с экипажем крутится «контрик», выматывая своими дурацкими вопросами. А меня все время мучает мысль, а если бы сам полез за кружкой? Как объяснить потом родителям Сизова, что это роковое стечение обстоятельств? Да... смерть не выбирает! На его месте мог оказаться любой из нас. Дальше думать не хотелось...

А еще через три дня, благодаря усилиям общественности в лице московских правозащитников и мудрых отцов-командиров, была дана команда остановить операцию по ликвидации «чехов», как наши называли чеченцев-боевиков. К этому времени банда беспредельщиков была уже загнана в горы. Личному составу российской армии было приказано активных действий не вести. Начиналось очередное «перемирие», во время которого чеченские снайперы продолжали выщелкивать наших солдат.

медаль

Приказ занять позицию недалеко от этого горного села поступил утром. С утра же командир батареи Сидоров начал воевать с водкой. Вернее, приступил к ее уничтожению. К обеду он уже одерживал победу ноль пять литра в свою пользу. На ногах капитан еще держался, но речь уже подводила. И вместо «приказываю», говорил «плиазую». К вечеру же, когда батарея разместилась в назначенном месте, Сидоров сдался на милость Бахуса и завалился спать.

Младший сержант Серёга Баранов, командир самоходной артиллерийской установки, чертыхался, так как местом ночлега комбат выбрал именно его машину. Все бы ничего, но лишнего места в самоходке просто не было. Посовещавшись, экипаж дружно натянул брезент над небольшим углублением рядом с дорогой и улегся отдыхать.

Сержант спал в шлемофоне: неудобно от постоянного попискивания в ушах, зато голова в тепле и все время на стреме. Снились дом, родители, любимая овчарка Джесси. Все такое знакомое, родное. Неожи-

данно в ушах раздался треск, затем — знакомый голос офицера:

— Комбату третьей батареи координаты... обработку квадрата начать через тридцать минут. Об исполнении доложить в... часов... минут.

И вот картина. Баранов лезет в машину. Его обдает запахом перегара.

— Капитан, капитан, — трясет Серёга за плечо мертвецки пьяного командира.

Реакции ни-ка-кой. Он остервенело хлещет по щекам. Тщетно! От бессилия сержант чуть не плачет.

В наушниках опять голос майора — тот приказывает доложить обстановку. Шмыгнув носом, Серёга уже, как может, спокойно докладывает о готовности батареи. Затем от имени командира по рации приказывает остальным трем установкам открыть огонь по целям. Его экипаж уже в машине — на местах. Комбата спихнули на пол — даже не хрюкнул. Команда «Огонь!». Начинается какофония от разрывов снарядов. Кажется, что земля ожила и стонет от боли.

Постепенно обстрел стихает. Вдалеке ухнуло еще пару раз, и наступает неожиданная тишина.

Все, отбой! Солдаты один за другим выползают на воздух, нервно курят прямо на земле. Слов нет, одна усталость. Еще один бой позади.

Серёга с экипажем идет досматривать сон в импровизированную землянку. Но, увы... заснуть не получается. Нестерпимо начинает ныть голова. Сигарета за сигаретой. Вот и рассвет.

Из люка появляется голова комбата. Он испуганно озирается по сторонам. Кое-как спрыгивает с машины.

— Это... мы где? Ты, слышь... извини, сержант, сломался я. Водка проклятая. Операция что ли была? Кто командовал-то? Меня не заложили?

Весь монолог — чистая скороговорка. Взгляд затравленный, просительный. Такой взгляд Баранов видел у соседа — дяди Миши, когда тот после буйной пьяной ночи, драки с женой и сыном возвращался домой из милиции. Но прежде чем зайти к себе, обязательно стучался к соседям узнать, что он натворил в этот раз.

Злость на командира как-то сама собой прошла.

— Да ладно, товарищ капитан... Все обошлось. Правда, пришлось за вас покомандовать, — Серёга нервно улыбается, — но вроде бы обошлось. Майор, по-моему, не понял, кто ему докладывал. Он, наверное, считает, что это были вы.

Комбат нервно теребит шлемофон, затем вызывает штаб. Слушает микрофон, изредка вставляет «есть, так точно, будет рапорт». Обессиленно садится на землю и начинает то ли плакать, то ли истерически смеяться:

— Долбанная служба, долбанная Чечня, долбанная жизнь, — выговаривает он. — Уволюсь к чертовой матери, пока не спился совсем, — посмотрев на сержанта, добавляет: — Спасибо тебе, солдат. Я этого никогда не забуду.

...Спустя год, на гражданке, когда сержант Баранов сочетался законным браком с любимой девушкой, военком от имени президента России вручил ему медаль Суворова за проявленное мужество и отвагу во время наведения конституционного порядка в Чеченской республике. Рапорт о его награждении написал командир батареи. Уже через месяц после вышеописанных событий он погиб от шальной пули майора — своего земляка и собутыльника.

дезертир

О том, что их командировка в Чечне скоро закончится, старший сержант Василий Петров узнал от знакомого писаря из штаба дивизиона.

— Приказ уже подписан, готовьтесь, — радостно сообщил ему ефрейтор. За эту весть он получил пятилитровую канистру со спиртом, добытую в том же штабе.

И действительно, комбат вскоре вызвал счастливчиков, занесенных в список, поздравил их с успешным завершением командировки и приказал, пред тем как покинуть часть, собрать и сдать в специальное хранилище в Ханкале все бесхозное стрелковое оружие и боеприпасы. Набрался полный кузов ГАЗ-66. Петров добросовестно сделал опись собранного арсенала.

Груз отправился по назначению. Прапорщик в засаленном камуфляже, заглянув в кузов прибывшей машины, приказал свалить «все это барахло» в старый ангар. Сержант попытался сунуть ему опись, но тот отмахнулся. Матеря свое командование, вспоминая бога и его мать, бардак и преступную халатность, машину все-таки разгрузили.

— Можно было половину продать местному населению, и никто бы не заметил, — грустно пошутил рядовой Данилин.

— Или бы не захотели заметить этот бардак, — задумчиво добавил Петров, борясь с искушением прихватить пару гранат с собой. Пересилил себя и вышел из ангара.

До Моздока добирались вертушкой. Дальше до Минеральных Вод поездом, а потом организованной группой направились к себе в родную часть, дислоцированную на Урале.

К удивлению Петрова, оказалось, что одновременно с ними закончилась командировка и у командира дивизиона подполковника Бикбулатова. Он на всякий случай погрозил кулаком своим подчиненным на перроне вокзала и отправился в купейный вагон. Рядовые же — в плацкартный, согласно проездным документам.

Ехали весело: вначале выпили заначенный спирт и проспали сутки. Затем уничтожили сухпаек, полученный на неделю вперед. Опять спали. А когда за окном стали мелькать родные уральские пейзажи, Чечня уже казалась чем-то далеким и нереальным.

...Бригада встретила их безразлично. Вернее, никак не встретила. На железнодорожном вокзале не было даже патруля. Да и какой патруль будет дежурить в два часа ночи здесь? Пешком добрались до казарм и разбрелись по своим подразделениям.

Дневальный равнодушно показал на пустующую кровать, совсем не удивившись незнакомому сержанту. Видимо, Петров был не первый, кто вот так, ниоткуда появлялся ночью. Их узнавали по усталому взгляду, шаркающей походке и запаху. Эти с войны!

Впервые за последние полгода Петров собирался спать по-настоящему — в кровати, под простынями и на подушке. Разделся до трусов, снял тельник и улегся. Положил голову на белоснежную подушку, погладил ее (надо же, мягкая и пахнет цветами) и провалился в темноту.

Сквозь сон услышал, как прокричали «Подъем!». Давно он не слышал этого автора, такой родной показался... Улыбнувшись, не открывая глаз, перевернулся на другой бок. Рядом пыхтели, разговаривали. Шепот «с Чечни, что ли?» заставил его приоткрыть веки. Розовощекий белобрысый рядовой вопросительно и с любопытством смотрел на него.

— Нет, с курорта, — пошутил Петров, встал и отправился умываться.

В военном городке все было, как и до командировки. Туда-сюда сновали солдаты, с озабоченными лицами передвигались прапорщики и офицеры, даже дворняжка по кличке Цезарь все так же крутилась у солдатской столовой.

Плотно позавтракав, отправился искать своих однополчан, с которыми судьба свела его в Чечне. Все нашлись в штабе бригады.

Дождавшись своей очереди в кабинет начальника общего отдела, зашел. Доложил:

— Старший сержант Петров, прибыл из командировки.

— Документы, — потребовал капитан, не поднимая головы.

Сержант достал все бумаги, какие у него были, и положил их на стол.

Офицер бегло просмотрел:

— Ну что, солдат, с возвращением живым и здоровым. Ты свой долг перед Родиной выполнил. Адаптируйся пока, через месяц будут готовы документы на дембель. Жди. Да, зайди в штаб батальона, представься новому командиру, он из вновь назначенных будет.

Василий вышел в коридор, где его тут же окружили друзья.

— Чем займемся? — ефрейтор Казаринов хитро улыбался, — есть у меня еще одна непочатая фляжка со спиртом.

— Ах, ты... — загудели вокруг.

— Зато какой сюрприз для вас! Поэтому и спрятал до лучших времен. Вот они и наступили.

Дружной гурьбой двинулись в казарму за неожиданным подарком. Затем, затаившись в ближайшем лесочке, недалеко от спортплощадки, где молодежь отрабатывала на турнике «выход силой» и «подтягивание», принялись уничтожать приятный сюрприз. Через пару часов, обсудив все насущные дела, навалявшись на зеленой травке, стали разбредаться по своим казармам.

Петров лениво двигался по гравийной дорожке в батальон. У дежурного поинтересовался, где находится командир. Тот объяснил. Постучавшись в дверь, вошел. За столом сидел майор, развалившись в кресле. Не дав сказать слова, отрывисто бросил в лицо сержанту:

— А, дезертир объявился. Я уже вызвал патруль из комендатуры, ты арестован.

От услышанного у Петрова полезли глаза на лоб.

— Что, надоело сидеть у мамки под юбкой? Солдаты, можно сказать, кровь проливают, наводя конституционный порядок в Чечне. А ты, значит, вместо командировки решил домой слинять?

— Вы что, белены объелись? Я полгода духов гонял по горам. Это вы здесь задницу грели на кресле, — Петрова понесло, — сам-то бывал там?

— Да ты еще и пьян, — принюхавшись, взвизгнул майор, — ну, срок ты себе уже заработал!

Дальше все происходило как в тумане. Ворвался патруль с наручниками. Как из небытия в кабинете возник силуэт подполковника Бикбулатова. Но, получив неожиданный удар по голове чем-то тяжелым, Петров отключился.

В себя пришел он уже в больничной палате. Нестерпимо болел затылок. Он медленно приоткрыл веки. Четкости в глазах не было — все плыло. «Как после контузии! Вот не думал бы, что здесь, за тысячи километров от боев, можно испытать такое», — пронеслось в голове.

Наконец четкость стала восстанавливаться, и опять из ниоткуда появился командир дивизиона.

— Очнулся, воин? — поинтересовался он. — Что же ты расслабился? В горах выдержка была стальной, а тут сорвался. Давай поправляйся. Уже есть приказ о твоем увольнении в запас. — Подполковник направился к двери и, остановившись, добавил: — Да, и ты представлен к награждению медалью Жукова.

— А как насчет, что мне припаяли дезертирство? — спросил сержант.

— Забудь. Все нормально. Этот майор, когда принимал батальон, поинтересовался у твоего ротного, куда ты делся? Тот и пошутил, мол, домой рванул, испугался. Вот майор и проявил бдительность, не согласовав ни с кем. В списках есть, а в наличии нет. Вы же попали во вновь созданный сводный полк. Там со всего округа солдаты были. Вот и получился — числился в двух воинских частях.

— А вы как здесь?

— Как я в твоей части оказался? — засмеялся подполковник, — да вот лично решил посмотреть, как вы устроились. А тут ты пьяный дебоширишь.

— Так что мне за это будет? Мы же немного...

— Поговорил я с майором на эту тему. Он, чтобы косяк свой не афишировать, забудет и про этот, — помолчал и добавил: — А от командировки в Чечню он в свое время откосил: принес справку о какой-то страшной болезни. Я ему и об этом напомнил.

Через месяц на плацу их провожал домой, на дембель, весь батальон. Играл марш «Прощание славянки». Старшему сержанту Петрову почему-то хотелось плакать.

кукла барби

— Я родила ее, когда мне было за сорок. Так жизнь сложилась. Она всегда была очень ласковая и тихая девочка. С рождения. В роддоме подала голос только после шлепка акушерки. Спокойно вела себя с самого младенчества: пососет грудь и спать. Головку стала рано держать, садиться тоже... И всегда внимательно смотрела на окружающих, словно хотела всех запомнить.

Марина Петровна, моя случайная собеседница, немного задумалась и продолжила:

— А когда Оля научилась ходить, играла только в «маму и дочку». При этом «дочкой» могло быть что угодно: палочка, завернутая в тряпочку, голый пупс или столовая ложка. Оля постоянно разговаривала с ними на правах «мамы».

Пожилая женщина с любовью смотрела на фотографию, которую держала в руках. Со снимка глядела девочка лет пятнадцати, с короткими косичками и конопушками на курносом носу. Марина Петровна казалось усталой и спокойной. Особенно это подчеркивал ее взгляд — с затаенной болью, но какой-то сдержанный, нездешний.

— Ласковая была, всех жалела, а справедливая — до крайности. Однажды принесла домой полудохлого воробышка, которого из рогатки подбили дворовые мальчишки. Он прожил всего несколько часов, но Оля ни на секунду не оставляла попытки его спасти: согревала своим дыханием, закутала в детское одеяльце, баюкала. Когда же бедная птичка закатила глазки и затихла, еще долго не хотела верить, что птичка умерла. Но, знаете, она не плакала. Просто поджала губки и уставилась в одну точку. Так и просидела до вечера, не проронив ни слова. Наутро, выйдя во двор, увидела хулиганов-мальчишек, побежала к ним и стала их лупить... штакетиной от забора. Потом, правда, пришлось объясняться с их родителями.

Любимая игрушка была кукла Барби. Как-то поинтересовалась — почему именно Барби, а не наши — отечественные? Услышала оригинальный ответ: «У нее такие красивые туфельки, платье, бантики в волосах. Таких у нас не встретишь... и не купишь».

Практичная, все понимала по-взрослому. Хотя было тогда ей всего двенадцать лет. Может быть, поэтому с восьмого класса стала подрабатывать со мной на пару — я «челночница» была. Ну и она моталась со мной в бывшие «братские» республики и ближнее зарубежье. Пропускала занятия, конечно. Директор грозился выгнать из школы. Но вскоре он в больницу попал (какие-то отморозки напали на него на улице, избили и ограбили), и об исключении Оли никто не вспоминал.

Да, забыла сказать, мужа у меня никогда не было — не судьба. Мужики были, но все какие-то временные, недомовитые. Да и дочка к ним была совершенно равнодушна. В общем, ко двору ни один не прибился.

Вскоре переехали в Краснодар — там умерла дальняя родственница, и мне достался ее домик на окраине города. Олюшка совсем стала взрослой, рассудительной. Красотой, правда, не блистала, но ума — палата. Я всегда советовалась с ней — на каком рынке торговать, по какой цене, платить ли за «крышу» тому или иному бандиту. Дочка давала обстоятельные и дельные советы. Наш малый бизнес процветал.

Спортом стала заниматься. Ходила в секцию по стендовой стрельбе. И там проявила себя с лучшей стороны. Чемпионкой стала. Вот только с тренерами и товарищами по команде ей не повезло. Постоянно все придирались к ней, даже насмехались... по поводу отсутствия ухажеров. Ушла она из этой секции к другому тренеру. Там ее уважали и хвалили. Домой стала приносить деньги. За призовые места. Иногда даже в иностранной валюте, говорила, что это спонсоры дают. Медалей было много. Они до сих пор висят на стене в доме. Часто уезжала в командировки. Бывало, вернется через неделю, а бывало, и месяца три ни слуху ни духу. Куклу свою, Барби, всегда с собой брала. Говорила, она ей приносит удачу. Приедет усталая, нервная. Я уж на цыпочках по комнатам хожу, не дай бог, заругается. Отойдет через пару дней, и опять все идет по-старому: я на рынке торгую, она любимым спортом занимается.

Последний раз уехала полгода назад. Сказала, что в последний раз выступает на соревнованиях и, если займет первое место, много денег заработает. И пропала. А недавно пришла повестка из прокуратуры. На допрос вызывают. Говорят, о каких-то «белых колготках»*** хотят побеседовать. И просили принести фотографию Олюшки. А у меня только школьная есть. Не любила она сниматься, нефотогеничная была...

Мы сидим на скамейке недалеко от здания городского суда и прокуратуры и ждем, когда нас вызовут. Марину Петровну по делу девушки-снайпера, воевавшей на стороне бандформирований на Кавказе, меня в качестве потерпевшего — мой сын погиб от пули обвиняемой...

*** *Так в наших войсках называли женщин-снайперов, чеченских наемниц. Как правило, это были те, для кого «деньги не пахнут».*

борис пинаев

прогулка без личного оружия

Посвящается всем, кто не вернулся с «локальных» войн

Это не просто воспоминания в письмах и не рассказ понаслышке. Это откровения живого участника событий в одной из горячих точек, которых видимо-невидимо на Земле. В таких, зачастую навязанных, войнах гибнут наши самые юные, безоглядно готовые послужить Родине.

Борис Пинаев — участник боевых действий в Северном Йемене с 1962-го по 1963 год. Журналист, окончил Уральский госуниверситет, работал в газетах «Красный боец», «Вечерний Свердловск», на телевидении. А когда-то довелось ему быть разнорабочим на лесозаводе, оператором-магниторазведчиком в геофизической партии, токарем на Уралмаше, сторожем в здании РОСТО (Российская оборонная спортивно-техническая организация). Три года служил в армии — Ленинград, Химки и вот Северный Йемен. О тех давних событиях и повествует автор.

Сидели мы однажды на крыше артиллерийской мастерской. Это было недалеко от Москвы, под Химками. Таманская гвардейская дивизия, зенитный артиллерийский полк, или короче — зенап.

Перекрывали крышу шифером и попутно беседовали о том о сем. Напарник выполнял «дембельную» работу, а я — предотпускную. Старший лейтенант Кобылянский пообещал отправить в отпуск на Урал (в награду за доблестный труд на стрельбах в тамбовских лагерях, где ах, какие леса... орешник... японское кладбище).

Солдатик тут и говорит: «Домой после демобилизации не вернусь — из колхоза потом не выпустят. Лучше я завербуюсь на стройки коммунизма... получу паспорт».

Выходит, в 1962 году в русской деревне еще свирепствовало крепостное право. К сожалению, только оно тогда еще держало деревню...

Какой еще был там социально-политический фон? Диссиденты боролись за право покинуть Союз Советских Социалистических Республик, который сотворили их предки. Прошел XXI съезд правящей партии, на котором решили убрать Сталина из мавзолея и к 1980 году построить полнейший... коммунизм. Хрущёв бахвалился: скоро вам покажу последнего православного попа! Впрочем, говорят, что все это с подачи Суслова.

Что еще... Назревал термоядерный конфликт, угрожающий непредсказуемыми последствиями. На поддержку Кубы к ее берегам вышли советские военные суда... Меня тогда досрочно отправили из Ленинградской артшколы (где нас цельный год готовили на замещение офицерских должностей) в Подмосковье, в Голицыно. А может быть, ракеты повезли к месту назначения, когда мы сидели уже в Лефортово, в своей «коробочке», где штаб Таманской дивизии. Тогда планировалась отправка в Йемен.

Памятна мне отправка из артшколы. Был август 1961-го. Меня тогда отправили в воинскую часть — в ту пору сооружалась знаменитая Берлинская стена. Солдат третьего года службы не увольняли до января (если не до марта). Международная напряженность...

Они два-три месяца просто валялись на койках, мы их называли «матросами» (на морской лад, потому что моряки тогда служили четыре года).

Мы в Голицыно всю осень строили баню, пока ДАРМ (дивизионная артиллерийская ремонтная мастерская) не упразднили. По ночам таскали кирпичи со строек. Потом ДАРМ как-то реорганизовали, назвали БТРМ (бронетанковая ремонтная мастерская) и перевели зачем-то даже в другой населенный пункт — в Алабино. Помню, сидел я и жег в кочегарке (по приказу командира, естественно) всевозможные артиллерийские наставления. По причине того, что претендентов на сержантское звание и без меня хватало, под общий реорганизационный шумок меня и отправили в зенитный полк. Поехал в кузове грузовика вокруг Москвы в Химки.

Так вот, сидели мы на крыше артиллерийской мастерской — и вдруг нас позвали на обед. И, как это бывает обычно в России, — даже не дали чай допить. Вызвали срочно в штаб зенитного полка. Там подполковник Кедо мне сказал: «Поедешь за границу...» О сю пору поминаю добрым словом этого подполковника. Мир посмотрел. А что чуть без головы не остался, так кто ж в этом возрасте о голове думает?

Кто-то боролся за выезд из России, кто-то — за выезд из колхоза, а мне — пожалуйста! И все потому, что в одном полку сосредоточились сразу три выпускника Ленинградской школы артиллерийских техников, и я оказался среди них более низкого звания. Мы там служили-квартировали в Калининском районе (муниципальный округ Пискарёвка, сейчас там Учебный центр Главного ракетно-артиллерийского управления — в Интернете информацию нашел). Жили в дореволюционных казачьих казармах на территории артиллерийской базы. Двое однокашников получили уже звание сержантов (они были когда-то курсантами моего отделения), а я всего-навсего — ефрейтор. Вот, видно, потому и отправили за границу меня, никудышного. Конечно, был и другой повод: в конце сентября в Йемене молодые арабские офицеры совершили государственный переворот, после чего им срочно понадобился аз грешный — вместе с 37-миллиметровыми автоматическими зенитными пушками, танками Т-34, «Катюшами», огнеметами и автоматами ППШ.

Мне было 20 лет, я иногда писал стишки, но выехал за рубеж не в качестве затаенного стихотворца. Баловался стихами в 16-17 лет, когда таскал доски на лесозаводе в уральском рабочем поселке «Прогресс», недалеко от Коуровки. Иногда даже дурацкие любовные послания сочинял вроде такой вот «Оды красавице из ювелирного магазина»:

О, брильянт в златой оправе!
(Не сравню тебя с брильянтом...)
О, браслет на ручке нежной!
(Не сравню тебя с браслетом...)
Я сравню тебя с фиалкой,
томной, нежною фиалкой.
Очи — вешний сок берёзы,
собранный в хрустальных чашах...

И дальше всё в таком же духе. Так вот, не зря предчувствовал Восток. Оказался не где-нибудь, а в Йемене. Предчувствие воплотилось в реальные картины сказочных далей, серо-коричневых старых гор с каменными осыпями, серых городских стен, валяющихся в пыли собак, сумрачных лавок с кальянами, парчой, рулонами лежалых английских шерстяных тканей и териленовыми рубашками, а также магнитофонами «Грюндиг» и «Филлипс»... Кам флюс? Сколько денег? Или по-египетски: бекя-я-ам ди вахет хабба? Там в лавке можно было задеть локтем египетского офицера, чеканно говорившего по-русски. Русский язык там был в ходу.

Кажется, уже в полку нас фотографировали анфас и в профиль. В медсанчасти описали особые приметы (у меня — большое светло-коричневое пятно на боку после ожога: лет в семь мать мыла меня в общественной детдомовской бане, а я прислонился к чугунной печке-буржуйке, оставил там кусок кожи и отправился домой, пока мать домывалась — чтобы присыпать ожог стрептоцидом; в конце сороковых в этой нашей любимой и несчастной России в ходу были всего-навсего два лекарства: аспирин и стрептоцид).

Взяли отпечатки пальцев. Теперь-то я знаю, что узоры на кончиках пальцев человека представлены тремя типами: очень сложными завитками, самыми примитивными и редкими дугами и, наконец, петлями, наиболее распространенными. Людей, у которых на всех пальцах только петли, по разным данным, от восьми до тридцати пяти процентов. В зависимости от национальности. У русских исследователи насчитали от восьми до тринадцати процентов людей с десятью петлями. Позже я прочитал: «Это все люди сплошь компанейские, терпимые, доброжелательные — с золотым характером. Если они мрачны, значит, у них действительно серьезные неприятности». У меня, как у кавказских долгожителей, на кончиках пальцев — исключительно ульнарные петли. Вот такая дерматоглифика и дактилоскопия...

От нашего зенитного полка были отобраны я и Володя Шашков, шофер. Подполковник говорит: «Найдите мне еще человечка, чтобы умел гаечный ключ держать. Только не из мастерских — из батареи». Наверное, был лимит, больше двух из мастерской забирать не разрешили. Вообще-то в полку нас, конечно, уважали... Зимой мы брали сумки с инструментом и очень важно ходили в валенках промежду 57-миллиметровых автоматических зенитных пушек, на которых как-то там упражнялись батарейцы. А на стрельбах валялись в траве возле летучек — все равно в особо важных случаях нас к пушкам не подпускали. Делали только всевозможный мелкий ремонт. Однажды заклинило снаряд, так полез сам начальник артво-

Президент Северного Йемена маршал ас-Саляль и египетский маршал Амер на военном параде в честь первой годовщины йеменской революции (г. Сана, сентябрь 1963)

Маршал ас-Саляль посетил только что созданный советский военно-технический центр в конце ноября 1962 года. Его сопровождают полковник Кузоваткин (через три месяца — генерал), майор Хвостов, капитан Зеленецкий

Посещение советского центра, другой кадр. Слева старший лейтенант Шахназаров

оружения. Хорошо, ствол торчал над горизонтом, а то бы порешил соседний расчет... Впрочем, отдувались за всех командиры батарей и низшие чины. На зимних стрельбах прочие ахфицеры развлекались, к примеру, тем, что ставили головой в снег майора Манечку, замполита кадрированного полка (это такой запасной полк без солдат, на всякий случай, на случай, например, войны). Из сугроба торчали его меховые сапожки на молниях — наверное, за них его и прозвали Манечкой.

...Да, нас попросили найти себе третьего. И мы вспомнили, что нам в подручные давали весной первогодка из батареи, то есть салагу. Нужно было гаечным ключом вкручивать манометр — проверять старые пушки перед выездом на салют. А ездили мы в Сокольники, в парк. Представляете? Ряд орудий, дым, грохот... Огромные тополя. А по задворкам этого ряда в артиллерийском дыму вышагивает в дупель пьяный начальник артмастерской. Рука за бортом кителя — почти корсиканец Наполеон Буонапарте. Мотался туда-сюда, пока приятель не посадил в машину. Увез домой, к жене, от греха подальше.

Мы назвали фамилию искомого первогодка. И потом все отправились в штаб нашей Таманской дивизии, в Москву. В «коробочку». Там отвели нам кубрик и держали нас так около месяца — наверное, на предмет проверки наших родословных. Не знаю, как они проверяли, халтурщики из КГБ. У меня, например, отец пять лет сидел в лагере (я, конечно, сообщил об этом в анкете), дед Михаил Гаврилович числился на заре коллективизации в кулаках... Впрочем, до деда, наверное, не добрались — в тридцатом году им с бабушкой было чуть не по семьдесят лет, и они сбежали из вятского починка, оставив уже отнятый дом и весь свой нехитрый скарб. Оба умерли на руках у моей матери в конце великой войны.

Итак, сначала сидел на крыше, потом пошел в столовую, потом в штаб полка... потом в штаб дивизии... Там комитет (или ГРУ?) всего меня выверил по бумагам и... разрешил отправить за границу, чтобы поддержать там молодой прогрессивный режим в борьбе с местной и зарубежной реакцией. В роли зарубежной реакции выступала Саудовская Аравия. Впрочем, уж решение-то принимал, конечно, не комитет, а Генеральный штаб. По идеологическим или каким-то другим мотивам никого из нас не завернули. Только смешной толстячок Козик пострадал — он значился то ли греком, то ли болгарином. А кто же возьмет на себя такую «страшную» ответственность — послать в Аравию болгарина или там грека? Я бы и сам не послал...

Нас водили в генштаб, наверное, по крайней мере дважды. Или трижды... (Не знаю, почему именно туда... для пущей важности? Или из жалости: полагали, что всех нас вырежут через месячишко?) Рассказали некоторые йеменские подробности... Познакомили с будущими начальниками. Все они были порядочными и добродушными людьми, как потом выяснилось. Очень спокойный капитан Зеленецкий, энергичный старший лейтенант Перелёт, старлей Шахназаров... Главное, что я вынес с общих собраний: каждому из нас надо признаться в сокрытых нарушениях воинской дисциплины. И тогда нас никуда не отправят. Но никто не признался... Все мы были дисциплинированными (в высшей степени) солдатами (смеюсь... всякое бывало).

И вот мы оставили в ЦК ВЛКСМ свои комсомольские билеты, получили заграничные паспорта — и отправились в Каир. Я не буду рассказывать, как мы туда попали. Тайна. Секрет. Допустим, на воздушном шаре.

Из промозглой Москвы — да в жаркий Миср. Вылезали из гондолы в духоту, нас встретила девушка в униформе с ярко-синими веками. Мальвина. Эк они... Потом жили в гостинице «Виктория» рядом с кинотеатром «Одеон» — и не того навидались. Тут же, при гостинице, имело место кабаре с голыми девками, фото которых каждый вечер обновлялось на «доске объявлений». Свобода... У нас такие свободы реализовались подпольно, преимущественно в среде ответственных комсомольских работников. В то время в Екатеринбурге партийную областную газету возглавлял функционер, сосланный из Москвы за вполне невинную забаву: купал с друзьями в шампанском голых актрисуль. Это мне Эвелина рассказала потом, дочь Петра Ермакова... (Мы с ней около года трудились в одном академическом институте. Потом ее перебросили в другое место.)

В Каире мне не повезло — пришлось дежурить в холле гостиницы, тогда как многие другие шлялись по набережной Нила и прочим интересным местам. Разве что прошелся немножечко по улицам. По пятам надоедливо бежали мальчишки и уговаривали купить интерреснейшие марки. В лавках на всяческих безделушках портреты великого президента Гамаля Абдель Насера. А в гостиничном номере ночью поедом ели клопы. Пришлось уйти на ночь к соседям. Зато в огромном лифте всех сопровождал маленький арапчонок в униформе.

А в полете над Красным морем меня должно было укачать в транспортном АН двенадцатом. Летели в «предбаннике» — возле пилотской кабины, поэтому пришлось (на всякий случай) лечь на пол, рядом с египтянином. Неужели в своем шикарном светло-сером костюме? Или постелил что-то... Плащ? Но все-таки успел посмотреть сверху на широко-желтые прибрежные пески.

Лег, наверно, скорее для профилактики, потому что помню, как над Йеменом смотрел в иллюминатор на серо-коричневые древние горы. Здесь тоже наступала зима, и листья опали. Столичная Сана располагалась на высоте две четыреста, поэтому климат здесь хорош даже и для северного человека. Жарко, но в меру, без духоты. Приземлились, подняв тучи пыли, и поехали к дому принца Али. Его повстанцы то ли убили, то ли дали ему убежать...

В стене многоэтажного серого дворца (с белым орнаментом) зияли две дыры от пушечных болванок. Помню, что первую ночь спали на толстом слое ковров, опять ели клопы, так что наутро эту азиатскую роскошь сначала выхлопали, а потом все равно выбросили. Все они сосредоточились в караульном помещении — слоем чуть не под потолок. Аскеры спали на них и пили чай. А укусы клопов они, наверное, просто терпели. Мы же поставили на линолеум раскладушки и положили поролоновые матрацы.

Первую неделю обустраивались: ставили летучки, большие палатки для пушек, знакомились с президентом ас-Салялем (стояли шеренгой возле своего дворца в египетской форме без погон — в нашей рабочей одежде, а он шел вдоль строя, жал руки и сообщал: доктор ас-Саляль), обедали с министрами в гостевом доме (пока не наладили общепит у себя во дворце — с арабским поваром). Меню теперь не помню, запомнились только сирийская халва в консервных банках с саблями и яйца вкрутую. Там и научился их чистить — так, чтобы скорлупа легко отделялась. Йеменские министры научили — надо катать куриное яйцо меж ладонями. Вице-президент там ходил холодными зимними вечерами в нашем армейском бушлате. Правда, не с ППШ, а с «Калашниковым». По ночам зимой иногда вода замерзает — все-таки выше двух километров…

Зарплата была приличная — 124 доллара в месяц, или 186 серебряных риалов с изображением упитанной австрийской императрицы Марии Терезии (за получкой ходили с зелеными беретами, риалы пачкались). По нынешнему курсу это около 5 тысяч зеленых… Ах, ах… Не было ни гроша — да вдруг алтын. Это после четырех-то рублей и восьмидесяти копеек. О смерти же никто не думал.

На еду тратили много — четверть получки, то есть больше, чем зарабатывал тамошний государственный служащий (учителю или фельдшеру в госпитале платили 15-20 риалов). Почему в счастливой Аравии австрийская Мария? Когда-то давным-давно турки, тогдашние хозяева Аравийского полуострова, отбили где-то у австрияков литейные формы, так что талеры превратились в риалы. (Есть и другая версия — в XIX веке имам эти риалы просто купил у Австрии). От турок остались в столице и огромные каменные арсеналы-крепости. Один на горе над городом, а другой — в Сане; туда мы ходили как-то наводить порядок (своим не доверяли?). Чего там только не было. Даже ружья середины XIX столетия, если мне не изменяет память. Вообще уклад жизни был там стариннейший. Можно было на базаре увидеть десятилетнего мальчугана с кандалами на ноге, правда — на одной ноге. Это ему такое наказание — ходить в железах. (Наших собственных сегодняшних неслухов можно бы на неделю приковывать к стене).

У Достоевского можно прочесть про лермонтовскую «Песню про купца Калашникова»: «Белинский, под конец жизни совсем лишившийся русского чутья, думал о словах Грозного: я топор велю наточить-навострить — видел лишь издевку, лютую насмешку тигра над своей жертвой, тогда как в словах Грозного именно эти слова означают милость. Ты казнь заслужил — иди, но ты мне нравишься тоже, и вот я и тебе честь сделаю, какую только могу теперь, но уж не ропщи — казню. Это лев говорил сам со львом и знал это. Вы не верите? Хотите, удивлю вас еще дальше? Итак, знайте, что и Калашников остался доволен этой милостью, а уж приговор о казни само собой считал справедливым».

Оказавшись в древнем Йемене второй половины XX столетия, можно найти тут и другие оттенки смысла. В самом деле, наточить-навострить топор — это великая милость. Тут иногда рубили голову тупым палашом. Раз ударят, другой… Если бакшиш не заплатишь. Я, слава Богу, не видел, а только мой приятель Валерка Осипов — случайно. Стоит человек на коленях, руки привязаны к толстой длинной палке… палка над землей, руки в полете… Потом палач съест свежую печень. Вкусно, питательно? Скорее, ритуальная антропофагия… Страх врага становится мужеством твоего сердца. Впрочем, в европейской цивилизованной стране Германии когда-то казнили еще изощреннее. Гитлер своих врагов вешал на крюк… под ребра. А в красной России, стонущей под интернациональным игом, людей иногда закапывали живьем… Если человек, допустим, православный священник.

Итак, в стране шла гражданская война, а на границе воевали с саудовцами, которые, кажется, так и не признались, что участвуют в боевых действиях. Все началось с того, что 18 сентября 1962 года умер старый имам Ахмад, а его сын не сумел удержать власть. Молодой король аль-Бадр решил устроить военный парад по случаю восшествия на престол, который закончился военным мятежом. Ночью танки отправились к дворцу имама и стали обстреливать его болванками, потому что снаряды были без взрывателей. Аль-Бадр, раненный в ногу, бежал-таки в Саудовскую Аравию — и началась война. Имам бежал, надевши паранджу (он это оспаривал, как и наш Керенский), так что не сразу и поняли, что он сбежал. Это нам собкор «Правды» рассказал, а мы сидели тогда на раскладушках и внимательно слушали. Фамилию корреспондента не помню. Может быть, Примаков? Он тогда был на Ближнем Востоке — наш будущий начальник внешней разведки. Нет, не помню…

Вот версия событий, данная в справочнике Л.Н. Котлова «Йеменская Арабская Республика» (М.: Наука, 1971):

«Наиболее активные антимонархисты, в первую очередь левые офицеры, приняли решение осуществить вооруженный переворот, воспользовавшись неустойчивым положением нового короля и естественными затруднениями, связанными со сменой главы государства. В ночь с 26 на 27 сентября 1962 г. курсанты королевской военной школы в Сане, поднятые молодыми

офицерами, окружили при поддержке танков и артиллерии королевский дворец Дар аль-Башаир и предъявили аль-Бадру ультиматум с требованием безоговорочной капитуляции. После отказа короля танки и артиллерия открыли по дворцу огонь. Восставших вскоре поддержали некоторые другие воинские части и группы молодежи. (Один из такой «группы» в первый же день подошел к нам и стал показывать, как он стрелял из автомата. Наше с ним знакомство закончилось тем, что он организовал сбор денежных средств для поддержания своего прожиточного минимума. — *Б.П.*) К повстанцам примкнул Абдаллах ас-Саляль, который отдал приказ передать в распоряжение революционных сил склады с оружием и боеприпасами. (Аль-Бадр успел назначить его главнокомандующим вооруженными силами страны — а он был в то время лидером тайной организации «Свободные офицеры». — *Б.П.*)

...В середине октября 1962 г. стало известно, что Мухаммад аль-Бадр не погиб при осаде дворца, а сумел бежать под защиту вождей племен Северо-Западного Йемена... От саудовской границы монархистские отряды смогли продвинуться до плоскогорья Сана, а на востоке овладели городами Мариб и Хариб. К началу ноября (когда мы появились в Сане — Б.П.) антиреспубликанское восстание племен охватило район Джебель Хаулян и некоторые другие. В руки мятежников перешли города Саада и район Эль-Джауф; ими была окружена Хадджа... Огромная помощь, поступавшая из Саудовской Аравии и английских владений Южного Йемена, позволила монархистским лидерам привлечь на свою сторону шейхов многих племен северного Джебеля и Машрика и навязать йеменскому народу затяжную войну... В апреле 1963 г. было достигнуто соглашение об отправке в Йемен, в том числе на саудовско-йеменскую границу, наблюдателей ООН... В ходе кровопролитных боев с монархистскими мятежниками погибли многие руководители революционного переворота и значительная часть рядовых его участников, составлявших боевой авангард сторонников революции. Поэтому в политической жизни страны все большую роль стали играть деятели эмиграции, возвратившиеся из-за границы в октябре 1962 года... Некоторые слои скрытых монархистов сомкнулись с республиканской оппозицией и, играя на национальных чувствах йеменцев, ставили республике и лично президенту в вину присутствие в стране иноземных — египетских — вооруженных сил».

Монархисты обвиняли своих противников в том, что они служат сионизму. Египет сразу послал две пехотные дивизии (у меня есть фото, где египетский маршал Амер принимает в Сане парад — вместе с маршалом ас-Салялем), а Советский Союз — две мастерские: бронетанковую и оружейно-артиллерийскую (были, кажется, филиалы еще в Ходейде и Таизе). Хорошо, мы с Валеркой Топычкановым, моим сослуживцем-земляком (земелей), всю зиму провозились с нашими морально устаревшими 37-миллиметровыми зенитными автоматами. Они стояли в наших полковых хранилищах. Так с ними и познакомились. Наш лейтенант-зенитчик, кажется, впервые увидел их только в Йемене.

Однажды мы пытались посадить пушку на брюхо — в боевое положение. Рычажок заклинило. Пришлось мне попросить лейтенанта с ребятами навалиться и подержать... Но там пружина — диаметром с мою голову, по которой я и получил в результате, потому что ребята, конечно, ничего не удержали, а просто разлетелись во все стороны. Я в это время переводил рычаг, склонился над станиной. Правда, череп оказался крепким (через семь лет мне там вырубили костную опухоль). Меня подняли с земли и увезли в госпиталь, где наш русский хирург положил на холодный цинковый стол и стал зашивать без обезболивания. Потерпи, говорит, — если шить без укола, то шрам совсем не видно. Шрам-то в двух миллиметрах от виска. С неделю потом валялся на раскладушке в бейт Али (в одном из дворцов, бывшем тогда нашей «резиденцией»). Зачем-то я Богу нужен здесь, на земле.

Два года назад, перед армией, на дороге между Екатеринбургом и Верхней Пышмой чуть не столкнулся на велосипеде с грузовиком (машина с трубами впереди меня затормозила, и я выехал на середину шоссе). Конечно, на таран не пошел, покатился в кювет... Но очнулся между передними колесами, дифером чиркнуло по макушке. Шофер тоже решил зарулить в кювет. Как вспомню, так вздрогну. И там был в двух миллиметрах от смерти. Вылез из-под машины, сел на велосипед, доехал до поликлиники, где перевязали и поставили укол против столбняка. А потом в трамвайном вагоне поехал в университет — сдавать вступительный экзамен. Сдал немецкий на четверку, но на журфак не прошел по конкурсу — и 17 октября 1960 года в семнадцатой команде отправился в армию.

Чего ж я тогда в Пышме делал? Да, я туда поехал лечиться перед экзаменом. Поехал лечить сенную лихорадку простудного происхождения (держал, дурачок, потную голову под струей холодной воды). В Пышме располагалось общежитие Уральской группы геофизических партий, где я тогда работал. Там жили знакомые ребята. Я купил бутылку перцовки, выпил с приятелями, они накрыли меня всеми наличными одеялами, так что пот потек рекой. И наутро был здоров. Только голова, видимо, не очень-то соображала, и реакции запоздалые — выехал на смежную полосу, где пришлось оставить велосипед и катиться в кювет. Велосипед Володи Терехина, художника. Это был приятель моего брата. Он похоронен давно на Широкореченском кладбище, недалеко от могилы тещи моей Елизаветы... Держал дома скрипку, но играть не хотел. Как наш головыринский давно умерший сосед-хуторянин. Лишь однажды пришел к нам на лавочку... играл... на закате дня. Тяжело человеку, когда из души насильственно изъят ее смысл.

Президент ас-Саляль на открытии аэродрома, построенного советским стройбатом в 1963 году. Маршал стоит в авто — крайний слева (в темных очках)

Два йеменца в повседневной одежде

Мой командир — старший лейтенант Валя Перелёт на час-полчаса облачился в форму йеменского аскера (воина)

Жёнка моя, Мария Кирилловна, однажды его помянула, когда писала про исполнительницу русских песен и былин Лену Сапогову: «И оказался в тот вечер непьяным последний головыринский гармонист Валера. Живет он на отшибе, у леса, гармонь в руки берет в исключительных случаях — когда трезв. Вот он-то и спустился к нашему дому со своего хутора. Пробор — как из парикмахерской, голубая рубашка от утюга еще горячая. Будто виноватый, короткий взгляд. Мы были счастливы, он понял это, сел на лавку, сказал: «А было дело — за гармошку в милицию тягали». И дрожащими заскорузлыми пальцами задергал меха. Можно, конечно, пожать плечами, но для меня в этом человеке, ни разу не протянувшем пьяные руки к гармошке, мораль по-настоящему русская: даже в минуты падения святыни не продаются. В худшем случае и божница, и гармошка задернуты занавеской — к ним просто не прикасаются».

Мы еще застали то время, когда член правления совхоза ходил по деревне как полный начальник. Генерал-аншеф. В основном следил за тем, чтобы канавы вдоль дороги были выкошены. Что уж тут говорить про милицию, которая запретила гармошку. Впрочем, этот же член правления позволил нам «пристегнуть» к огороду несколько лишних метров земли. И у него дома был телефон (один-единственный на все село), а теперь он умер, и нет ни совхоза, ни телефона.

...Молодо-зелено. Смерти тогда мы не боялись. Правда, было не по себе, когда мятежные племена (или сторонники законного имама?) выходили к перевалу над Саной. Жутко. Очень просто могли снять кожу с живых, хоть мы и были безоружными. Это вот и удручало — что безоружные. Сиди и жди, когда придут. Руси хубара — русские специалисты... Но во дворце была охрана, а на крыше — крупнокалиберный пулемет. Пулеметчик жил в комнате напротив. Сидел на ковре в позе лотоса, жевал кат — молодые побеги наркотического растения. Его вполне легально продавали на базаре. В конце концов глаза становились оловянными... Впрочем, может, и вру — возвожу напраслину. Возможно, именно он как раз и не жевал кат. Точно помню лишь одно: на веранде нашего дворца однажды лежала груда парашютов, а сверху на них сидел охранник с винтовкой — и кат за щекой.

По вечерам охранники-аскеры иногда танцевали, используя как ударный инструмент танаку — большую банку из-под керосина. Иногда пели замаль, старую боевую песню. Ее пели республиканцы и монархисты — мафиш хоф, все равно, не имеет значения... Ее сочинили воины в походах против турок. Боевой символ веры. В тех давно ушедших походах предводительствовал имам, а теперь с республикой сражаются шейхи, племенные вожди. И два брата поверженного короля. Наши аскеры пели, как и положено, высокими, почти женскими голосами. Огромный темно-серый дворец йеменского принца на окраине Саны, возле городской глинобитной стены, гром «барабана», странные голоса... Или мне это приснилось? Белые юбки, жилетки, винтовки, широкие ножи-джамбии в кривых ножнах... Худощавые лица. Почти сплошь худощавые смуглые лица.

...Штурм Саны каждый раз заканчивался печально. Головы мятежников в чалмах каждый раз появлялись на «тумбочках» главных ворот столицы Баб-аль-Йемен... Туда залезали мальчишки, пытались вставить окурки в скорбные рты казненных. Сразу за воротами начинался сук-аль-кебира, Большой базар. У ворот стояла египетская военная полиция в красных беретах. Египтяне гоняли мальчишек. Суровые времена, суровые нравы... Помнится, в городе весной появилась и миссия ООН с закусочной («Либерте казино»), где инородцам можно было купить виски. В стране был крепок ислам, спиртным арабы торговали только из-под полы. Бледнолицые (кажется, канадцы) запросто лупили надоедливых арабских мальчишек, чего нам, конечно, не позволялось. Один наш сверхсрочник-танкист тут же вылетел в Союз вверх тормашками, когда позволил себе рукоприкладство. И это правильно. Русский всякому восточному человеку — брат. Уж с татарами как воевали, а теперь водой не разольешь. Нет у нас национального высокомерия.

Иногда на равнине за городской стеной появлялась Клоди Файен. Появлялась на лошади, просто так, на променаде. Если не пели пули (а они пели не часто). Я так и не прочел ее записок. Это французский врач, докторша, в сорок лет вдруг уехавшая в Йемен — в погоне за смыслом жизни. Но Царство Божие внутри нас есть? За смыслом нужно отправиться в свои собственные глубины. Однако часто мы бежим за горизонт, чтобы здесь, на линии, разделяющей небо и землю, остановиться, сесть и... И увидеть духовное небо, опускающееся на нашу глухую бедную землю. Сабах альхейр! — Сабах аль-нур! (арабские приветствия). Она любила Йемен.

Мы там попутно еще йеменцев обучали нехитрому ремеслу. Офицеры преподавали теорию, а мы учили разбирать-собирать-стрелять. Иногда затевали с Ахмедом, Али и Мгягетом (Мишей) всевозможные разговоры — во время перекуров. Мы, естественно, отстаивали классовую точку зрения. Правда, они никак не могли взять в толк, почему богатенький — значит плохой. У Ахмеда (ударение на первой букве) брат держал чайную...

Как он радовался, когда научил нас произносить «альхам дар илля!» (славословие Богу). А мы были нехристи, нам без разницы, что говорить, кого славословить. Аллаха? Почему бы, мол, и не сказать, если хороший человек просит... Однажды Ахмед Махаррам (нашел в старой записной книжке его фамилию, написанную им самим арабскими и латинскими буквами) встретил нас на улице и все пытался угостить в чайной своего брата. Однако нам было запрещено вот так угощаться... Мы их все время угощали сигаретами... Им платили совсем мало, как-то раз даже забастов-

ку устроили по случаю невыплаты денег. Нечего есть, мафиш акль... Однажды с какой-то оказией привезли нам черный хлеб и папиросы «Беломорканал». Угощаю Ахмеда, а он спрашивает: это тумбак? Наркотик? Никогда не видел папирос.

Перед отъездом сфотографировались на память, переводчик что-то написал по-арабски на обороте фотографии. Там мы все молодые, все в 1963 году. Жив ли кто-то сегодня? Ахмед, Али, Мгягет-Миша... Ахмед худощавый, в тонких очках, когда работал. Маленький Али с очень старым лицом. Мгягет — коренастый, спокойный молодой человек. Переводчик лейтенант Мухаммад... Кейф халек, садык? Как дела, друг? Тамам, тамам унус у хамса букша. Хорошо, хорошо с половиной да еще на пять мелких монет... Хорошо быть молодым. Тамам? Не знаю... Чересчур много глупостей совершаешь в молодости. Возраст, который надо как-то быстрее проскочить. Опасный возраст. Хорошо быть пожилым, когда ждешь повестку туда... домой. Когда знаешь, что Бог не оставит. Кто-то из святых отцов сказал: всех помилует Бог, кто просит Божьей милости. А праведники будут Его друзьями. Друзьями... да.

По-видимому, надо успеть еще в этой жизни испить горькую чашу до дна. Чтобы пришла настоящая вера, «надо беду зажечь вокруг» (св. Феофан Затворник). Впрочем... Бедой горит мир, да мы не видим, потому что моя рубашка ведь еще не горит. Все мостимся в тени под кустиком... под кустиком... подальше от божественного огня, который гонит нас отсель — в царство небесное. А мы все тушим рубашку, чтобы огонь не объял сердце.

...Надо сказать, что мы шлялись по Сане совершенно беспрепятственно. Ничего не боялись ни мы, ни наши командиры. Только по одному не рекомендовалось разгуливать. В Союзе Советских Социалистических Республик нас запирали в военных городках, а тут — сплошное «либерте казино». Кругом война, а мы... пасемся на зеленой лужайке. В кактусах... Там вдоль городской глинобитной стены росли кактусы, как у нас крапива. На Новый 1963 год даже устроили ужин с выпивкой. Правда, некоторые умудрились перепить. Маленький Вовчик Удалов сразу после совместного угощенья пошел к офицерам права качать. Стал смешно наскакивать на громадного лейтенанта, у коего мог на ладони уместиться. Этот лейтенант однажды боксировал в бейт Али, надевши перчатки, с нашим кандидатом в мастера. Страх смотреть... А Вовчик потом сильно обгорел и долго лежал в арабской больничке. Почему-то я запомнил его послеобеденную поговорку: «Наелса-напилса — хвост баранкой завилса!»

Надо бы назвать ребят, которые были тогда в Йемене и жили в бейт Али. Пески истории затягивают имена. В одном новейшем исследовании по истории наших локальных зарубежных войн вообще нет упоминания о нас. Речь идет, кажется, лишь о спецназе ГРУ середины 60-х. О погибших там офицерах... Вот моя записная книжка: Женя Добрецов (шофер, хороший парень, очень увлекся арабским языком), Валерий Осипов (артиллерист, фотограф-любитель, чуть ли не с первой зарплаты купил широкоформатный «Роллефлекс», почти все мои снимки сделал именно он; я с ним познакомился еще в Голицыно), Володя Шашков (шофер, мы вместе служили в зенитном полку в Химках), Матыцин, Ворошилин, Надеев, Кирсанов, Иванов (самый «современный» наш молодой человек; от него я впервые услыхал нечто из молодежного жаргона: чувак, чува и т.д.), Уфимцев. Это все мои артиллеристы. Оружейники: Морёнов (старший у них; познакомился с ним тоже еще в Голицыно), Пармёнов, Беляев, Денисов (парень, которого мы с Шашковым «взяли» с собой из зенитного полка), Пискарёв, Булкин, Удалов, Скобелев, Крутаков (меняю фамилию — наш толстый Жека однажды зачем-то вытащил из кармана пистолет и потихоньку показал мне на междуэтажной лестнице. А мы ведь не имели права ходить с оружием... Похвастался. По просьбе нашего контрразведчика? Или по собственной инициативе? Я все-таки считался старшим и был обязан заложить его начальству, но промолчал... виноват). Шоферы: Мухин, Полубабкин, Сальник, Добрынин. Оптики: Николаев, Крылов (квадратный боксер-кандидат в мастера, ходил почему-то в ярко-красной рубахе), Плотников, Лушников. Среди всех перечисленных нет единственного нашего парня, который там погиб. Он жил не с нами... Фамилию не помню...

Сразу же за этим списком в записной книжке почему-то кусочек стиха, услышанного в Москве от Жеки Лаврентьева, художника, недолгого приятеля моего брата:

Ударит осколок под левый сосок,
трава заалеет во рву...
Я пальцы изрежу о стебли осок,
минуту еще поживу.

...Нас любили в Йемене, мальчишки на улице кричали: «Руси тамам!» А к египтянам было другое отношение. Все-таки они пришли с оружием. Месяцев через семь, когда в гражданской войне был небольшой перерыв, мы поехали на своих грузовиках и летучках к Красному морю, в Ходейду. Это порт, построенный русскими специалистами. В горах гостили у египтян, кто-то даже чай пил. Там возле шоссе под скалой стояла их батарея. Купались в горной речке под водопадом. С гор спустились — безбрежная полупустыня Тихама, жаркий ветер в лицо. Спали в палатках — как в бане. Купались в горячем море. На береговом песочке какие-то крабики мельтешат, как насекомые. Снуют туда-сюда быстро-быстро — на тоненьких ножках. На песке валяются обломки коралловых рифов (привез домой кусочек). Встретил там однокашника — вместе учились в артиллерийской школе. Он был заклятым врагом тамошнего моего приятеля Тольки Путана, уро-

женца Тихвина. Но здесь… Здесь я был начальником, а потому он изобразил гостеприимство — сидели вечером у него под вентилятором и пили спирт. Понемножку. Только в Москве, в пересылке-распределителе на Красной Пресне, когда мы туда вернулись, он позволил себе небольшую неспровоцированную атаку. Его имя… имя… имя забыл.

А назад едем — египтян уже нет… Ночью их повязали, выкололи глаза и отправили босиком по асфальту в столицу. Китайцы еще до войны построили шоссе от столицы до Красного моря.

К нам другое отношение… Другое… Однажды на границе с Саудовской Аравией переводчик сдуру попался бедуинам. Не успел прибежать к самолету. Собственно, в пустыне граница достаточно условна… Они посадили его на верблюда и несколько дней вот так транспортировали в английский протекторат Аден. Зной, верблюжья качка — до тошноты… Пески… На верблюдов потом спокойно смотреть не мог. И фляжку с водой все время таскал в кармане. Похитители водой поили его только за деньги. Втридорога. Любопытно, да? Деньги не отобрали. В Адене его за хорошую цену продали англичанам, те отправили в Лондон, оттуда — в Москву, а из столицы уж назад в Сану — бакшиш отрабатывать. У меня есть снимок, где он с йеменским президентом и нашим полковником (потом — генералом) Кузоваткиным шагает по территории нашего военно-технического центра. Вокруг, естественно, охрана с винтовками и автоматами.

Маршал ас-Саляль почему-то не любил ездить в городе потихоньку. Всегда о его продвижении извещала завывающая сирена, так что вся Сана слышала — где-то едет наш маршал. На открытых джипах его сопровождала охрана, ощетинившаяся бендуками и рашашами.

К концу века все йеменцы помирились. Только с евреями арабы до сих пор… А мы… мы не помним зла? Не злопамятны… Памятозлобие — один из тягчайших грехов. Мимо поверженного иудея пройдут раввин и левит, а православный остановится, перевяжет раны и увезет в гостиницу. Да еще денег на уход даст. Наверное, поэтому наша держава стоит тысячелетие. Все наши большие и маленькие враги «внутри нее» давно стали друзьями (только отдельно взятые чеченцы на нас еще пока сердятся и бегают по лесам). Нам бы лишь научиться не заимствовать у наших заклятых европейских друзей дурное. Либерте-эгалите… 1813 год… С кем «эгалите»? Братья-крестьяне в крепостном рабстве… С французами «фратерните», последнюю рубаху отдадим, от родного языка откажемся… Пардон, месье… медам… Всемирная отзывчивость… Общечеловеки… Мондиалисты… Монетаристы… Марксисты… Сплошь улицы Бебеля, Клары Цеткин, Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Впрочем, это не наша затея.

…Если из окон бейт Али смотреть на город, то взгляд, во-первых, утыкается в радиостанцию. Она в ста метрах. Или в двухстах. По радио каждый день: «Джумгурия, джумгурия… Республика, республика… (Это такая песня… Гимн?) Ля малакийя у ля раджаийя, джумгурия, джумгурия…» Ахмед пытался нам объяснить на пальцах, кто такие «малакийя» и «раджаийя», но я уже забыл. Кажется, какие-то враги. «Ля» — это отрицание. Забыл… Все-таки с тех пор прошло больше пятидесяти лет.

А между нашим дворцом и радиостанцией — волейбольные столбы, площадка со скорпионами. Мы их что ли там вкопали, эти столбы? Не помню… Помню, как кто-то собирал на площадке скорпионов и сажал их в банку.

Здесь пауза. В августе (это 2001 год) мне снился сон… Будто за моей спиной сидевший сатана шоколадного цвета, похожий то ли на собаку, то ли на обезьяну, сказал: «Я не дам тебе написать». Протянул свою коричневую лапу и забрал мою ручку. Тут я проснулся (среди ночи), легкий мороз по коже… Стал читать молитву и снова уснул. И чего он остервенился? Вполне безобидная вещь…

С тех пор я чуть не месяц бездельничаю. А сейчас вот сел к столу, чтобы продолжить эту вещь… О чем же я там? Про Йемен… Про Йемен уже надоело писать. Да и пребывать там скоро надоело. Тоска… Русским надо жить в России.

Через год мы оттуда улетели. Осталась только молодежь… От горной Саны до побережья Красного моря, к Ходейде, летели в брюхе АН-12, который шел низко над горами, чтобы нас не заморозить и не оставить без кислорода (десантники в нем путешествуют с кислородными масками). Но как летели от Ходейды до Каира — не помню. Хоть убей… В Каире приземлились на военном аэродроме и стали тянуть жребий из шапки. И мне с таким же бедолагой досталось сидеть на аэродроме и караулить чемоданы. Целая гора чемоданов… Помню, прибегал какой-то наш переводчик с горящими глазами и просил продать английскую рубашку. Продал ему одну (или две?), чтоб отвязался. У них тут все гораздо дороже, чем там у нас, под боком у английского Адена. Аден тогда еще был английским протекторатом, и туда регулярно летал самолетик с советским экипажем (это уже к исходу нашей командировки, ближе к концу 1963 года). Однажды летчики перевернулись в своем газике по пути с аэродрома, потому что их шофер любил давить местных ничейных собак. Это нам рассказал авиационный старшина, который чего-то себе повредил и долго жил на больничном положении в огромной нашей комнате. Очень симпатичный дядька. Впрочем, возможно, он по совместительству надзирал, присматривал за нами… Он нам потом привозил кое-что из Адена.

Мы ж были глупые маленькие дети… Как же без надзора.

Не помню, как летели домой. Помню лишь, как приземлились в Симферополе, и нас досматривал та-

Главные ворота столицы Саны (Баб-эль-Йемен). Слева и справа меж колоннами два места для кровавых трофеев — отрубленных вражеских голов

Рядовой Анатолий Икс (не помню фамилию... он был командирован из Ходейды — авт.) оседлал пушку возле дворца принца Али

Пашут поле деревянной сохой в свободное от боевых действий время Борис Пинаев (тянет сельхозорудие) и его коллега. Фоном — дворец принца Али

моженник на грузовом открытом люке двенадцатого АНа. Открыли чемоданы, он выборочно попросил показать содержимое карманов… Потом пересели в АН-24 и полетели в Москву. В качестве сидений там были боковые лавки, а в середине — какой-то груз. Как выяснилось, с нами путешествовал огромный зеленый ящик из-под артиллерийского ЗИПа — с кофейными зернами, подарок какому-то московскому генералу. Алаверды — от нашего столика вашему столику… По дороге немножко выпивали — у кого что было. Я на египетские фунты, вырученные за рубашку, купил две бутылки спиртного. «Мартини» выпили в самолете, а в другой был египетский ром. Потом меня москвичи пожурили: мол, этого добра и у нас полно. Кубинский даже лучше… Сидели тогда на кухне у художников Лаврентьевых — вместе с Хвалей, потомком графьев Хваленских. Говорили о том о сем, главным образом о современном и не очень современном искусстве. Жанна говорит: ах, как хорошо… в кои-то поры так хорошо разговариваем… Ее покойный отец был каким-то знаменитым московским чекистом кавказского происхождения. «Гроза Москвы». А дочь пошла в художники… внучка — тоже… Сейчас все как-то очень несчастны, Жанна состарилась и больна туберкулезом. Это друзья моего брата, с ними он года полтора учился в художественном институте имени Сурикова, а потом сбежал ловить рыбу в Атлантике. Даже ходил боцманом на парусниках. Хваля давно помер, Лаврентьев давным-давно развелся с Жанной… Точнее — Жанна с ним. А тогда…

Тогда я пришел к ним с тремя чемоданами, в одном из которых лежал большой-пребольшой ламповый четырехдорожечный стереомагнитофон «Грюндиг» западногерманского происхождения. С записями. Все с удовольствием слушали концерт американца Гарри Белафонте. Народные песни… Фолк зонг. Выяснилось, что у дочки завтра день рождения (кажется, четыре года) — значит, что-то надо подарить. Сходил в банк, поменял девять долларов (всю мою наличность) на семь рублей — и чего-то купил имениннице. Лопух. На эти доллары в спецмагазине «Березка» они бы могли купить… Ну, какой-нибудь дефицит. Чего-нибудь эдакое, чего не купишь в рядовом советском магазине.

А утром после именин… Нам было приказано утром собраться в бюро пропусков Генерального штаба. Пришел туда похмельный, тошнит, еле стою. Долго ждали. Потом долго сидели в каком-то холле Генштаба, от скуки ребята бродили по коридорам — в джинсах, в живописных свитерках. В конце концов какой-то начальник велел всех нас выгнать, чтоб глаза не мозолили своим непристойным видом. Нам было приказано отправляться в свои войсковые соединения.

Кажется, на другой день я прикатил на электричке в Химки, пошел в свой зенитный полк, зашел к ребятам в артиллерийскую мастерскую. Потом отправился в штаб полка, где был принят самим полковником Толстенко (меняю фамилию).

— Товарищ полковник, разрешите доложить не по форме…

Я же был в штатском, в темно-сером итальянском демисезонном пальто и в достаточно скромных коричневых штанах с еле заметным фиолетовым отливом. А он почему-то ка-а-ак закричит:

— Видел я вас таких — перевидел! Марш дослуживать!

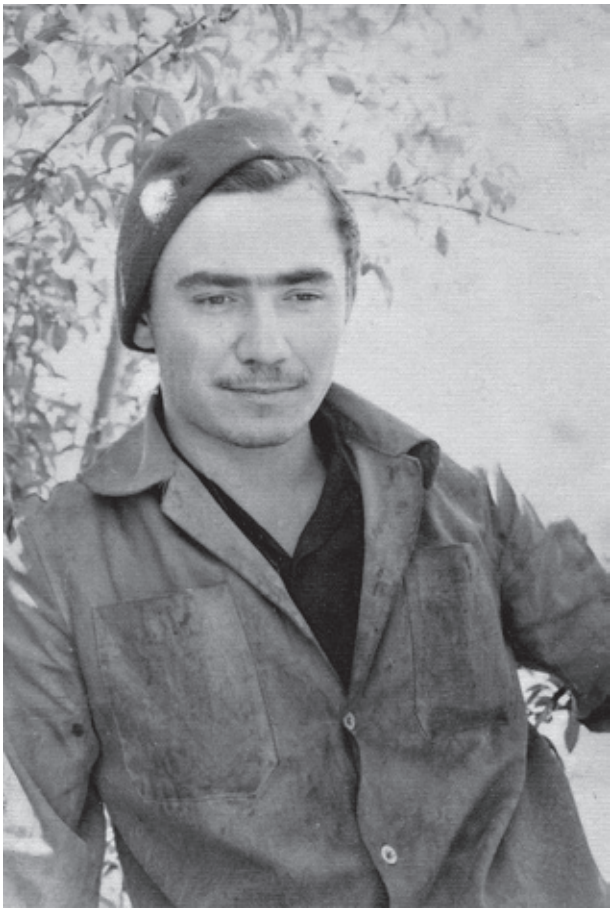
А на дворе уж ноябрь, я уж четвертый год служу — пора и домой. Я ж не матрос, чтобы дослуживать четвертый год… Однако спорить не стал, потому что сразу понял — бесполезно. Сказал «есть» — и пошел из кабинета. Следом вышел замполит и утешил: полковник, мол, погорячился… Что ж тебя оставлять… Сначала тебя на месяц в карантин, а потом все равно демобилизация… Ехали потом с замполитом в электричке до Москвы, я ему чего-то рассказывал про йеменскую нищую жизнь, а он сожалел: «Надо бы… надо бы тебя на денек оставить, чтобы батарейцам рассказал… не ценят советскую власть… дурачок Денисов тут приехал дослуживать и соловьем разливается про тамошнее изобилие».

Так вот получилось, что никто спасибо не сказал — ни в полку, ни в Генштабе. Ну и не надо. Нам платили серебряные талеры Марии Терезии за страх и риск — чего ж еще вдобавок спасибо говорить. Это было бы слишком. Мы ж не космонавты, чтобы сразу делать героями и майорами… К тому же похвала нам не полезна. Гораздо полезнее хула… Правда, говорят, что хуже всего — равнодушие.

Но через 20 лет Родина вспомнила о нас. Да-да… 17 января 1983 года вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, в соответствии с которым были выданы зеленые книжечки: «Предъявитель настоящего свидетельства за успешное выполнение заданий Правительства СССР имеет право на льготы…»

Недавно нашел в Интернете коротенькие воспоминания бывшего лейтенанта, отправленного в Россию из Йемена месяца за четыре до нашего отбытия: «Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17.04.1964 года «за мужество, отвагу и доблесть, проявленные при выполнении специального задания Правительства СССР» мне, еще одному офицеру и сержанту были вручены ордена Красная Звезда, три человека были удостоены медали «За боевые заслуги». Так что все наши ордена и медали — на совести начальствующего состава… Награды получили те, кто были «при офицерах».

А я вернулся к друзьям-художникам, они к тому времени сдали в скупку кое-какие мои заграничные тряпки, и мы полмесяца гуляли-пировали по Москве. Потом уехал в Калининград к Евгению, брату своему. В поезде по радио сообщили, что американцы застрелили своего президента Кеннеди. Сик транзит глориа мунди… Проходит земная слава… Проходит… Брат жил тогда в Светлом, жена его Рита была на сносях (родила мне племянника Бориса в конце декабря).

Борис Пинаев в зеленом берете и египетской военной куртке без погон

Бывший управляющий поместьем имама Ахмеда (короля, если в чисто светском аспекте — авт.) и йеменский офицер, который только что пошутил: «Скоро мы ему отрубим голову»

Сана. Глинобитная стена вокруг старого города

Йеменские мальчишки. У одного сорванца на ноге кандалы — знать, как-то провинился

Недавно Женька вспомнил, что я тогда подарил ему пистолет-зажигалку из нержавейки. Ее забрал потом приятель, а мою собственную утащили в предбаннике заводской душевой. Такая досада... Привез еще им всяких тряпок, которые давно износились... Чего там — тела изнашиваются... изнашиваются... истлевают.

Из Калининграда вернулся в Москву. Граф Хваленский к тому времени где-то заработал немного денег, и мы пошли в грузинский ресторан «Арагви». Хваля был благородным человеком. Да. Решил дать ответный грузинский пир — в ответ на мои угощенья. Вот кусочек воспоминаний брата моего Евгения Ивановича (журн. «Урал») — про Владимира и его дом:

«Вот эта улица, вот этот дом, Вовка Хваленский бежит в гастроном, крутится, вертится — хочет купить, чтобы Гараеву водки налить... Действительно, бежит! Из Самарского бежит переулка. Где гастроном? Проспект Мира, близ остановки метро «Ботанический сад». Вернулся! Бежит волна, шумит волна... на берег вал плеснул, в нем вся душа тоски полна, как будто друг шепнул: «Милый друг, наконец-то мы вместе, ты плыви, наш кораблик, плыви!» Увы, нет никого и ничего. Нет в живых Иоганна Вольфганга, нет Хвали, не с кем водрузить «верстовой столб» в доме, которого тоже нет. Снесли к Московской олимпиаде. Разобрали реликвию, одну из немногих уцелевших, когда горел-шумел пожар московский. Пронумеровали каждое бревнышко, пообещав восстановить в ином месте «ювелирно мелочной отделкой подробностей», да, как всегда, обманули, сволочи. Выждали немного да под шумок и предали огню. Скучно на этом свете, господа! И грустно.

Конечно, дом давно превратился в коммуналку, скопище тесных курятников, однако Хвалина комната все еще сохраняла остатки былой дворянской импозантности. Ее олицетворяла и Вовкина тетушка. Ее кисти принадлежали небольшие натюрморты с сиренями и пейзажики а-ля Бенуа, плотно скученные на высоких стенах. В темных рамах, сами потемневшие от времени, они отражались в черном лаке рояля и как бы продолжались на круглом столе, накрытом тяжелой скатертью. В центре — круглая ваза с цветами в любое время года. Антресоль, где стояла кушетка Графули, и дворянские шпаги над изголовьем тоже олицетворяли нечто, канувшее в небытие, даже крыльцо с толстыми высокими колоннами, под которыми я часто ночевал, ныне превращенное в террасу, некогда выходило в «бабушкин сад», давало пищу уму.

Когда я смотрел с террасы сквозь стеклянную дверь и видел то, что видел, в том числе и тетушку, проходившую комнатой в своей постоянной шали, наброшенной на плечи, то «магический кристалл» стекла превращал ее в блоковскую незнакомку, ушедшую раньше Графули в «туманну даль»... И ни одного замечания с ее стороны по поводу наших выпивок! Она была выше этого. Однажды я, правда, слышал, как она выговаривала племяннику, но это касалось собак. То ли он покормил их не вовремя, то ли не выгулял своевременно. Последнее касалось только Мая, широкогрудого овчара. Болонка Хэппи, похожая на большой кусок свалявшейся шерсти, была старее кумранских свитков и доживала свой век, не подымаясь с подстилки. Здоровяк Май ненамного пережил ее. Сначала отнялись задние ноги, потом... Конечно, Хваля его не «ликвидировал». Ухаживал, лечил, позволил умереть своей смертью и похоронил под террасой».

Не помню, чего там еще было. Правда, Хвалину комнату немножко помню: высокие темные стены, уходящие в туманную бесконечность, лесенка на антресоли... Простился в конце концов с Лаврентьевым, Хвалей, Жанной, Зиной, Ниной Шумской, со всеми приветливыми москвичами...

Кстати, побывал в Перловке у дяди Володи. Пришлось наврать ему, что был в Гизе и любовался пирамидами. Не мог же я ему сообщить, что сидел на военном аэродроме рядом с кучей чемоданов. Правда, пирамиды я все-таки видел — из самолета. А ребята наши действительно ездили в эту египетскую Гизу. К давно уснувшим фараонам... Сегодня мумии святотатственно выставлены напоказ. Не к добру... Европейцы все время копошатся на древних кладбищах, беспокоят усопших. Добром это не кончится.

Египет по-арабски — Миср, а египтяне — масри...

P.S. Военная лихорадка в Йемене продолжается уже шестой десяток. Действия то гаснут, то возобновляются, подогретые сторонним вмешательством. А гибнут, как всегда, гибнут мирные, ни в чем не повинные люди.

© андрей павлычев (фото)

борис галязимов

сюжет для голливуда

«Красные тени» — так должна была называться книга Бориса Галязимова, куда он включал историко-документальные рассказы и очерки, связанные во многом с Уралом, Сибирью и историей нашего Отечества. В память об этом талантливом писателе и краеведе, умевшем находить уникальные факты и удивительные судьбы, мы продолжаем публиковать очерки из несостоявшейся книги. Борис Галязимов родился 3 января 1940 года, ушел из жизни 27 марта 2009 года.

В наступающем 2017 году будет отмечаться дата — 100-летие со дня рождения летчика Михаила Девятаева. Его судьбе и посвящены страницы публикуемого очерка Бориса Галязимова.

подвиг первый

Этот крошечный островок затерялся в Балтийском море. Стоит на том островке необычный обелиск. На одной из его граней высечено десять фамилий — адыгейца, украинца, белоруса, русского...

Когда-то чуть ли не каждый год сюда приезжал далеко не молодой человек. Его, Героя Советского Союза, бывшего летчика Михаила Девятаева, здесь знали все. Еще бы не знать! Человек совершил беспримерный в истории войны подвиг. В свое время о нем в ГДР вышли сразу две книжки. Одна из них называлась «Остров без маяка», другая — «Остров в огне». На родине Девятаева о нем тоже писали. Писал о нем и я, когда он много лет назад по воле случая оказался в Тюмени. И где-то в те же дни появились сразу две книги — «Родина зовет» и «На крыльях жизни». О нем был снят захватывающий дыхание документальный фильм. Но весь поток славы на голову человека обрушился лишь спустя тридцать лет после возвращения на родную землю. Родина не всегда вела себя по-матерински по отношению к своим сыновьям-героям...

...Июль 1944 года для летчика Михаила Девятаева закончился трагично. В одном из воздушных боев в его самолет угодил вражеский снаряд. Сам пилот, получив несколько тяжелых ранений, оказался в плену.

В лагере под Берлином Девятаев с группой военнопленных вынашивает план побега. Тридцать девять ночей узники роют подкоп под колючую проволоку. Роют руками, мисками, ложками. И в тот момент, когда до заветной цели остаются считанные метры, фашисты узнают о замысле заключенных. Троих бывших летчиков, в том числе и Девятаева, бросают в берлинскую тюрьму. Михаил лишь каким-то чудом спасается от расстрела.

В конце 1944 года пилот был отправлен на «остров смерти» Узедом. Только заключенные острова, да и то не все, знали, что фашисты построили на этом крошечном клочке земли подземный ракетный завод. Здесь находилось одиннадцать стартовых площадок для запуска ракет «Фау-1» и «Фау-2». Страшное по тем временам оружие. Гитлеровцы рассчитывали применить его в самый последний момент.

Первые дни своего пребывания на Узедоме Михаил Девятаев использует для того, чтобы разузнать расположение ракетных установок, устройство платформ для их перевозки, как и каким топливом фашисты постоянно заполняют специальные емкости. Он верил, что когда-нибудь вырвется на желанную свободу и расскажет своим об «оружии возмездия». Считается, что Девятаев был едва ли не единственным из оставшихся в живых свидетелем запуска вражеских ракет. Все остальные очевидцы полегли под пулями.

Подготовка к побегу длилась не день и не два. Михаил и его девять новых друзей решили захватить бомбардировщик и на нем покинуть «остров смерти». Сложность заключалась в одном — Девятаев не знал устройства «хейнкеля». Но однажды Михаилу с помощью все тех же друзей удалось оказаться в группе заключенных, работавших в районе расположения ангаров.

Там, за ними, находилась свалка всевозможных частей и деталей фашистских бомбардировщиков. И Девятаев пытается прочесть надписи на приборах, подсмотреть, к каким узлам тянутся те или иные тяги. А однажды Михаилу довелось увидеть, как фашистский пилот прогревал самолет. Тот даже красноречиво подмигнул пленному. Дескать, тебе, геноссе, уже не взлететь! Мог ли знать пилот люфтваффе, что перед ним — воздушный ас!

И вот в начале февраля 1945 года, когда десятерых советских пленных погнали на работу, они, заманив часового в небольшое помещение-капонир, покончили с ним. И тут же переодели одного из своих товарищей в форму охранника. Все остальное произошло по заранее разработанному плану. Стараясь не привлекать внимания часовых, охранявших другие группы заключенных, заговорщики осторожно двинулись в сторону бомбардировщика.

Оказавшись у самолета, Девятаев заметил, то все входы в него перекрыты. Пришлось взломать замки.

Наконец двигатели взревели. Бомбардировщик, стронувшись, устремился по бетонной дорожке. С великим трудом, на виду у многочисленной охраны, в стане скопления вражеских зениток машина оторвалась от земли. Обезумевшие от счастья узники запели «Интернационал».

Два с половиной часа длился этот беспримерный полет. Без штурманских карт, под обстрелом зенитных орудий узники Узедома все-таки достигли родной земли. Но на аэродроме их встретили окриком: «Хэндэ хох!» Кто бы мог поверить, что в самолете, увенчанном свастикой, находятся свои — не чужие. И в рассказ Девятаева, что на Узедоме фашисты проводят испытания сверхсекретного орудия, кажется, никто тогда не поверил. А дорога пилота вскоре пролегла уже в наши, до боли родные лагеря. Сталинское клеймо «изменника» жгло человеку душу двенадцать лет. Но и вернувшись в отчие края, Девятаев оказался не у дел. Жил за счет случайных заработков. Одним словом: круглое катай, плоское таскай.

— Эти годы для меня были пострашнее концлагеря, — рассказывал он мне позднее, — не поверите, когда вышел указ о награждении меня Золотой Звездой, я от нервного потрясения весь покрылся язвой, как рыба чешуей. Было поражено восемьдесят процентов тела. Выпадали волосы. Вот такая история.

подвиг второй

Владимир Шарпатов о Михаиле Девятаеве узнал еще в юности. Мало того, он и в авиацию подался, однажды прочитав книгу об удивительной судьбе этого человека. Но вот уж что бы никогда не пришло ему в голову, так это то, что он однажды повторит девятаевский подвиг. Однако все случилось именно так…

В начале августа 1995 года воздушный грузовик Ил-76, за штурвалом которого находился Владимир Шарпатов, плыл над Кандагаром. Тогда в Тюмени работы не было, и опытного летчика пригласили в казанский «Аэростан». Надо было срочно перебросить груз из Тираны в Баграм.

Требование земли (сказанное по-русски) было одно: «Немедленно заходите на посадку! Это приказ!» «Причина?» «Для досмотра груза!» А снявшийся с аэродрома самолет-перехватчик уже дышал «Илу» в хвост. И второй истребитель выплывал из ангара.

На борту грузовика находились ящики, набитые патронами для автоматов. Это не противоречило каким-либо законам. Патроны в Баграм поставляли по договоренности с афганской стороной. Но в самолет еще в Тиране кто-то подсунул ящик с патронами для крупнокалиберного пулемета. Провокация — не провокация, но как раз этот-то ящик и вызвал шум-гам. Самолет вместе с экипажем был арестован.

Потянулись мучительные дни и ночи пребывания в талибском плену. Допросы (правда, без пристрастия), полное неведение, что предпринимают власти, чтобы вызволить узников из плена, а главное, ужасающие условия. Жара. Ни электричества, ни туалета. Муравьи, мухи, комары, скорпионы. Пища — наскоро отваренный рис с мышиным пометом. И все время — под зорким оком охраны. Вся эта история длилась год и четырнадцать дней. Но мысль о побеге не покидала семерых узников ни на минуту.

Якобы для того, чтобы самолет не застоялся, пилоты стали его навещать. Ясное дело, с охраной. Талибы в сохранности машины были заинтересованы. Их воздушный флот насчитывал несколько самолетов. И они хотели сами эксплуатировать «Ил». К самолету отпускали по три-четыре человека. Остальных членов экипажа держали как заложников.

К моменту побега узники Кандагара располагали не только веревками, но и картой, и компасом.

И вот случилось чудо. Однажды талибы отпустили к самолету всю семерку. Впервые они тогда чуточку «порулили по земле». Однако использовали это время и для того, чтобы посмотреть, в каком состоянии находится самолет-перехватчик (он был зачехлен), и выяснить, чем

занимается охрана у зениток и пулеметов. Она большей частью дрыхла или, как шутили, «талибанила». Веселая, как говорится, жизнь.

И вот наступило 16 августа. Пятница. Мусульманский выходной. Еще не позавтракав, все семь членов экипажа направились к самолету. Стояла жара, колесо лопнуло, и его надо было заменить. Странно, но на сей раз за опальным экипажем увязался длинный хвост охраны. Среди сопровождающих был даже молодой летчик. Наши пилоты работали медленно. Дело в том, что талибы — люди пунктуальные. Ровно в двенадцать почти все они, в том числе и летчик, отбыли на молебен. На борту остались два автоматчика и безоружный переводчик. Было решено: «Взлетаем! Взлетим — хорошо, не взлетим — туда нам и дорога!»

Но в тот момент, когда Шарпатов «дал взлетный режим» и выскочил с рулежки на полосу, наперерез самолету бросились «Урал» и микроавтобус. Еще секунда-другая, и воздушному грузовику перекроют дорогу.

И все-таки самолет успел проскочить и у самого окончания полосы стал от нее отрываться. Позднее Шарпатов с восхищением говорил: «Очень хорошая машина Ил-76! Она и при 220 может взлететь. И вот мы уже в воздухе. По-о-о-летели! Талибы стоят за нашими спинами, ничего не понимают. Инженер им показывает рукой: «Сейчас только круг сделаем и сядем!» А сам убирает шасси, разгоняет скорость».

Один из охранников уже послал патрон в ствол. Даже в ярости ударил инженера прикладом. Пришлось храбрецов тут же обезоружить и крепко-накрепко связать. Веревки ждали этого часа в укромном месте.

Боясь, как бы их не настиг талибский летчик и как бы не угодить под огонь зениток, шли от каменистой земли на расстоянии пятидесяти метров. И шли не на север, где их уже выискивал истребитель: «Ильюшин», «Ильюшин», отзовись!» Шли на юг, прорываясь в сторону Эмиратов. Проморгал их и иранский диспетчер. Он наверняка подумал, что в воздухе — обычный рейсовый самолет.

В Абу-Даби долго не могли поверить, что семеро русских могли совершить побег. Обросшие, одетые во что попало, они сами походили на талибов. Однако арабы не скрывали своего восхищения храбростью русских. Посмотреть на них прибыл даже младший сын шейха.

встреча

И вот они встретились, бывший летчик Михаил Девятаев и летчик, идущий вслед подвигу, — Владимир Шарпатов. Откровенно говоря, каждый из них мечтал об этой встрече. И вот они сидят, два Героя, за праздничным столом на казанской квартире старого летчика. И каждому есть что сказать.

Шарпатов не скрывает гордости, что сыновья пошли по его стопам. Старший летает на Ан-24, младший — на Ту-154. А еще у него есть брат. Он командир корабля Ту-154,

а племянник — командир Як-40… Сам же глава большого семейного экипажа за 35 лет облетал полмира: Албания, Германия, Сьерра-Леоне, Кувейт — всего 65 стран…

— Полетишь еще в Афган?

— Непременно! Но только на стратегическом бомбардировщике…

Не сидел без дела и Девятаев, ему тогда стукнуло восемьдесят. Человек-легенда возглавлял фонд своего имени по поддержке ветеранов и вдов участников минувшей войны.

— Недавно вновь побывал у семидесятилетнего штурмана, — замечает дед. — Он прикован к постели. В полете летчик потерял сознание, и этому штурману пришлось брать на себя управление. Спас человек и самолет, и пассажиров. А теперь вот лежит, и старенькая супруга повернуть его с одного бока на другой не может…

Одним словом, хлопот — полон рот…

елена минакова

ранний зов, долгий путь

Это человек, идущий впереди времени и несущий в себе прошлое. Главные ценности жизни для него слиты с многовековой мудростью человечества. Не подумайте, что это громкие слова — всё так и есть... Хотя если бы сам он нас услышал, он бы сказал, как герой одного фильма: «У вас хватает смелости говорить правду...» В общем, человек среди людей.

В свою мастерскую, спрятавшуюся на задах Дома художника, что на улице Куйбышева в Екатеринбурге, он сопровождает гостей с веселым гостеприимством. Живо подмечает, что всё здесь напоминает потёмкинские деревни: за солидным фасадом Дома художника открывается картина постоянного многолетнего запустения. Вот здесь-то и работает мастер храмовой росписи, художник-монументалист Николай Шушалыков.

Его мастерская — читай лист, ничем не загромождена, никакими предметами нелегкой работы. Дышится здесь легко, высокий потолок смотрится куполом.

О художническом творчестве хозяина свидетельствуют стоящие на полу хосты с живыми красками. Особенно автор привязан к «Осеннему виду с барашками». Говорит, что это наиболее удавшееся его детище. Гордится и самой первой своей работой маслом. Это портрет матери Зои Максимовны, написанный в самой житейской обстановке, в родительской избе в 1986 году, сразу после окончания Свердловского художественного училища.

В большой широкой раме на стене живет балалайка с приникшей к ее телу кисточкой. Рядом стоит фортепиано. На крышке инструмента обращают на себя внимание икона Николая Чудотворца и рядом главные средства работы художника — палитра и тюбики. На стене возле окна еще одна композиция. Доска, привезенная с Афона, и над ней старые лабораторные металлические весы — настолько старые, что чашечки уже без дна. Доска вдохновила художника тем, что на таких и пишут иконы. Николай владеет искусством иконописи. Но эту привезенную с Афона доску он покрыл белой краской — она для него как белый лист, с которого всегда можно начать воплощение новой идеи.

В скромном уголке, что не сразу увидишь, приютилась медаль Святых Царственных Страстотерпцев II степени. В бумаге к этой медали значится, что награда дана Николаю Николаевичу Шушалыкову Русской православной церковью за учебно-просветительскую работу. Получил он ее в год своего 55-летия.

Вышло так, что его имя пожизненно связано с великим чудотворцем, и лик этого необыкновенного святого сопровождает художника во всех его затеях. И происходит вот такое реальное чудо, что куда бы он ни пришел с намерением работать, место это оказывается связанным с именем святителя Николая. Так было в 1994 году в городе Серпухове, где художник из Екатеринбурга написал икону Елисаветы и Варвары для храма Святителя Николая Чудотворца. В 2014 году он расписал трапезную в Троице-Никольском женском монастыре в Ташкенте. А самым удивительным оказалось то, что Николаю довелось работать в родном селе Беляево Кировской области, в храме Святителя Николая Чудотворца, который когда-то строил его прадед — зодчий Сергей Гордеевич Шушалыков.

Художник рассказывает: «Я ухаживаю за этим храмом по мере своих возможностей. Он деревянный, оштукатуренный, в нем хороший иконостас, живопись... недавно вот отметили его 120-летие. Храм этот действующий, хотя на селе осталось очень мало прихожан. По существу, отец Гавриил, настоятель храма, — один из последних жителей этого села. Да вот я тоже туда приезжаю. Мы с ним пытаемся сохранить это место живым. Он — батюшка, да я чудак — иконописец».

Есть у этого мастера картина с названием «Вид с покинутым домом». Это сущая реальность, потому что деревня Исакова, где родился Николай, уже не существует. Деревня эта располагалась всего лишь в полукилометре от села Беляево, сейчас там сплошные заросли и останки былого. Несмотря на большое расстояние и постоянную занятость, Николай каждый год наведывается в родные края, помогает настоятелю и старается поддерживать избу, когда-то полную голосов.

Николай Шушалыков с дочерью Дашей и отцом Гавриилом в селе Беляево

Николай был седьмым ребенком в той большой семье. От прадеда, зодчего Сергея Гордеевича, пошел род Шушалыковых. Дед Андрей Сергеевич сочетался браком с Пелагеей Васильевной. Она, бабушка Николая, будучи старостой церкви, часто водила внука в церковь и, по существу, то были первые его шаги к осознанию христианского мира. Николай еще малышом поднимался в хоры — слушал и смотрел, что делается. Говоря о родителях, Николай замечает, что «они были простые советские колхозники». Отец после войны работал председателем колхоза, но в то же время постоянно сидел за баранкой, так как водителей тогда было очень мало. Мать трудилась разнорабочей — это значит, что труд ее был далеко не легкий, да еще семеро детей!

Жизнь разбросала повзрослевших Шушалыковых по всему лицу земли, но все они сохраняют родственное притяжение и время от времени собираются в опустевшей своей деревне.

Николай рано начал рисовать и лепить, однако служить своему призванию стал довольно поздно, в 24 года, уже после службы в армии, работы на Северном флоте. Успел побыть директором клуба в родном селе. При этом, по его собственным словам, он всегда чувствовал себя художником, именно живописцем. Выбрал он для себя художественное училище в Свердловске. Город предстал ему необычным, имеющим свое историческое лицо. Первое время Николай просто катался на трамвае, не мог оторваться от этого чудесного занятия, так как ему открывалась панорама города — улицы, переулки. В этом городе он не только учился — он работал камнерезом на ювелирном заводе, художником- оформителем на камвольном комбинате.

К слову, в училище Николай, наподобие великого помора, пришел в 1982 году уже переростком, и ему пришлось выдержать конкуренцию с хорошо подготовленными юнцами, да и учителя поначалу относились к нему без особого внимания. Но встречались ему и люди, которые поддерживали. Преподаватель Рощина взялась за него серьезно, с повышенной требовательностью — это способствовало тому, что Николай успешно сдал экзамены. А дальше были замечательные учителя Анатолий Калашников и Владимир Сысков.

Еще во время учебы Николай всерьез увлекся реставрацией икон и настенной живописью. Началось с того, что по его приезду в родную деревню бабки, прознав, что он учится на художника, потащили ему поблекшие и потрескавшиеся иконы. «Подмазывать» не хотелось, а техникой еще не владел. Стал читать книги по иконописи. Договорился с одной из бабушек, что та ему библию даст, а он сработает, что надо, по иконе. Так состоялся «бартер», ведь бабушке работа понравилась. А библию в старом дореволюционном переплете у Николая вскоре украли.

Первые же студенческие опыты были связаны с «монументалкой». Знаменитый свердловский мастер крупного письма Герман Метелёв в 1987 году пригласил Николая поучаствовать в работе над мозаикой «Времена года» (дом № 76, ул. Малышева). А в 1991-м он принял участие в работе группы художников по созданию наружной мозаики «Снятие с креста» храма святого мученика Иоанна Воина в городе Омске.

Сразу же по окончании училища Николай стал преподавать в Свердловской художественной школе № 1, продолжая активно участвовать в художественной жизни города и городских выставках. И ни разу не пожалел, что не замахнулся на обучение где-нибудь в столице. Сказал: «Я просто понял, что не стоит мучиться. За эти же шесть лет я больше сделаю на свободе. И я уже через год после училища здесь, на Урале, получил заказ на роспись храма».

Это была Судьба. Николай просто поделился с товарищем ощущением, что ему хочется расписать храм, хотя бы один. Товарищ собирался уезжать в Израиль и на прощание организовал персональную выставку. На выставке подошел к Николаю человек с расспросами об этом его желании — расписать храм. Человек оказался альпинистом, он только что побывал на Георгиевском камне, что находится на реке Чусовой около села Слобода. Там как раз начали обновлять храм во имя Святого Великомученика Георгия Победоносца. Альпинисты помогали поднимать крест на крышу, устанавливали купола, с батюшкой познакомились...

Вот так и привела Николая судьба буквально по цепочке событий в его первый храм. С 1988-го по 1992 год он трудился здесь над росписью плафона, арок, проектированием и исполнением «одежд» для жертвенника и престола. На предложение батюшки Владислава остаться работать в мастерской при храме Николай ответил отказом, сославшись на то, что его привлекает живопись. А тот всё же возразил: «Ничего, это у тебя пройдет. Я тоже когда-то был студентом консерватории, в хоре подпевал, а в результате стал батюшкой. И ты никуда не денешься».

В 1998 году Николай вступил в Союз художников России, а через год, в 1999 году возглавил секцию церковного искусства.

Веховым моментом в судьбе Николая Шушалыкова стали росписи духовно-просветительского центра «Патриаршее подворье» в Екатеринбурге и росписи алтаря придела Храма на Крови во имя Всех Святых в земле Российской просиявших. Этот храм, как известно, был построен на месте расстрела русского императора Николая II, его семьи и приближенных. Вспоминая об этой своей огромной работе, которая длилась с 2003-го по 2010 год, Николай замечает, что там заключена вся православная исто-

На верхнем снимке: храм Иоанна Воина в поселке Новоберёзовском Свердловской области, роспись подкупольного пространства.

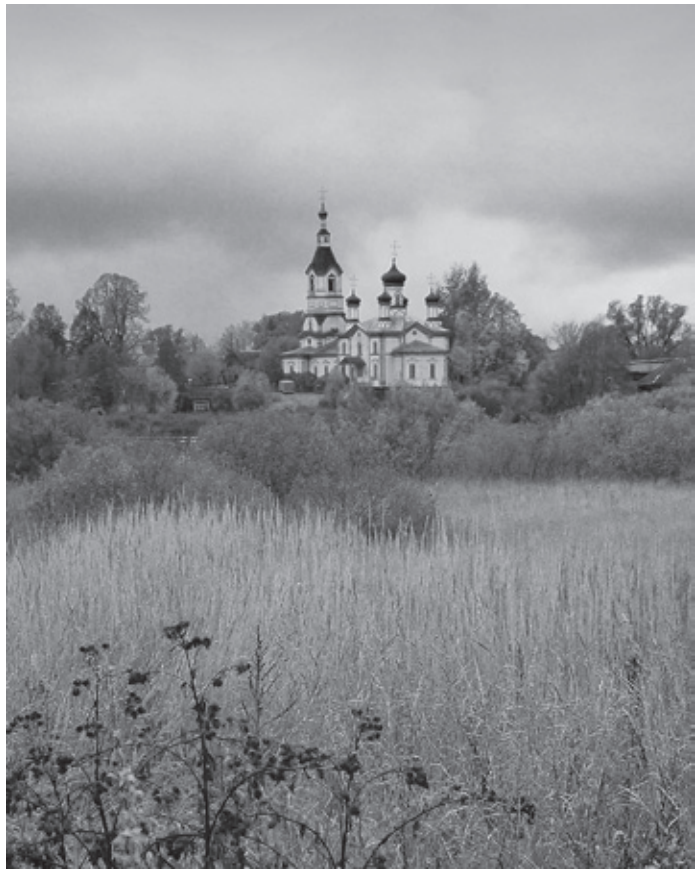
рия России — от Рюрика до революции. Занимает панорама почти три тысячи квадратных метров, но места для советской поры не нашлось.

Были периоды, когда Николай работал как главный художник, возглавляющий по нескольку бригад декораторов. Сам разрабатывал сюжеты, оформлял интерьеры. География храмов, в которых есть его иконы и росписи, захватывает большую территорию. На Урале это города Екатеринбург, Серов, Благовещенск (Красноуфимск). В Центральной России — Москва, Серпухов, Кировская область. В Поволжье — Алатырь, в Сибири — Омск, на Дальнем Востоке — Иркутск. И наконец, в Греции — монастыри Святой горы Афон, в одном из которых, в православном монастыре Каракал, Николай и сейчас расписывает церковь Святителя Николая Чудотворца.

Совершилось то, что можно считать очередным чудом. Николай рассказал, с чего все началось: «Попал я на Афон, можно сказать, случайно. Особо туда никогда не рвался, хотя всегда говорил, что с удовольствием бы расписал храм за пределами России. Получил я это приглашение фактически заочно — я был тогда в паломнической поездке по городам древней Византии. Нашей конечной целью был храм, в котором служил великий святой Николай Чудотворец. Сейчас это в турецком городе Демре. В нашей группе были митрополиты Онуфрий и Владимир из Украины. Кто-то бросил клич, есть ли в группе кто по имени Николай. Откликнулись сразу несколько. А у меня были с собой мои православные работы — это вызвало интерес. Оказалось, что у отца Онуфрия чадо, тоже Николай, — на Афоне, работает в келье. Простор там у них большой, могут принимать до девяти монахов. Вот тогда-то мне и предложили попробовать свои силы в росписи одной из афонских церквей с именем святителя Николая. На это служение я получил благословение самого Патриарха Вселенского».

Он считает себя православным художником. В разговоре о религии он очень скупо заметил, что не религия его притягивает и всё определяет, а вера, которая дает человеку уверенность...

Иногда надо прожить больше половины века, чтобы дойти до сути православия и этих простых истин. Только истинная вера дает силы и право человеку спасать живые родники нашей духовности, поддерживать погруженные в забвение храмы — такие, как, например, деревянный храм в селе Беляево. И не зарастет тропка прихожан.

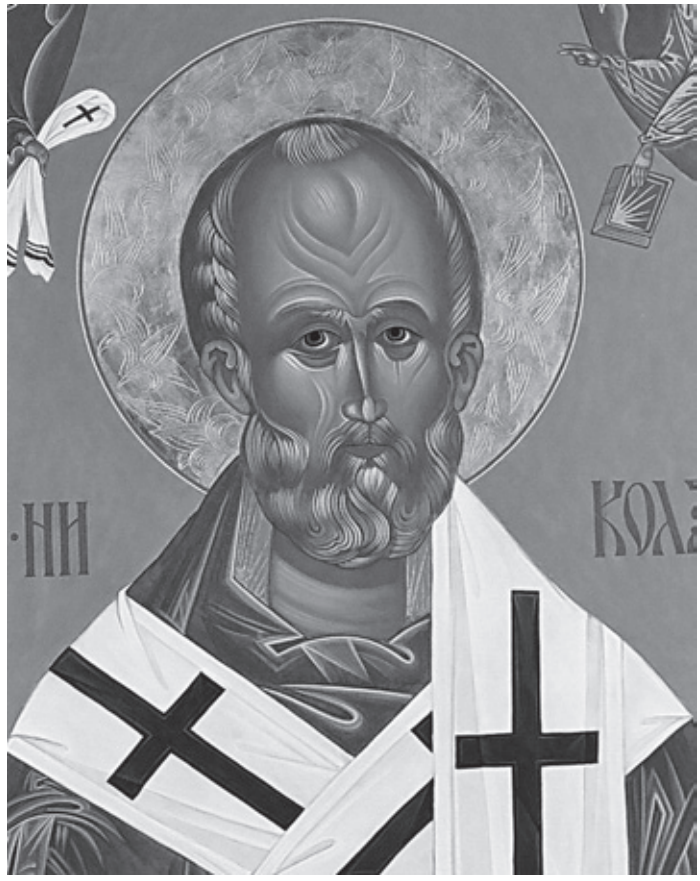

Храм, который построил прадед Николая Шушалыкова – Сергей Гордеевич Шушалыков

Друзья-односельчане Тетя Нюра и Юрий Иванович, сельский учитель, — жители села Беляево

Фрагмент иконы Николая Чудотворца. Авторская работа Николая Шушалыкова

Дорога к дому

Осенний вид с барашками

Портрет матери

Натюрморт с чертополохом

Зимний вечер

Вид с покинутым домом

Автопортрет в деревне

встреча через годы и расстояния

Они не искали друг друга, не надеялись на встречу, но всегда помнили о своей далекой детской дружбе, от которой теперь их отделяло семьдесят три года! Потеряны были адреса: одна всегда жила в Свердловске, ныне Екатеринбурге, а другая со своей семьей оказалась в городе Горьком, которому справедливо было возвращено имя Нижний Новгород. Естественно, они могли никогда и не встретиться.

Но оказалось, что встреча неотвратимо произошла. И способствовала этому наша «Проталина», которая связала уже немало судеб.

Был хороший летний день июля 2015 года. В этот день вручались очередные награды тем, кто вышел в победители Всероссийского конкурса «Патриот России» средств массовой информации на лучшее освещение темы патриотического воспитания. По традиции вот уже много лет решением высокого федерального жюри торжественные церемонии награждения устраиваются в разных городах России. Были встречи в Москве, Волгограде, Белгороде, Уфе... И вот теперь встречал гостей Нижний Новгород.

От «Проталины» были приглашены Елена Минакова-Чернова и Светлана Марченко. Диплом вручался за цикл авторских публикаций о людях, посвятивших свою жизнь реальному делу во имя будущего своей Родины, но почему-то постоянно остающихся в тени. За дипломом по обстоятельствам смогла поехать только главный редактор журнала Елена Минакова-Чернова.

Торжество проходило на сцене Нижегородского кремля при полном зале. Приглашенных по очереди вызывали на сцену для вручения наград. Звучали названия городов — это была целая географическая карта, приехали гости и из Севастополя, и из Салехарда.

По завершении волнующих минут, когда гости уже стали направляться к выходу, и произошла эта встреча. Подошедшая спросила: «Вот прозвучал Екатеринбург... А как там поживает Городок чекистов, стоит еще?» И, не дожидаясь ответа, с горячей эмоцией продолжала: «Я, Самохвалова Ирина Ивановна, жила в Городке чекистов до весны 43-го года. Мы с подружкой Светкой Финиковой решили тогда бежать на фронт. Я об этом до сих пор помню и всем рассказываю, хотя больше нам встретиться не довелось, и со Свердловском я рассталась навсегда».

Еще через несколько мгновений стало ясно, что Светлана Марченко и та Светка Финикова, которая бегала на фронт, это одно и то же лицо.

Главный редактор «Проталины» показала на строчку в дипломе: «Вот ваша «фронтовая» подружка, она не могла сюда приехать, угораздило ее сломать ногу, так что уж вы теперь приезжайте к нам в Екатеринбург, вот вам телефон и адрес». На прощание Ирина Ивановна передала для «Проталины» материалы, диски и разные буклеты со словами: «Тут вы всё узнает обо мне». На обложках буклета красовались портреты овчарок с медалями.

Уже через месяц встреча состоялась! Это произошло в конце августа 2015 года... Самое удивительное, что как будто и не было 70 с лишним лет разлуки. Они забыли о часах, о времени суток, проговорив друг с другом до рассвета. И только перебивали друг друга восклицаниями: «А помнишь?.. А вот тогда...» В воспоминаниях ожило все до мелочей.

Удивительно и то, что пожизненная мечта Ирины стала реальным делом ее жизни. Она еще дошколенком в свердловском Городке чекистов мечтала всегда быть с собаками. И действительно стала кинологом, сама воспитала не одну собаку, создала Клуб юных кинологов (КЮК) и сделала огромный вклад, говоря официальным языком, в воспитание молодежи. Она сумела заинтересовать подростков, зачастую трудных, из неблагополучных семей, работой с собаками, причем по серьезной программе служебного собаководства. Заинтересовала настолько, что за все годы работы, можно сказать, сформировался целый поисково-пограничный отряд в 400 человек, готовых к службе на границе, во Внутренних войсках. Каждый призывался со своей собакой, выращенной в КЮКе. Многие служили в пограничных войсках, в Чечне, Афганистане. Из Чечни не вернулись трое ребят. Алексей Корнилов и Александр Кудрявцев погибли на площади Минутка.

День города. В этот день Ирине Ивановне вручили дорогую награду — медаль «Патриот России»

Евгений Шнитников принял огонь на себя, прикрыв собой товарищей, награжден звездой Героя России посмертно. Остальные вернулись, отслужив свой срок, завели семьи, имеют детей и благодарны, что теперь знают, как воспитать настоящих мужчин. Героически погиб на своем посту воспитанник клуба, милиционер Алексей Кудрявцев, задерживая бандитов на площади Сенная в Нижнем Новгороде.

Недавно клуб встретил свой юбилей — 50 лет работы.

Ирина не скрывает возраста, и в свои 85 лет легка на подъем. Будучи в Екатеринбурге только неделю, она сумела связаться с местными клубами собаководства, оставила им свои материалы, предлагая связь. Побывала во многих уголках и, конечно, вошла в свой родной Городок. Она, можно сказать, впала в некоторое уныние. Сказала, что он выглядит ободранным, обшарпанным, обреченным на полное разрушение, хотя это исторически важная достопримечательность минувшей эпохи.

Городок создан в духе конструктивизма. Он был задуман так, чтобы с птичьего полета открывался герб советской страны. И действительно, там есть и серп, и молот, и как бы даже колосья по сторонам, и завершающая венок колосьев лента. Такому рисунку было подчинено строительство корпусов. Городок, как потом выяснилось, был устроен с большими неудобствами (не было кухонь) в угоду общее идее — предполагалось, что чекисты, жители Городка, не должны отвлекаться бытовыми проблемами. Они должны были пользоваться социальными услугами. Такие факты время не может изжить из памяти.

Ирина сердцем загорелась повидать свою квартиру, узнать, кто живет сегодня по этому адресу. Но ее не поняли и не разрешили перешагнуть порог. Уехала она, наполненная противоречивыми чувствами, но с обещанием непременно сюда еще приезжать.

Перебивая друг друга, Ирина и Светлана вспоминали, как долго и тщательно они готовились к побегу на фронт. Жили они в разных корпусах, но напротив друг друга. Опасались, что бдительные родные «пронюхают» их подготовку. Обеим было по десять лет — это был декабрь 1941 года, очень холодная зима. Отец Ирины уже был на фронте — и поэтому решено помочь папе воевать на фронте, а именно: ходить в разведку, на ребят ведь никто не обратит внимания! Они были уже сознательными и считали, что должны помогать старшим.

Был собран старый рюкзак, в нем — полбулки хлеба, одна луковица, соль в спичечной коробке, компас, который не работал, но об этом еще не было известно, и удалось добыть две небольшие карты. Одна — карта Урала, а другая относилась к западной части СССР, где уже шли бои.

Сначала направились на вокзал, но там было не протолкнуться от военных, поэтому решили идти пешком вдоль железнодорожных путей. Сверились с картой — вроде все правильно...

Шли очень долго. Самое страшное вспоминается, как навстречу из пурги выскочил поезд. Волной иногда тянуло чуть ли не под колеса... Стемнело, увидели огромный стог сена. Закопались в него и сразу заснули. Проснулись, вылезать не хочется, пожевали луковицу — сладкая уже, подмороженная. Ирина была хронически «ангинная», а Светка, в общем-то, выносливая, хотя и тощая. Довольно уже подустали, но упрямо продолжали идти. Показался туннель, темный, страшный, решили его обойти поверху. Там неожиданно увидели с осени оставшиеся грибы, пожевали их, хорошо, что были не мухоморы. Спустились, а тут обходчик: «Ну-ка, девочки, куда идете?» Назвали ему какую-то деревню из карты — «к бабушке собрались». Обходчик ответил: «Скоро стемнеет, у меня побудете, утром дальше пойдете». Устроились и мгновенно заснули.

Под утро Ирина проснулась и услышала, как обходчик кому-то говорит: «Сейчас дрезина пойдет, я их погружу». Растолкала Светлану, и они сбежали. И шли уже по какой-то накатанной дороге. И снова было страшно, и виделось как будто какая-то картина: темное поле и вдали огни. Это была Ревда. Значит, добрались уже до станции.

Ирина заторопила: «Долго идем, поди без нас и война кончится — надо поторопиться». Договорились, что зовут их Зоя и Таня, придумали, что, как беспризорники в рассказах, могут затаиться где-то в вагонах, в каких-то ящиках. И тут вдруг у вокзала «дядя Стёпа-милиционер» окликает: «Ирина!» Оглянулись обе, а Ирина ответила: «Я не Ирина». Наклонившись, дядя прогремел в ухо: «Я взрослый мужик, должен на фронте быть, а тут приходится вот таких негодяев ловить, которые мешать нам воевать с фашистами! Вы же сейчас помогаете врагам, соображаете?»

Повели девчонок в кондукторскую, где обычно отдыхали сменные бригады. Там тепло, снова сморило в сон. Очнулись от голоса милиционера: «Даете честное слово, что домой поедете, больше не будете удирать?» «Поедем», — ответили перепуганные хором.

Посадили их под надзор машиниста прямо в паровозную кабину. Так вернулись в Свердловск. В городе сели на трамвай, доехали до Оперного и пошли на проходную Городка. А там уже бегут со всех сторон ребята с криками: «Партизаны приехали!» И таким большим шествием протопали до своих подъездов. В этот день в двух квартирах состоялись жестокие разборки.

В семье Ирины твердо созрело решение — уезжать отсюда. Отец уже был на фронте, мама работала в «органах», а бабушка с готовностью засобиралась в дорогу в Нижний Новгород — она хотела умирать на родине. Так Ирина оказалась на берегах Волги.

Ветераны клуба

Сражение со свечами на 80-летии. А нынче Ирине Ивановне уже 85 лет!

Семьи военных к переездам привычны: Ирина родилась в Дзержинске, ее брат Владимир — в Горьком, младшая сестра Людмила — в Свердловске. А вот к стесненным условиям пришлось привыкать, так как поселились Самохваловы в крохотной комнатке жены маминого брата — в доме, похожем на барак. В девятиметровой комнате — семь человек! Рядом была комнатка еще меньше, там жила Варвара Николаевна, старая статс- дама, которая окончила институт благородный девиц. Она научила Ирину многому неожиданному для девочки из Городка чекистов. Запомнились ей и другие соседи, жившие в доме, который прозвали «барским». Там обитал бывший полковник царской армии со своей женой. Была в этом доме Нина Фёдоровна Антонова, тоже человек светской культуры, со своим белым королевским пуделем Гариком.

В это непростое для семьи время Ирина впитывала новые грани жизни. Она занялась лепкой глиняных фигурок, и бабушка их носила на базар, где поделки охотно покупали — на выручку кое-как пополняли скудное питание.

От отца с фронта пришло единственное письмо, а позже было извещение, что он пропал без вести. Мать Ирины получила военное звание, ее перевели в Москву, там она служила в госбезопасности, стала капитаном. В 1944 году, по словам Ирины, правительство приняло решение спасать детей, по всей стране создавались суворовские, нахимовские училища. В Горьком появился детский дом для одаренных детей. Нина Фёдоровна, заметив, что Ирина хорошо рисует и лепит, утроила ее в этот детдом. Из его стен потом вышла плеяда лауреатов. После детдомовской восьмилетки Ирина поступила в художественное училище. Маму демобилизовали, и семья уже улучшила свои бытовые условия — Самохваловых поселили в центре города, напротив библиотеки имени Ленина, в «энкэвэдэшном» доме. Там в соседях были начальник тюрьмы, начальник уголовного розыска.

С 1947 года Ирина была в рядах ДОСААФ, уже на рингах выступала со служебными собаками. Судьба сводила ее с выдающимися экспертами всесоюзной категории — это были Евгений Яковлевич Степанов, Теодор Иванович Абин. Тогда же в отряде Добровольной народной дружины (ДНД) Ирина участвовала в работе по наведению порядка в городе. Ребята патрулировали с собаками самые глухие закоулки. Именно Теодор Иванович вдохновил и направил интерес Ирины к серьезному служебному собаководству. Его любили и называли главным учителем собаководов. Он вообще был очень активным человеком, ему довелось быть в рядах латышских стрелков при освобождении Московского Кремля. Его собака на майском Параде Победы совершила прыжок с парашютом, а потом принесла начальнику парада приказ начать торжество — все это происходило на центральном стадионе имени Ворошилова.

Первая собака появилась у Ирины «на спор». Собака считалась «порченой», получила стресс на аэродроме, куда ее привезли щенком прямо под грохот моторов. Ирина сказала, что из любой собаки можно сделать человека, то есть нормального защитника. Байкал прожил у нее полтора года и уже научился охранять. А дальше случилось вот что. Ирина считает, что это было ее предательство: собаку выманили за посулы дать необыкновенного настоящего служебного пса, и Ирина сдалась, так как мечтала воспитать собаку с самых первых дней ее жизни. Судьба Байкала оказалась трагичной.

Ирине удалось найти щенка, в жилах которого была волчья кровь. Еще в Свердловске Ирина вместе со Светланой были юннатами в зоопарке и с огромным удовольствием возились со щенками волчьей пары. И вот воплощение мечты! Собаку назвали Урал, пес имел хорошие служебные качества, спас человека и помог обнаружить бандита, который прятался как раз на чердаке «энкэвэдэшного» дома.

Ирина убеждена, что собаку нужно воспитывать так, чтобы она проявила свои лучшие качества. Она не только ходит на привязи, между собакой и проводником всегда должна существовать психологическая связь. Надо изучить ее характер, и тогда она отдаст все, что требуется для службы. В свое время, еще учась в сельскохозяйственном институте, Ирина стремилась стать именно профессиональным кинологом и старалась узнать все, что касается воспитания четвероногих.

Полученные знания легли в основу программы клуба, который стал делом ее жизни. Практика ДНД и ДОСААФ немало способствовали тому, что ребят в клубе начали готовить к армейской проводниковой службе. Его история началась еще в 1964 году во Дворце им. В.П. Чкалова. Его руководителями стали Теодор Иванович и Ирина. Ребята самым серьезным образом изучали анатомию и физиологию собак, основы дрессировки, законы биологии и генетики, участвовали в соревнованиях и, главное, каждый кюковец своим долгом считал служить в Вооруженных силах страны.

Как всегда, все гладко не складывалось. На первых порах военкомат не очень-то одобрил новое начинание. При встрече там Ирине сказали: «Не хватало, чтобы бабы указывали, где кому служить», и не поддержали добрую инициативу. Звучали и такие возражения: «Дети и собаки несовместимы, это опасно». Ирина рванула в Москву и поймала какого-то высокого чина у проходной одного учреждения. Оказалось, что это генерал Матросов, который занимался призывами молодежи в армию. За подписью этого человека в горьковский военкомат пришло письмо: не препятствовать Клубу

Старейший судья Александр Иванович Иванов награждает Евгения Шнитникова. Будущий Герой России со своей собакой

Показательное выступление на митинге «Патриоты России». Аэродром города Богородск

юных кинологов. И после этого препятствия прекратились.

Были придуманы летние лагеря на берегах Узолы, где ребята с собаками жили в палатках, и как результат годовой работы клуба — чемпионат Узолы. Получалось так, что вместе с собаками воспитывались и сами ребята, среди которых было немало уличных озорников и неслухов. Но и тут ниоткуда брались проблемы. Во-первых, эти лагеря никто ничем не обеспечивал. Кроме того, начали проверять, чем ребята там занимаются, как соблюдается гигиена? А потом чиновники из разных инстанций дико удивлялись, что все в порядке, ребята здоровы, в хорошей физической форме, и в лагере полная чистота. Все нужные тропинки там посыпались светлым песком с речки — они были видны даже ночью в темноте, не заблудишься и не наколешь босые ноги. По колокольчику все обязаны были явиться на место линейки. Утром надо было выскочить уже в обуви, значит, надо было складывать вещи так, чтобы по сигналу мгновенно одеться. Те, кто нарушал дисциплину, назывались нарядчиками. Им отводилась самая грязная работа. За воровство в лагере наказывали особо строго — лупили ложками по мягком месту. Родители были в курсе и не возмущались. Зато можно было проверить и тех, кто «зверствовал» с ложками, они также попадали под наблюдение.

На первых порах лагерной жизни жили на доходы от Ирининых художеств, и помогала немного ее мать. Довольное порядком в лесу, помогало местное лесничество. Сами ребята выступали с собаками в пионерских лагерях, где оставались лишние харчи. Потом пошла навстречу общественность — родителям предложили покупать путевки в пионерский лагерь «Звездочка»: ребята теперь получали какую-то подмогу в питании, а жили по своей программе рядом с пионерлагерем. Сейчас в ход идут и пенсия Ирины, и помощь старших воспитанников, которые выросли и нашли свое хорошее дело в предпринимательстве. Время от времени ветераны подкидывают то крупу, то сгущенку и другие консервы, и «жить стало веселее». А то и деньги дают и при этом никогда не спрашивают, на что потрачены, знают, что зря и копейка не пропадет.

Со временем дело наладилось так, что к ребятам уже стали приезжать зарубежные гости. Как-то французы, навестив палаточный лагерь и увидев, что ребята в ватниках, спросили: «А за что эти сюда сосланы?» А ватники-то прижились тут — они ведь легкие, теплые и не горят от костра!

Ирина считает, что в своем трудном опыте ей многое удалось. Подобранные бандиты с улицы, у которых были приводы в милицию, которые конфеты тырили и знали блатной язык, становились достойными людьми. Что характерно, большинство ребят искали какое-нибудь дело, чтобы улучшить жизнь, помочь старшим. Сейчас ребята озабочены тем, чтобы быстрее найти себе развлечение, и нередко проявляется детская жестокость.

Ирина не одобряет строгие ошейники, излишние наказания. Тревожит ее и то, с какими целями приобретают собак. Каждая собака имеет свое предназначение! Борзая не полезет в нору, а охотник никогда не приобретет болонку. Надо понимать, кого и для чего берешь в свой дом. По мнению Ирины, сейчас повально увлеклись все декоративными собачками. «Это только старухи гуляют с ними, потому что их внуки бросили, — говорит она с досадой. — Подарили щенка в день рождения, маленький виновник торжества быстро наигрался, и собака ему больше не нужна. Мама покупает для своего сына «йорка». А он что, с ним на лыжах может пойти? Какие они будут друзья?» Ирина считает, что такая мама вряд ли понимает своего сына. В целом можно сделать вывод, что люди не понимают смысл и ценность декоративных пород. Одиноким людям они приносят утешение и теплоту. Кроме того, они есть прекрасное начало контакта ребенка и животного, потому что такая малышка не внушает страха. Однако надо продуманно подбирать ребенку собаку. Нужна умная мама.

Ирина много отдала сил на укрепление породы южнорусской овчарки, считая, что «южаки» — это самая выносливая, работоспособная и восприимчивая к воспитанию собака. Когда-то их в Нижнем Новгороде было больше сотни, а сейчас это «поголовье», к сожалению, сошло почти на нет...

Встреча в Нижнем Новгороде показала, как дух «Проталины» проникает в разные слои общественной и личной человеческой жизни. Оживают страницы истории и возвращаются имена людей, несправедливо, а иногда и преднамеренно забытых.

Очень дорого и важно нам то, что эти встречи с прошлым и новые открытия естественно вливаются в жизнь и в сознание сегодняшнего поколения.

Редакция журнала «Проталина»

Генадий Тезиков и его четвероногий друг «Монтер». Отслужил в армии со своей собакой и теперь помогает в работе клуба

Пора на летние квартиры. Ирина Самохвалова со своей преданной командой

XV Всероссийский конкурс СМИ «Патриот России»

Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям

ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС СМИ ПАТРИОТ РОССИИ

XV Всероссийский конкурс «Патриот России» на лучшее освещение в электронных и печатных средствах массовой информации темы патриотического воспитания

ДИПЛОМ

лауреата в номинации
«Служу Отечеству»
III место

награждается
Борис Карташов,
за цикл рассказов о Великой Отечественной войне «Отчаянное противостояние»

Журнал «Проталина»,
г. Екатеринбург

Председатель жюри Конкурса,
заместитель Руководителя Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям
В.С. Козлов

г. Челябинск, июль 2016 г.

28 июля 2016 года в Челябинске состоялась церемония награждения победителей XV Всероссийского конкурса на лучшее освещение в СМИ темы патриотического воспитания «Патриот России-2016».

По общему мнению, конкурс является самым массовым и популярным по количеству творческих работ. Проводится он в соответствии с государственной программой по патриотическому воспитанию граждан, которая утверждается Правительством Российской Федерации каждые пять лет. Организует его Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям (Роспечать) при участии Министерства обороны РФ и Российского государственного военного историко-культурного центра при Правительстве РФ (Росвоенцентр). Оргкомитет конкурса сформирован Международным пресс-клубом (МПК).

Уже в восьмой раз «Проталина» удостоилась высокой награды на этом конкурсе! В этом году диплом лауреата в номинации «Служу Отечеству» был вручен «Проталине» за публикацию рассказов о Великой Отечественной войне «Отчаянное противостояние» Бориса Карташова. Писатель живет в городе Советском Тюменской области, он наш постоянный автор. На торжество в Челябинск от «Проталины» была приглашена главный редактор Елена Минакова-Чернова.

По сложившейся традиции церемонии награждения победителей проводятся в разных городах. Ранее это были Москва, Екатеринбург, Великий Новгород, Волгоград, Омск, Воронеж, Белгород, Уфа, Нижний Новгород – и вот Челябинск, столица Южного Урала. На торжество приехали журналисты из 26 субъектов Российской Федерации. А всего на конкурс поступило и было проанализировано экспертной комиссией 1808 журналистских работ от 402 СМИ из 72 субъектов РФ. Предложенные работы рассматривались по таким категориям, как «Телевидение», «Радио», «Газеты», «Журналы», «Интернет-проекты».

В работе жюри приняли участие представители Роспечати, Минобороны РФ, эксперты в области журналистики и массовых коммуникаций. По итогам рассмотрения на сайте Международного пресс-клуба были опубликованы «Аналитические записки», отражающие уровень высокого сознания пишущих на тему патриотического воспитания. В категории журналов отмечено, что «сложился пул региональных журналов, которые из года в год, последовательно и творчески готовят материалы патриотической тематики, представляя в каждом случае новых авторов». Среди таких журналов отмечены «Старый цейхгауз» (Москва), «Морское наследие» (Санкт-Петербург), «Веси» и «Проталина» (Екатеринбург).

Каждая награда, которая вручается «Проталине» на этом конкурсе, вдохновляет нас и обязывает служить полезному для России делу. Мы рады поздравить Бориса Карташова, нашего постоянного автора, с высокой оценкой его работы, желаем ему дальнейших творческих успехов и прежней твердости его честному перу.

Полная информация о победителях, а также аналитические обзоры по каждой из номинаций конкурса доступны на сайте Международного пресс-клуба www.pr-club.com

http://www.pr-club.com/actual/patriot_rossii_2016

впечатления от встречи с челябинском

ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕАТР
ЦЕРЕМОНИЯ НАГРАЖДЕНИЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ
Челябинск, 28 июля 2016
ПАТРИОТ РОССИИ
2016

D·CLUB
ВХОД СВОБОДНЫЙ
ПЕННАЯ ВЕЧЕРИНКА
+
AFTER PARTY
С 6 УТРА
272-03-02
ЦЕНТР ГОРОДА от
КВАРТИРЫ 35 т.р.м.

ПАТРИОТ
РОССИИ
2016
ОНИЯ НАГРАЖДЕНИЯ
ПОБЕДИТЕЛЕЙ
НОМИНАЦИЯ
“СЛУЖУ ОТЕЧЕСТВУ”
ВСЕРОССИЙСКИЙ
ПАТРИОТ
РОССИИ

Сергей Перунов

Над рекой

Старый храм с провалившимся куполом,
побывавший на долгом веку
и колхозным амбаром, и клубом,
в обмелевшую смотрит реку.

Там у берега бродит по зарослям
заблудившийся пёстрый телок,
догнивает (никто не позарился)
плоскодонка, уткнувшись в песок.

Зарастают тропинки нехожие
безымянной травой-муравой.
Вновь безвременье, вновь бездорожье —
то былинным ветрам не впервой.

Осыпается ягода спелая.
Даль небес голуба и пуста.
И берёзка на храме Успения
зеленеет заместо креста.